

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
(ИНИОН РАН)

**СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 5

ИСТОРИЯ

2022 – 2

Издается с 1973 года
Выходит 4 раза в год
Индекс серии 5.2

МОСКВА 2022

Учредитель
Институт научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук

Отдел истории

Редакционная коллегия серии «История»:

А.А.-Г. Алиев – главный редактор, д-р ист. наук (ИНИОН РАН); *Т.Б. Уварова* – зам. главного редактора, д-р ист. наук (ИНИОН РАН, профессор ЦСА РГГУ); *О.Л. Александри* – ответственный секретарь (ИНИОН РАН); *И.Е. Андронов* – д-р ист. наук (профессор МГУ им. М.В. Ломоносова); *А.А. Анисимова* – канд. ист. наук (ИВИ РАН, доцент ГАУГН); *В.Н. Бабенко* – д-р. ист. наук (профессор ЦНИ ВГУЮ); *Д.М. Бондаренко* – член-корреспондент РАН, д-р ист. наук, профессор, заместитель директора по науке Института Африки РАН; *А.Ю. Ватлин* – д-р ист. наук (профессор МГУ им. М.В. Ломоносова); *Е.Н. Емельянова* – канд. ист. наук (ИНИОН РАН, доцент ГСГУ); *Дж. Лами* – профессор (Миланский государственный университет, Италия); *В.П. Любин* – д-р ист. наук (ИНИОН РАН); *А.Е. Медовичев* – ст. научн. сотрудник (ИНИОН РАН); *Т.М. Фадеева* – канд. ист. наук (ИНИОН РАН); *В.М. Шевырин* – канд. ист. наук (независимый эксперт).

ISSN 2219–875X

Информационно-аналитический журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература». Серия 5: «История» = Information and analytical journal «Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature». Series 5: «History». Входит в базы цитирования: РИНЦ, Google Scholar, East Europe & Central Europe Database компании ProQuest, Ulrichs Periodicals Directory, базы данных Российской государственной библиотеки, Russian Academy of Sciences Bibliographies, библиографические базы данных ИНИОН рии Ultimates компании EBSCO Publishing на платформе EBSCOhost. данных се-

СОДЕРЖАНИЕ

К 100-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СССР

Емельянова Е.Н. Национальное и интернациональное в советской культурной внешней политике (по материалам последних зарубежных исследований). (Статья)	7
Любин В.П. <i>Рец. на книгу</i> : Deutsche und sowjetische Gesellschaften im ersten Nachkriegszeit. Traumata und Hoffnungen	25
<i>Реф. кн.</i> : Судьба большевистской революции : нелиберальное освобождение, 1917–1941	33
<i>Реф. кн.</i> : Горлицкий Й., Хлевнюк О. Субгосударственная диктатура: налаженные связи, лояльность и институциональные изменения в Советском Союзе	40
<i>Реф. кн.</i> : Роуса Магнусдоуттир. Враг номер один : Соединённые Штаты Америки в советской идеологии и пропаганде, 1945–1959	45

СТАТЬИ

Медовичев А.Е. Военная организация Византийской империи во второй половине VII–IX вв. : дискуссия о фемной системе и стратиотском землевладении в современной историографии	48
Сушино-Хоменко Д.В. Королевская канцелярия в Англии X–XI в. : литературно-культурологический ответ в споре дипломатистов в монографии Б. Снука «Англосаксонская канцелярия : история, язык и выпуск англосаксонских грамот от Альфреда до Эдгара»	73
Бабенко О.В. Дискуссионные вопросы балканской политики России XVIII в.	87

ОБЗОРЫ

Стрельцов А.Д. Наполеон : история жизни и миф	109
Комзолова А.А. Борьба внутри политической элиты России накануне и после Февральской революции	125
Уварова Т.Б. Новые формы классического жанра биографии ученого : к 80-летию академика В.А. Тишкова	136

РЕЦЕНЗИИ

Бабенко О.В. <i>Рец. на книгу</i> : Від мурів до бульварів : творення модерного міста в Україні (кінець XVIII – початок XX ст.)...	146
Дунаева Ю.В. <i>Рец. на книгу</i> : Ульянова Г. Купчихи, дворянки, магнатки. Женщины-предпринимательницы в России XIX в.	156

РЕФЕРАТЫ

<i>Реф. кн.</i> : Рэмpton В. Либеральные идеи в царской России от Екатерины Великой до Русской революции	163
<i>Реф. кн.</i> : Феномен российской интеллигенции конца XIX – начала XX в. : монография	169
<i>Реф. кн.</i> : Селезнев Ф.А., Евдокимов А.В. Суд над генералом В.А. Сухомлиновым : документы и материалы (1912– 1917 гг.)	174
<i>Реф. кн.</i> : Цветкова Ц. Фактор северокавказской диаспоры в советско-турецких отношениях (1919–1921 гг.)	177
<i>Реф. кн.</i> : Мозер У. Чахотка. Другая история немецкого общества	184
<i>Реф. кн.</i> : Шерстюков С.А. Немецкая пропаганда на Ближнем Востоке (1914–1945)	190
<i>Реф. кн.</i> : Скаков А.Ю. Сухумский район Республики Абхазия : история и современность	196

CONTENTS

TO THE 100th ANNIVERSARY OF THE FORMATION OF THE USSR

Emelianova E.N. National and international aspects in Soviet cultural foreign policy (based on recent foreign studies). (<i>Article</i>)	7
Ljubin V.P. <i>Book review</i> : German and Soviet societies in the first post-war decade : Traumas and hopes.....	25
<i>Ref. ad op.</i> : The fate of the Bolshevik revolution : illiberal liberation, 1917–41	33
<i>Ref. ad op.</i> : Gorlizki Y., Khlevniuk O. Substate dictatorship : networks, loyalty, and institutional change in the Soviet Union	40
<i>Ref. ad op.</i> : Rósa Magnúsdóttir. Enemy Number One : the United States of America in Soviet ideology and propaganda, 1945–1959	45

ARTICLES

Medovichev A.E. Military organization of the Byzantine Empire in the second half of the VII – IX centuries: Discussion about the «theme system» and stratiotic land ownership in modern historiography	48
Sukhino-Khomenko D. Royal Chancery in England in the 10th and 11th Centuries : A Culturological and Literary Solution to a Diplomats' Dispute. About an B. Snook's monograph «The Anglo-Saxon Chancery: The History, Language and Production of Anglo-Saxon Charters from Alfred to Edgar»	73
Babenko O.V. Controversial issues of the Balkan policy of Russia of the XVIII century	87

OVERVIEWS

Streltsov A.D. Napoleon : life story and myth	109
Komzolova A.A. The struggle within the political elite of Russia on the eve and after the February Revolution	125
Uvarova T.B. New Forms for classical biography of scientist : 80- jubilee of Academic V.A. Tishkov	136

REVIEWS

Babenko O.V. <i>Book review</i> : From walls to boulevards: the crea- tion of a modern city in Ukraine (late XVIII – early XX cen- tury)	146
Dunaeva Y.V. <i>Book review</i> : Ulyanova G. Merchants, noblewomen, magnates. Women Entrepreneurs in 19th Century Russia	156

ABSTRACTS

<i>Ref. ad op.</i> : Rampton V. Liberal ideas in tsarist Russia from Cath- erine the Great to the Russian revolution	163
<i>Ref. ad op.</i> : The phenomenon of the Russian intelligentsia of the late XIX – early XX centuries : monograph	169
<i>Ref. ad op.</i> : Seleznev F.A., Evdokimov A.V. The trial of general V.A. Sukhomlinov : documents and materials (1912–1917)	174
<i>Ref. ad op.</i> : Tsvetkova Ts. «The north caucasian diaspora factor» in the soviet-turkish relations (1919–1921)	177
<i>Ref. ad op.</i> : Moser W. Phthisis. Another history of German soci- ety	184
<i>Ref. ad op.</i> : Sherstyukov S.A. German propaganda in the Middle East (1914–1945)	190
<i>Ref. ad op.</i> : Skakov A.Yu. Sukhum region of the Republic of Abkhazia : history and modernity	196

К 100-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СССР

УДК 172.4; 304.444; 303.446.4; 32.019.51; 327.83; 94(47).084.3–9

ЕМЕЛЬЯНОВА Е.Н.* НАЦИОНАЛЬНОЕ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ В СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЛЕДНИХ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ). (Статья). DOI: 10.31249/rhist/2022.02.01

Аннотация. В статье на основе работ зарубежных историков анализируется проблема соотношения национального и интернационального во внешней политике СССР в области культуры и идеологии, рассматриваются зигзаги внешнеполитической деятельности советского руководства от курса на интернационализм к защите национальных интересов и наоборот, в зависимости от международной обстановки. Зарубежные исследователи ставят сегодня задачу создать единое научное пространство, продолжить межнациональные исследования и выработать общие подходы в оценке мировой и советской истории.

Ключевые слова: национальное и интернациональное во внешней политике СССР; культурная внешняя политика СССР; идеология советского интернационализма.

EMELIANOVA E.N. National and international aspects in Soviet cultural foreign policy (based on recent foreign studies). (Article).

Abstract. Based on the works of foreign historians, the article analyzes the problem of the correlation of national and international aspects in the foreign policy of the USSR in the field of culture and ideology, examines the zigzags of the foreign policy of the Soviet lead-

* Емельянова Елена Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: e.n.emelyanova@mail.ru

ership from the course towards internationalism to the protection of national interests, and vice versa, depending on the international situation. Foreign researchers today set the task of creating a unified scientific space, continuing international research and developing common approaches to assessing world and Soviet history.

Keywords: The national and international in Soviet foreign policy; the cultural foreign policy of the USSR; the ideology of Soviet internationalism.

Для цитирования: Емельянова Е.Н. Национальное и интернациональное в советской культурной внешней политике (по материалам последних зарубежных исследований). (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2022. – № 2. – С. 7–24.

DOI: 10.31249/rhist/2022.02.01

В истории XX–XXI вв. интернациональные и национальные идеи сменяют друг друга. На смену глобалистским взглядам 1990-х годов во всех странах приходят патриотические настроения 2000-х. Те же процессы наблюдались и во внешнеполитической деятельности СССР. Насколько закономерно такое развитие событий? Какие тенденции преобладали в истории России в XX в. и какие будут преобладать в XXI в.? В связи с этим представляется актуальным проанализировать, как некоторые зарубежные исследователи в работах, изданных в последние годы, смотрят на проблему национального и интернационального в советской внешней политике.

Этому вопросу посвящено несколько публикаций. Мы рассмотрим исследования американских, европейских и азиатских историков. Тон дискуссии задала статья британского писателя Джорджа Оруэлла, вышедшая в 1941 г.¹, в которой была поставлена проблема приоритета национализма над интернационализмом в истории. Опираясь на эту постановку вопроса, в спор в последние годы вступили авторы американского журнала «*Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*», редакция которого ставит перед собой задачу способствовать развитию интернациональных

¹ Orwell G. England Your England // The Lion and the Unicorn: Socialism and the English Genius. – London, 1941. – Дата последнего изменения: 29.12.2019. – URL: http://orwell.ru/library/essays/lion/english/e_eye (дата обращения: 06.12. 2021).

исследований по общественным наукам. Любопытны суждения по данному вопросу некоторых иностранных участников проходившей в Москве в июне 2019 г. международной конференции «Левая альтернатива XX в.: драма идей и судьбы людей. К 100-летию Коминтерна» [8; 13]. Авторы демонстрируют разнообразные подходы в освещении внешнеполитической деятельности советского правительства, что позволяет рассмотреть проблему с разных сторон: и с точки зрения западных ученых, и с позиций исследователей с Востока.

Целью статьи является анализ национального и интернационального в советской внешней политике с точки зрения зарубежных историков.

Для решения этой задачи необходимо рассмотреть несколько вопросов: 1) Что доминировало в политике СССР: интернациональные цели или национальные интересы? 2) Каковы были способы распространения транснациональных идей? 3) Что составляло идейную основу советского интернационализма? И насколько эта идеологическая концепция оказалась эффективной?

Проблема соотношения национального и интернационального во внешней политике СССР

Дж. Оруэлл утверждал, что патриотизм обычно сильнее классовой ненависти и всегда сильнее интернационализма. «Невозможно увидеть современный мир таким, какой он есть, если не признать подавляющую силу патриотизма, национальной преданности... Христианство и интернациональный социализм по сравнению с ним слабы... Гитлер и Муссолини пришли к власти в своих странах во многом потому, что они могли понять этот факт, а их оппоненты – нет», – писал он¹. Из своего исследования автор делает выводы: носителями патриотических идей являются как низшие, так и высшие классы, то есть большая часть нации. И только интеллигенция, ориентирующаяся на транснациональные ценности, поддерживает идеи интернационализма. Но ее взгляды ошибочны. Транснациональное общество невозможно, поскольку

¹ Orwell G. England Your England // The Lion and the Unicorn: Socialism and the English Genius. – London, 1941. – Дата последнего изменения: 29.12.2019. – URL: http://orwell.ru/library/essays/lion/english/e_eye (дата обращения: 06.12. 2021).

национальная культура и менталитет сильнее идей интернационализма. Власть всегда в своей политике отражает интересы нации.

В наши дни обсуждение проблемы продолжилось на страницах международного журнала «Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History». В очередном номере за 2017 г. был организован форум: «Другой мировой порядок? СССР и Глобальный Юг». Проблеме соотношения национального и интернационального в советской внешней политике посвящено несколько работ [1; 5; 6; 7; 10; 11; 14].

От имени редакции опубликована обширная статья «Внутри башни из слоновой кости и за ее пределами: миры без националистических шор» [14]. Выражая опасения по поводу роста националистических настроений в мире в настоящее время, авторы ссылаются на работу Дж. Оруэлла и его тезис о том, что «национализм сильнее интернационализма». Читателю предлагается анализ этой гипотезы на примере истории советской внешней политики. По мнению редакции, интернационализм занимал центральное место во внешнеполитической деятельности Советского Союза. Ленин и Троцкий рассматривали Октябрьскую революцию как первый этап мировой революции, которая будет осуществлена глобальными антиколониальными и антиимпериалистическими силами. Однако эта мечта о мире без национальных границ натолкнулась на непреодолимые препятствия, не в последнюю очередь внутри самого советского руководства. Многие большевики ориентировались больше на национальные интересы России, чем на решение интернациональных задач.

И все же, хотя идеи интернационализма к концу 1920-х годов постепенно уступили место концепции «строительства социализма в одной стране», а в следующем десятилетии – «национал-большевизму», строительство социализма по советской модели получило значительный отклик во всем мире, привлекая своих сторонников, искавших альтернативу капитализму и фашизму эпохи Великой депрессии [14, р. 2]. Более того, даже в сталинский период сторонники изоляционизма в СССР никогда не были достаточно сильны, чтобы устранить интернационализм как фактор советской политики. Несмотря на патриотический подъем во время Великой Отечественной войны, международные контакты сохранялись. Советы получали помощь по ленд-лизу и сотрудничали

с британскими и американскими союзниками. Советские солдаты защищали Отечество, но одновременно воевали от имени международного социализма во имя освобождения всего мира от нацизма [14, р. 2].

В послевоенный период опять произошел поворот к политике изоляции. Но, пройдя в 1944–1945 гг. по территории стран Европы, солдаты Красной армии увидели другую жизнь и другую культуру [2; 4]. Западные фильмы, снятые в 1930–1940-х годах, а затем отредактированные для советских зрителей, чтобы показать прогнивший буржуазный мир, парадоксальным образом способствовали налаживанию связей коммунистического государства с западной культурой. Власть вопреки своему замыслу стимулировала интерес к жизни людей в других странах. Как однажды заметил Марк Твен: «Чем больше что-то запрещено, тем более популярным оно становится» [14, р. 2]. Проникновение западной культуры в широкие слои населения стало одним из факторов, подготовивших «хрущевскую оттепель».

Основополагающим компонентом внешней и внутренней политики Н.С. Хрущева был интернационализм. Это проявилось в расширении международных контактов и развитии сотрудничества, в проведении Московского фестиваля молодежи и студентов в 1957 г.; в многочисленных художественных и научных обменах; в знаменитых дебатах между Никсоном и Хрущевым на Американской национальной выставке в парке «Сокольники» в 1959 г. [11; 12].

Л.И. Брежнев продолжал политику интернационализма, поддерживая революции в Латинской Америке, Азии и Африке. СССР преодолевал идеологические барьеры, налаживая связи с Францией, Соединенными Штатами и другими европейскими державами и транснациональными корпорациями [3; 10]. PepsiCo, Fiat и Siemens начали развивать деловые связи в 1960-е и 1970-е годы, что привело к обмену специалистами, идеями, технологиями и потребительскими товарами, способствовало развитию торговли. Советский Союз подписал широкомасштабное соглашение о техническом и научном сотрудничестве с Францией в 1966 г. и с Соединенными Штатами в 1972 г. Было осуществлено знаменитое «рукопожатие в космосе» в 1975 г., связанное с программой «Союз-Аполлон», реализованы совместные проекты по объединению данных и составлению карты Луны, проводились международные

научные конференции. Благодаря увеличению числа рейсов Аэрофлота, Pan American и других перевозчиков иностранные туристы стали неотъемлемой частью все более космополитичного мира. В Университете дружбы народов им. Патриса Лумумбы учились студенты из Африки и Азии, в то время как Институт русского языка им. А.С. Пушкина объединил молодежь, изучающую русский язык, из стран социализма, а также государств Западной Европы и Соединенных Штатов [14, р. 4].

Во второй половине 1980-х годов стали очень популярными неофициальные ток-шоу – телевизионные мосты, которые вели В. Познер и Ф. Донахью. Спонсором передач был Институт Эсален в Биг-Суре (Калифорния). Благодаря им появилась новая форма участия граждан в американско-советском диалоге. Эти передачи стали альтернативой политике «Звездных войн» и бряцанья оружием, которую проводил президент Р. Рейган [там же].

В 1990-е годы, с крушением советской системы, идеи глобализма получили особенно широкое распространение. Возникла надежда на создание единого мирового сообщества, появились планы по объединению усилий в области науки и культуры. Однако возрождающийся сегодня национализм, по убеждению редакторов «Критики», похоже, оказывает давление на ученых по всему миру (в США, России, Великобритании, Турции, Индии и в других странах) [14, р. 6]. И все же авторы выражают надежду на победу идей интернационализма.

В отличие от предыдущего исследования представитель Нью-Йоркского университета Брюс Грант в своей статье «Коммунистические Интернационалы» [5] утверждает, что советской внешней политике всегда был присущ дуализм. Марксизм изначально был основан на идее интернационализма. В период революционных событий 1848 г. Маркс и Энгельс пришли к выводу, что понятие нации начало утрачивать свое значение. Коммунистов упрекают в желании уничтожить страны и национальности, писали они в Манифесте Коммунистической партии. Но у пролетариата нет Отечества. Нельзя отнять у рабочих то, чего у них нет, утверждали основоположники марксизма¹. Так было положено начало

¹ См.: Marx K., Engels F. Manifesto of the Communist Party. – New York : International Publishers, 1983. – P. 48.

стремлению построить новый мировой порядок на основе ликвидации частной собственности, отказе от защиты Отечества и провозглашении новой эры международной пролетарской солидарности [5, р. 89].

Западные марксисты сильно недооценивали, насколько прочно национализм уже укоренился в колониальном мире, где, как они считали, сосредоточены основные силы разрушения империализма. Они не предполагали, что трудящиеся и национальные элиты колоний объединятся вокруг национальной идеи для совместной борьбы с колонизаторами, несмотря на различные политические взгляды и интересы [там же].

Британский ученый Том Нэрн назвал это отрицание национальной идентичности «величайшим историческим провалом марксизма», а работу Сталина 1912 г., излагавшую политику борьбы со стремлением народов к национальному самоопределению, «печальной главой в истории идей» [9, р. 329, 330].

Победа Октябрьской революции 1917 г., казалось, привела к осуществлению марксистской теории. В 1922 г. был создан СССР. Но практика проведения политики социалистического интернационализма – то есть построения мира без национальных границ – десятилетиями колебалась между консервативной линией, реализации которой требовала реальная международная обстановка, и давно обещанной эпохой светлого коммунистического будущего. Эти обещания построить новое глобальное и справедливое сообщество помогали, по мнению Гранта, отвлечь внимание людей от тех трудностей, с которыми они сталкивались на пути к его реализации [5, р. 89].

Двойственность была характерна также и для советской идеологии. С одной стороны, в истории СССР, пишет Грант, часто доминировала национальная идея; с другой – понятие интернационализма было включено в отчеты о советских международных отношениях и закреплено в протоколах партийных съездов и пленумов. Однако реальная политика Министерства иностранных дел сильно отличалась от того интернационализма, о котором говорилось в программных документах. Более того, несмотря на провозглашение международной солидарности и ведущую роль идеи интернационализма в воспитании классового сознания молодежи на

протяжении всего XX в., сам Советский Союз оставался обществом, закрытым для всего мира [5, р. 90].

Грант и другие авторы «Критики» задаются вопросом: как же тогда распространялись интернациональные идеи? И почему советским гражданам удалось получить такой высокий уровень знаний о мировом искусстве и культуре, возможно более высокий, чем у людей в странах с рыночной экономикой? [там же].

Способы распространения интернациональных идей

В своих статьях западные историки отмечают большое внимание, которое СССР уделял поиску сторонников в мировых научных и культурных кругах. В работе об индийских левых писателях 1930-х годов [1] Катерина Кларк рассказывает о том большом внимании, которое уделялось Москвой зарубежным литераторам. Кларк исследует деятельность М.Р. Ананда, знаменитого пенджабского романиста. Его профессиональная работа и частная переписка свидетельствуют о том, что два противоположных полюса – Лондон и Москва – сражались за то, чтобы считать этого защитника низших каст и классов своим союзником [1, р. 63–87].

Временный разгром Коммунистической партии Китая в Шанхае в 1927 г. означал для Ананда конец лозунга единой Восточной Азии, но его мировоззрение все равно оставалось трансграничным. В то время как большинство людей рассматривали монгольское вторжение XIII в. в Индию как порабощение Южной Азии, Ананд утверждал в своей работе 1930 г. «Персидская живопись», что заслуга монголов в том, что они стремились объединить Азию. Объединение произошло в результате монгольских походов через Китай, Центральную Азию и Ближний Восток и, в конечном счете, привело к созданию Империи Великих Моголов. Как правильно подметила Кларк, желание Ананда возродить цивилизацию, воплотившую «мечту об огромном транснациональном культурном пространстве», могло быть основано только на насилии. Ананд понимал, что победа интернационализма связана с жертвами [5, р. 90].

Кларк отмечает, что многие писатели глобального Юга ориентировались на союз с Москвой. Но одновременно они искали поддержки и у других великих держав, связывая с ними надежды

на политические перемены. Ананд пользовался теплым приемом и в лондонских интеллектуальных кругах, которые гораздо меньше ограничивали писателя в его творчестве, чем московские редакторы, требовавшие соответствия его произведений строгим нормам социалистического реализма [5, р. 91]. Ананд никогда не вступал в Коммунистическую партию. Но советские писатели явно оказывали на него влияние. Политическая позиция Ананда, заключающаяся в балансировании между двумя центрами – капитализма и социализма, предшествует новому виду интернационализма, сложившемуся после роспуска Коминтерна в 1943 г. Ярким примером является Движение неприсоединения, основанное в 1961 г. В нем Индия стала одним из лидеров. Участники движения доказали, что можно придерживаться центристской линии и проводить собственную политику, не подвергаясь давлению со стороны великих держав [там же].

Еще одним способом продвижения интернациональных идей было кино. Как и литература, оно рассматривалось коммунистическими властями как метод расширения советского влияния. В своей работе «Советский ориентализм через границы: документальный фильм для Турецкой республики» [6] Сэмюэл Херст рассматривает историю создания советскими режиссерами фильмов для Турции, страны с другой идеологией и культурой.

В начале 1930-х годов Анкара обратилась к Москве за сотрудничеством в области кинематографа. И советский, и турецкий народы строили новый мир на руинах империи. Кино должно было помочь укрепить культурные и политические связи между двумя странами. Два известных советских кинорежиссера, Сергей Юткевич и Эсфирь Шуб, были среди тех, кто откликнулся на просьбу Анкары, создав документальный фильм «Анкара – сердце Турции» (Юткевич, 1934 г.) и незаконченную работу «Турция на подъеме» (Шуб, 1937 г.).

Статья Херста показывает, что Турция и СССР через кино стремились продемонстрировать развитие индустриальной цивилизации, опровергая прежние империалистические и ориенталистские представления о традиционном Востоке. Они боролись за новое общество, обнаруживая при этом, каковы могут быть пределы транснационализма. Турция, которая благодаря обширным археологическим раскопкам, осознавала себя преемницей древних куль-

тур, не испытывала особой потребности в копировании славянской цивилизации России [5, р. 91–92]. Более того, как отметил английский философ и антрополог Эрнест Геллнер, если основополагающие принципы современности включают массовую грамотность, развитие личности, эгалитаризм и горизонтальные социальные отношения, то исламский мир уже двигался по этому пути с VII века¹. «Великий шелковый путь» дал османам, а также их преемникам в Турецкой Республике, образец международного социального сотрудничества. Поэтому советские и турецкие кинематографисты в 30-е годы XX столетия понимали необходимость компромиссов и маневрирования.

Статья Херста открывает новые страницы в истории советского кинематографа и международных отношений первой трети XX в. Его исследование показывает, что советско-турецкое сообщество пыталось избавиться от своего ориенталистского прошлого. Но светлое будущее, которое они строили, «выглядело как светлое – на арийский манер» [5, р. 92]. Таким образом, автор показывает пределы вестернизации восточных обществ и намекает на близость режимов Сталина и Кемаля к нацистской Германии, что, на наш взгляд, неверно. Турецкое и советское государства этого времени имели признаки тоталитаризма, но не нацизма.

Участники форума на страницах журнала «Критика» особое внимание уделяют образованию как способу распространения интернациональных идей. Идея мировой революции была одной из целей коммунистического движения в 20–30-е годы XX столетия. СССР провозгласил себя наставником мира и Отечеством мирового пролетариата. Эта тема исследуется в статье научного сотрудника Нью-Йоркского университета в Абу-Даби Маши Кирасировой [7].

В 1921 г. был создан Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ). В нем учились представители советского Востока из республик Кавказа и Средней Азии, а также студенты из Японии, Китая, Ближнего и Среднего Востока и арабского мира. Арабы, как считает автор, были наиболее сложным, трудно поддающимся коммунистическому воспитанию контингентом.

¹ Gellner E. Muslim Society. – New York : Cambridge University Press, 1983. – P. 4–7.

Если кавказцы и выходцы из Центральной Азии уже интегрировались в советское культурное пространство, возможности арабских студентов для экспорта революции на Ближний Восток часто разочаровывали преподавателей КУТВ. Культура арабов была тесно связана с религией и семьей. При необходимости арабские студенты могли сыграть на своей кажущейся отсталости, чтобы объяснить свое нежелание принимать советские нормы. Как показывает Кирасирова, арабские студенты отличались от более обеспеченных западных коммунистов. С одной стороны, здесь были настоящие «жертвы европейского империализма» [7, р. 93]. С другой – часто вставал вопрос о том, насколько эти жертвы были заинтересованы в том, чтобы сбросить ярмо религиозного и капиталистического угнетения, а не просто получить бесплатное образование, остаться в СССР или сделать карьеру на родине.

Кирасирова отмечает патернализм, с которым в Университете трудящихся Востока внушались коммунистические идеи. В КУТВ готовили партийные кадры, чтобы затем отправить их в страны Востока для организации коммунистического движения и налаживания внешнеполитических отношений СССР с государствами Азии, Африки и Латинской Америки.

Проблема интернациональных исследований в науке затрагивается в статье «Внутри и за пределами башни из слоновой кости: миры без националистических шор» [14]. В ней отмечается, что после окончания холодной войны перед научным сообществом стоят две основные задачи: 1) способствовать полному пониманию особенностей российской и мировой истории; 2) содействовать интернационализации исследований путем научных дискуссий и обмена мнениями, минуя политические, культурные и национальные границы.

Национальные приоритеты в историографии явно присутствовали и в конце советской эпохи – в 1980-е годы, и в начале демократического периода – в 1990-е годы. Но в то время, по крайней мере на Западе, предполагалось, что интернациональная историография будет расширяться и в конечном счете победит. Отсюда и интерес к межнациональным, явно ненационалистическим подходам. Сегодня мы видим рост патриотических настроений при анализе исторических проблем [14, р. 4–5].

С момента своего создания журнал «Критика» пытался интегрировать отдельные академические школы Северной и Латинской Америки, Европы, Австралии и Новой Зеландии, Индии, Японии и бывшего Советского Союза. Такой «научный интернационализм» сопряжен с рядом проблем, в том числе с задачей сбалансировать и согласовать иногда заметно отличающиеся друг от друга научные школы и требования. То, что имеет значение для ученых в Соединенных Штатах, отличается от научных требований в Англии, Европе и России. Различные стили письма, способы аргументации, подходы к доказательствам и историографические традиции представляют собой постоянные трудности на пути к созданию международной гуманитарной науки.

Еще одной проблемой является связь академического мира с широкими политическими течениями, особенно учитывая разделяющее «наследство холодной войны». Напряженные отношения между Соединенными Штатами и Россией в последнее время также усложнили работу по интернационализации евразийских исследований. [14, р. 4]. У историков возникает вопрос: неужели потребность в создании глобальной исторической науки исчерпала себя и в историографии социальных, гуманитарных и общественных наук будут доминировать национальные школы. Редакция «Критики» все же полагает, что интернациональные исследования имеют хорошие перспективы.

Брюс Грант приходит к выводу, что основная идея представленных статей заключается в осознании авторами того, что контакты между писателями, обмены кинофильмами, международные университеты и научные связи были трансграничным опытом, который представлял собой нечто большее, чем несбывшиеся мечты или эксперименты по созданию светлого будущего. Они символизировали глубоко укоренившиеся межнациональные устремления людей. Статьи способствуют новому прочтению истории советской эпохи [5, р. 94].

Таким образом, способами установления интернациональных связей, по мнению европейских и американских ученых, были международное сотрудничество и поддержка творческой интеллигенции, совместные глобальные проекты в области культуры, науки и образования, создание международных университетов для обучения иностранных студентов.

А какую роль играет идеология в формировании глобального мира? На этот вопрос дают ответ вьетнамские историки [8; 14].

Роль идеологии в установлении интернациональных связей

Статья доктора философии Чан Туан Фонга (Вьетнамская академия общественных наук) [13] посвящена развитию коммунистической идеологии как идейной основы интернационализма. Опираясь на нее, СССР сумел создать мировую систему социализма. В отличие от западных историков, придерживающихся либеральных взглядов, Чан Туан Фонг рассматривает проблему национального и интернационального с точки зрения марксизма.

В своей работе он поделился размышлениями о развитии теории и практики социализма за последние 100 лет и попытался продемонстрировать эволюцию этой идеи в XX–XXI вв., а также определить роль Советского Союза в ее распространении. Вьетнамский исследователь считает, что хотя сегодня реальный социализм сталкивается с определенными трудностями, особенно после краха социалистической модели в СССР и странах Восточной Европы в 1990-х годах, эта система все же подтверждает свою жизнеспособность в новых условиях современного мира.

Автор отмечает вклад В. Ленина в гибкое и творческое развитие теории научного социализма К. Маркса и Ф. Энгельса в конкретных условиях России [13, р. 308]. Ленин создал советскую модель социализма. Несмотря на ее определенные ограничения, СССР добился значительных успехов в модернизации общества, экономики и культуры. Советский Союз оказал глубокое влияние на политическую жизнь мира, сыграв решающую роль в крушении колониализма и создании мировой социалистической системы. Большое значение в идеологической подготовке этого процесса, по мнению вьетнамского автора, имел Коминтерн. Благодаря Третьему Интернационалу компартии были созданы в странах Европы, Азии, Америки и Африки. Наибольшую поддержку коммунистические идеи получили в государствах Востока. Что привлекло неевропейские народы в теории марксизма-ленинизма? Чем она отличалась от идеологии западной социал-демократии?

Чан Туан Фонг отмечает, что провозглашение Лениным права наций на самоопределение оказало огромное влияние на угне-

тенные народы. Именно Ленин превратил лозунг К. Маркса и Ф. Энгельса «Рабочие всего мира, объединяйтесь!» в лозунг «Рабочие и угнетенные всего мира, объединяйтесь!». На Съезде народов Востока в Баку в 1920 г. Ленин и его большевистская партия попытались организовать единое национальное революционное движение угнетенных народов мира. Причем в это движение вовлекались не только трудящиеся массы, но и часть национальной буржуазии и помещиков, враждебно настроенных к колонизаторам. Создавался единый фронт национального освобождения, который поддерживался СССР через Коминтерн. Эти же мысли содержатся и в работе еще одного вьетнамского ученого, доктора философии Лыонга Вьет Санга (Национальная академия политических наук им. Хо Ши Мина, Вьетнам) [8].

На примере деятельности Хо Ши Мина, основателя Коммунистической партии Вьетнама и вождя Вьетнамской революции, Чан Туан Фонг и Лыонг Вьет Санг рассматривают эволюцию взглядов лидеров антиколониального движения от революционного национализма к европейскому социализму и через него к коммунизму. Именно нерешительность Второго Интернационала в вопросах антиколониальной политики и революционные аргументы Ленина по национальной проблеме оказали решающее влияние на Хо Ши Мина. В 1919 г. он вступил во французскую Социалистическую партию. А на съезде соцпартии в Туре в 1920 г. Хо Ши Мин стал членом Французской компартии и проголосовал за Третий Интернационал. Вопрос о борьбе за немедленное освобождение колониальных народов являлся ключевой причиной, по которой Хо Ши Мин, будучи членом Социалистической партии Франции, выступил за вхождение в Коминтерн [13, р. 310].

Чан Туан Фонг, опираясь на воспоминания Хо Ши Мина, показывает, как тяжело давалось понимание коммунистической идеологии будущему лидеру Вьетнамской революции. Хо Ши Мин рассказывал, что товарищ дал ему почитать работу Ленина, опубликованную в «L'Humanité». В этих тезисах по национальному и колониальному вопросам содержались политические термины, в которых было трудно разобраться. Но, перечитывая их снова и снова, он наконец смог понять основную мысль¹.

¹ Ho Chi Minh. The Path Which Led Me to Leninism. – URL: <https://www.marxists.org/reference/archive/ho-chi-minh/works/1960/04/x01.htm>

Идея коммунизма, по мнению вьетнамских авторов, привлекала колониальные народы тем, что декларировала национальное освобождение, равенство всех людей, ликвидацию нищеты, всеобщую занятость, благосостояние и счастье. Строительство нового общества позволило раскрыть потенциал каждого человека, то есть давало равные возможности роста (социальный лифт) всем гражданам. В итоге марксизм в российской интерпретации оказался ближе колониальным народам Востока, чем западный социализм. Его теоретические основы были воплощены в жизнь после победы Августовской революции во Вьетнаме в 1945 г.

Интересна современная интерпретация идеологии социализма вьетнамскими обществоведами. Чан Туан Фонг пишет, что главной целью дела социалистического строительства является осуществление лозунгов: «богатые люди, сильная страна, демократическое, справедливое и цивилизованное общество» [13, р. 312]. Фактически провозглашаются демократические ценности. Коммунистическая идеология во Вьетнаме сблизилась с либерализмом. Эта новая интерпретация социализма позволяет Вьетнаму интегрироваться в мировое сообщество. И в этом тоже проявляется интернационализм, сближение мировых идей отражает процесс глобализации.

В заключение Чан Туан Фонг отмечает, что распад Советского Союза и социалистической системы в Восточной Европе в 1990-х годах стал крахом определенной, советской социалистической модели социализма, а не социализма как социально-экономической формации в целом [там же]. Автор напоминает слова классика, что социализм не догма, а руководство к действию, непрерывное движение к прогрессу. Остатки коммунистической системы существуют и сегодня. Практика показала, что социалистические режимы могут сохраняться и развиваться только путем всестороннего реформирования, считает Чан Туан Фонг. Реальное обновление Вьетнама и реформы в Китае, а также социалистические модели, разрабатываемые в последнее время в других странах мира, еще раз подтверждают, по мнению автора, что у социализма есть перспективы развития [13, р. 312].

Статья вьетнамского ученого свидетельствует, что менталитет азиатских народов, избравших путь социализма, кардинально изменился под влиянием теории марксизма-ленинизма. Коммуни-

стическая идеология не только способствовала созданию мировой системы социализма, но и содействовала вестернизации сознания народов Востока. Статьи вьетнамских авторов [8; 14] позволяют сделать вывод о том, что общечеловеческие ценности, которые господствуют в умах людей этой страны, сближают культуры Вьетнама и России. Это благоприятствует укреплению авторитета нашего государства в данном регионе, а, следовательно, способствует развитию интернациональных связей.

Выводы

Проблема соотношения национального и интернационального в советской и мировой политике еще нуждается в дальнейших исследованиях.

Западные авторы в своих работах делают упор на культурные связи и рассматривают проблему с точки зрения цивилизационного подхода. В соответствии с либеральной школой международных отношений они обращают внимание на естественное стремление людей к единству мира. Но не отвечают на вопрос: почему на том или ином этапе мировой истории преобладают то интернациональные, то националистические тенденции? Ответ, на наш взгляд, прост. Националистические настроения усиливаются в эпоху международной напряженности, когда возникает потребность в отстаивании национальных интересов. Стремление к интернациональным связям и созданию единого мирового сообщества начинает преобладать в мирную эпоху, как естественное желание людей познать новые цивилизации и преодолеть национальные границы.

Позиция ученых социалистических стран по-прежнему основывается на формационном подходе. Они положительно оценивают советский опыт в развитии экономики, культуры, социальной сферы, осуществлении интернациональной внешней политики. Объединение человечества историки-марксисты в соответствии с коммунистической теорией видят на пути движения народов к социализму, признавая многообразие моделей данной формации.

В заключение следует сказать, что советская внешняя политика колебалась от интернационализма к патриотизму в зависимости от международной обстановки. Создание Советского государст-

ва рассматривалось большевиками как начало мировой революции. Эту идею пытался провести в жизнь Коминтерн. В сталинскую эпоху возобладала политика изоляционизма и защиты национальных интересов. После Второй мировой войны образовалась мировая система социализма. Внешняя политика Советского Союза во второй половине XX в. менялась от политики закрытости в эпоху Сталина и Брежнева к усилению тенденций к открытости в период Хрущева и Горбачева, в соответствии с ухудшением или улучшением отношений с другим мировым центром – Соединенными Штатами Америки.

Способами укрепления интернациональных связей были взаимный обмен стран достижениями культуры, науки, образования. Идеология также играла огромную роль, поскольку способствовала созданию интернациональных сообществ на основе общих ценностей и культуры. Удастся ли современной гуманитарной науке преодолеть не только национальные, но и идеологические барьеры, создать транснациональную теорию исследований и единую систему оценки мировой и советской истории, или вновь возобладают национальные школы? Покажет время.

Список литературы

1. Clark K. Indian Leftist Writers of the 1930s Maneuver among India, London, and Moscow: The Case of Mulk Raj Anand and His Patron Ralph Fox // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. – 2017. – Vol. 18, N 1. – P. 63–87.
2. Edele M. Soviet Veterans of the Second World War: A Popular Movement in an Authoritarian Society, 1941–1991. – New York : Oxford University Press, 2008. – 334 p.
3. Friedman J. Shadow Cold War: The Sino-Soviet Competition for the Third World. – Chapel Hill : University of North Carolina Press, 2015. – 304 p.
4. Fürst J. Stalin's Last Generation: Soviet Postwar Youth and the Arrival of Mature Socialism. – New York : Oxford University Press, 2010. – 352 p.
5. Grant B. Communist Internationals // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. – 2017. – Vol. 18, N 1. – P. 89–93.
6. Hirst S.J. Soviet Orientalism across Borders: Documentary Film for the Turkish Republic // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. – 2017. – Vol. 18, N 1. – P. 35–61.
7. Kirasirova M. The «East» as a Category of Bolshevik Ideology and Comintern Administration: The Arab Section of the Communist University of the Toilers of the East // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. – 2017. – Vol. 18, N 1. – P. 7–34.

8. Luong Viet Sang. National and colonial line of the Communist International and the National Liberation Revolution of Vietnam // *Левая альтернатива в XX в.: драма идей и судьбы людей . К 100-летию Коминтерна : сборник докладов Международной научной конференции. Москва, 26–28 июня 2019 г. / [отв. ред. А.К. Сорокин]. – Москва : Политическая энциклопедия, 2020. – С. 132–138.*
9. Nairn T. *The Break-Up of Britain : Crisis and Neo-Nationalism.* – London : Verso, 1981. – 409 p.
10. Raleigh D.J. “Soviet” Man of Peace: Leonid Il’ich Brezhnev and His Diaries // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History.* – 2016. – Vol. 17, N 4. – P. 837–868.
11. Reid S.E. Who Will Beat Whom? Soviet Popular Reception of the American National Exhibition in Moscow, 1959 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History.* – 2008. – Vol. 9, N 4. – P. 855–904.
12. Tomoff K. *Virtuosi Abroad: Soviet Music and Imperial Competition during the Early Cold War, 1945–1958.* – Ithaca, NY : Cornell University Press, 2015. – 262 p.
13. Tran Tuan Phong. Some reflection on the theory and practice of socialism. On occasion of the 100th anniversary of the Third Communist International // *Левая альтернатива в XX в.: драма идей и судьбы людей. К 100-летию Коминтерна : сборник докладов Международной научной конференции. Москва, 26–28 июня 2019 г. / [отв. ред. А.К. Сорокин]. – Москва : Политическая энциклопедия, 2020. – С. 304–313.*
14. Within and Beyond the Ivory Tower: Worlds without Nationalist Blinders // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History.* – 2017. – Vol. 18, N 1. – P. 1–6.

УДК 94(430).087; 94(47).084.8

ЛЮБИН В.П.* Рецензия на кн. : DEUTSCHE UND SOWJETISCHE GESELLSCHAFTEN IM ERSTEN NACHKRIEGSZEIT. TRAUMATA UND HOFFNUNGEN. – Berlin : De Gruyter Oldenburg, 2020. – 275 S. – (Mitteilungen der Gemeinsamen Kommission für die Erforschung der jüngeren Geschichte der deutsch-russischen Beziehungen ; Bd. 9). – ОБЩЕСТВО В ГЕРМАНИИ И СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ В ПЕРВОЕ ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛИТИЕ : ТРАВМЫ И НАДЕЖДЫ. – Берлин : De Gruyter Oldenburg, 2020. – 281 с. – (Сообщения совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений ; вып. 9). DOI: 10.31249/rhist/2022.02.02

Ключевые слова: послевоенное десятилетие, 1945–1955 гг.; советские военнопленные в третьем рейхе; репатриация в СССР; советский оккупационный режим в Восточной Германии; социально-экономическая ситуация в Германии и СССР.

LJUBIN V.P. Book review: German and Soviet societies in the first post-war decade: Traumas and hopes.

Keywords: The post-war decade, 1945-1955; Soviet prisoners of war in the Third Reich; repatriation to the USSR; the Soviet occupation regime in East Germany; the socio-economic situation in Germany and the USSR.

Для цитирования: Любин В.П. [Рец.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. –

* Любин Валерий Петрович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам Российской Академии наук (ИНИОН РАН). E-mail: valerij.ljubin@gmail.com

Рец. на кн.: Deutsche und sowjetische Gesellschaften im ersten Nachkriegszeit. Traumata und Hoffnungen. – Berlin : De Gruyter Oldenburg, 2020. – 275 S. – (Mitteilungen der Gemeinsamen Kommission für die Erforschung der jüngeren Geschichte der deutsch-russischen Beziehungen ; Bd. 9) = Общество в Германии и Советском Союзе в первое послевоенное десятилетие. – Берлин : De Gruyter Oldenburg, 2020. – 281 с.
DOI: 10.31249/rhist/2022.02.02

В изданном по традиции на двух языках, русском и немецком, 9-м выпуске (или томе) трудов Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений собраны материалы научного colloquium, проведенного в Бонне 8 июля 2016 г. в ходе ежегодного заседания комиссии¹, а также семинара молодых российских и немецких историков, прошедшего в Гейдельберге 29 октября – 2 ноября 2017 г. Сделанные на этих двух встречах доклады были превращены в статьи, которые авторы, судя по ссылкам на выходившие уже после этих встреч работы, дорабатывали вплоть до финальной стадии подготовки тома.

Как отмечают в предисловии сопредседатели Комиссии академик РАН А.О.Чубарьян и директор Германского института современной истории профессор А.Виршинг, в соответствии с методологическими принципами ее работы и предшествующим опытом «была выбрана актуальная для наших двух стран историческая тема, которая не только продолжает привлекать внимание историков, но и открывает перспективы для сравнительного анализа» (с. 1).

Если бы любого историка-германиста спросили, какими рубежными хронологическими датами следовало обозначить послевоенное десятилетие, о котором шла речь на colloquium, можно было бы почти со стопроцентной гарантией получить ответ: во-первых, 8/9 мая 1945 г. – победа СССР и союзников и безоговорочная капитуляция гитлеровского режима в Германии, что привело к разделу страны на четыре оккупационные зоны, а с 1949 г. – на два немецких государства – ГДР и ФРГ, а во-вторых, рубежная

¹ Автору рецензии довелось участвовать в работе данного colloquium, совпавшего с его преподаванием в июле 2016 г. в ходе летнего студенческого семестра в Боннском университете, а до этого в течение 2008–2015 гг. быть членом Комиссии и выступать с докладами и в дискуссиях на многих ее встречах. – *Прим. рец.*

точка его окончания: визит канцлера ФРГ К. Аденауэра с правительственной делегацией в Москву 9–14 сентября 1955 г. и возобновление дипломатических отношений. Именно тогда начался новый этап сосуществования СССР и ФРГ, продлившийся до объединения двух Германий в единое государство 3 октября 1990 г. Представляется, что такого же мнения придерживались и организаторы коллоквиума в Бонне и встречи в Гейдельберге в 2016 и 2017 гг.

В рассматриваемом 9-м томе «Сообщений» помещены статьи участников Боннского коллоквиума Н. Тимофеевой, А. Кёнигседер, С. Трёбста, В. Христофорова, А. Малыхи, Т. Шлеммера, Б. Физелер, Н. Вашкау, Т. фон Раддена. За ними следуют работы молодых ученых с конференции в Гейдельберге 2017 г. Авторами статей выступают А. Хильгер, Н. Фихтнер, Л. Ведель, И. Баринов, Л. Ланник, Н. Копча, Ю. фон Зааль, К. Танис, А. Тихомиров, А. Сорокин, А. Фридман. В конце каждой из частей – русской и немецкой – приводится список авторов тома с указанием их научных титулов и мест работы (с. 279–280, S. 273–274).

В открывающей подборку и задающей тон всему сборнику работе Н. Тимофеевой «Трудная дорога домой: ресоциализация “восточных рабочих” после их возвращения в СССР (1945–1955 гг.)» отмечено, что в Германии имеется целое исследовательское направление, занимающееся историей принудительного труда иностранцев, в их числе «восточных рабочих» и советских военнопленных в третьем рейхе. «Российское общество нуждается в исследовании проблемы принудительного труда, затронувшего несколько миллионов советских граждан», эта тема в России до сих пор представлена «фрагментарно» (с. 4). Возвращение советских граждан на родину после окончания войны происходило на основе Ялтинских (11.02.1945) и Галльских (22.05.1945) соглашений, по которым «репатриации в СССР подлежали все его граждане независимо от их желания» (с. 4)¹. Мало кто из возвращающихся представлял, что

¹ Проблема возвращения советских граждан из Германии на родину недавно получила еще и отличную документальную базу в виде публикации двухтомника, созданного совместными усилиями сотрудников Росархива, ГАРФ и Германского исторического института в Москве, см.: Репатриация советских граждан с оккупированной территории Германии 1944–1952 гг. : сб. документов : в 2 т. – Т. 1 : 1944–1946. – Москва : РОССПЭН, 2018. – 877 с. ; Т. 2 : 1947–1952. – Москва : РОССПЭН, 2019. – 951 с.

ждет его в прошедшей через войну стране. Значительная часть «восточных рабочих» поначалу попала на работу в воинские части советской группы войск в Германии, в 1945 г. таких насчитывалось 10 362 человека (с. 6). К 1952 г. в СССР вернулись свыше 4,3 млн советских граждан. Несмотря на принятые властями меры по их адаптации, «бесправное положение прибывших на родину приводило репатриантов к выводу о наличии в СССР тайных директив, ограничивавших их в правах» (с. 8). Эскалация холодной войны и кампания по борьбе с космополитизмом усилили подозрительность и недоверие в обществе, это способствовало «стигматизации репатриантов». «Ресоциализация бывших работников принудительного труда после репатриации в СССР сопровождалась вынужденным конформизмом и болезненным вытеснением из их памяти травматического опыта их труда в нацистской Германии» (с. 11–12).

Далее помещены статья А. Кёнигседер «К вопросу о положении евреев из числа перемещенных лиц» и работа С. Трёбста «Бегство, насильственное перемещение и изгнание немцев (1944–1948 гг.)». В. Христофоров рассмотрел «Общественные настроения немецкого населения в советской зоне оккупации в Германии в 1946–1949 гг.», А. Малыха озаглавил статью «К вопросу о социально-экономической ситуации Германии и ГДР (1945–1950 гг.)». Работа Т. Шлеммера названа «Между голодом и надеждой. Питание и повседневность в (Западной) Германии: от “общества пайков” к “экономическому чуду”». В двух статьях рассмотрена гендерная тематика: Б. Физелер «От винтовки к колыбели: советская политика в сфере семьи и гендера в контексте Великой Отечественной войны» и Н. Вашкау «Переосмысливая прошлое: изменение гендерных ролей в послевоенное десятилетие в СССР». К этому же примыкает публикация Т. фон Радена «Мягкое отцовство и демократия в Федеративной Республике Германия».

По тематике обе научные встречи сильно отличались. Если тема первой из них прямо отражена в заголовке 9-го тома, то вторая встреча, проведенная в виде семинара, имела широкий хронологический диапазон и названа «Новый взгляд на соприкосновение и взаимодействие германской и российской истории XIX–XX вв. в глобальном контексте». В предисловии организаторов семинара отмечено, что с его помощью они намеревались «создать площад-

ку для регулярного научного обмена между молодыми историками из России и Германии» (с. 121). В этом семинаре для молодых ученых в Гейдельберге приняли участие 20 молодых историков (10 женщин и 10 мужчин). Отмечено, что Гейдельберг со второй половины XIX в. стал духовным центром для многих русских ученых, композиторов, писателей, среди них – Тургенев, Бородин, Римский-Корсаков, Скрябин, Мандельштам, Бердяев, Ковалевская, в мемуарах она сравнивала этот город с «потерянным раем» (с. 121). Относительно новым направлением исторических исследований на данном молодежном форуме стало находящее все более широкое признание изучение воздействия на советское и немецкое общество такого массового визуального вида искусства, как кино.

Собранные в разделе, посвященном Гейдельбергской конференции, статьи молодых ученых-историков носят разнонаправленный характер. А. Хильгер посвятил статью теме «Германо-российская история и российская история», Н. Фихтнер выбрала темой «Михаил Ростовцев и его научные связи с немецкими учеными», Л. Ведель – «Культурный трансфер и потребительская культура через призму рекламы в Российской империи». Ряд статей связан с тематикой Первой мировой войны и послевоенного периода: И. Баринов назвал свою работу «Балтийские немцы – офицеры русской императорской армии, 1914–1918: между империей и нацией», Л. Ланник – «Имплементация Брестских договоров как проблема коалиционной стратегии Центральных держав». Н. Копча посвятила работу историко-философско-литературной теме «Политический миф в контексте культурного трансфера: Артур Мёллер ван ден Брук и его политическая рецепция произведений Ф.М. Достоевского», Ю. фон Зааль осветила тему «Советские «дети войны»: к вопросу об одном поле исторического исследования». Статья К. Танис названа «Трофейное кино в Советском Союзе: специфика культурного трансфера», работа А. Тихомирова – «Визуальный оккупационный режим в послевоенной Восточной Германии (1945–1961 гг.)». Завершают подборку статей молодых историков работы А. Сорокина «Образ Советского Союза федеральных канцлеров Аденауэра и Брандта» и А. Фридмана «Западный Берлин как тайный фаворит для евреев-эмигрантов: Штази, КГБ и еврейская община Западного Берлина в 1970–1980-е годы».

Не всем молодым авторам удалось избежать недочетов. Обративший на себя внимание публикацией в 2017 г. интересной статьи «Значение кёльнского происхождения в становлении внешнеполитических взглядов канцлера Аденауэра»¹ доцент Омского университета, канд. ист. наук А. Сорокин при освещении выбранной им темы «Образ Советского Союза федеральных канцлеров Аденауэра и Брандта» снабдил цитируемый ряд источников и литературы лишь одним отечественным изданием. В результате забывается, что не только в Германии, но и в СССР, и в России выходило много работ на данную тему. В Брандту и его отношениям с СССР посвящено, например, немало трудов работавшего в ИНИОН видного германиста Б.С. Орлова и многих других российских ученых. Политика двух канцлеров ФРГ и их отношение к СССР освещены в трудах таких известных германистов, как В.Д. Ежов, Н.В. Павлов, А.М. Филитов, Ф.И. Новик, Б.В. Петелин и др. А если обратиться к судьбоносному визиту Аденауэра в Москву 1955 г., то к 50-летию этого события вышли и другие работы кроме процитированного автором в библиографическом списке сборника документов². В недавней статье А.Н. Сорокина повторяется тот же подход, в список источников и литературы автор помещает труды лишь двух российских авторов – А.М. Филитова и В.Д. Ежова и приводит более 40 публикаций на немецком языке³.

¹ Сорокин А.Н. Значение кёльнского происхождения в становлении внешнеполитических взглядов канцлера Аденауэра // Диалог со временем. – 2017. – Вып. 60. – С. 342–351.

² Визит канцлера Аденауэра в Москву 8-14 сентября 1955 г. : документы и материалы. К 50-летию дипломатических отношений между Россией и Германией: 1955-2005 / А.В. Загорский (отв. ред.). – Москва : Московское отделение Фонда им. К. Аденауэра, 2005. – 231 с. При этом автор игнорирует переиздание: Кунце Т. Визит Канцлера Аденауэра в Москву 8-14 сентября 1955 г. Документы и материалы. – Изд. 2-е, доп. – Москва : Директ-Медиа, 2020. – 443 с. К вышедшим к юбилею исследовательским работам относятся, например, также: Брам Х., Любин В.П. Аденауэр и СССР: неизвестные страницы истории // Россия и современный мир. – Москва : ИНИОН, РАН, 2006. – С. 164-176; Они же. Дипломатия высокого риска // Независимая газета (Идеи и люди). – 2005. – 13 сент. – С. 9; Idem. Ein unbekannter Adenauer // Frankfurter Allgemeine Zeitung, 13.IX. – 2005. – S. 10.

³ Сорокин А.Н. Германский вопрос во внешней политике Аденауэра // История : Электронный научно-образовательный журнал. – Москва : ИВИ РАН, 2020. – Т. 11, вып. 7(93). – 26 с.

В начале сборника помещен некролог: безвременно ушел из жизни один из самых активных и ярких членов Комиссии Юрген Заруский (1958–2019). Он около трех десятилетий трудился в Институте современной истории в Мюнхене, с 2016 г. был главным редактором известного в мире профессионалов издаваемого институтом ежеквартального журнала по современной истории¹. Его «научная деятельность протекала неотделимо от межличностных контактов, круг его друзей в России и других бывших республиках Советского Союза был весьма обширен». «В необходимости и значимости диалога с Россией он не сомневался никогда» (с. 2). Мне довелось дружить с ним, участвовать вместе в конференциях как в помещавшемся в здании ИНИОН Германском историческом институте в Москве, так и в разных городах и университетах России и Германии. Он безупречно владел русским языком, был настоящим профессиональным историком с широчайшими научными интересами, выходившими далеко за пределы изучения русской истории, восхищался русской литературой, высоко ценил произведения Василия Гроссмана, считал его писателем-провидцем, давал в своих докладах и статьях интересные интерпретации его творчества. Нужные и точные слова о Ю. Заруском, оценивая его как замечательного коллегу, видного специалиста по русской истории и культуре, нашел автор некролога, директор Института современной истории Андреас Виршинг: «Работе Совместной российско-германской комиссии историков, в состав которой он входил, Юрген Заруский отдавал свое сердце. Издававшиеся Комиссией «Сообщения» под его руководством стали центром обмена историографическими знаниями между двумя странами» (там же).

Хотелось бы отметить, что материалы конференций, с необходимой полнотой отраженные в рецензируемом сборнике, показывают, насколько плодотворно развивается взаимодействие российских и немецких историков в процессе сотрудничества в международном научном сообществе.

В целом 9-й том «Сообщений» на фоне выходивших до этого томов выделяется охватом более широкого поля тем исследований. Он отличается тем, что наряду с работами состоявшихся, из-

¹ Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. München.

вестных специалистов слово в нем предоставлено и молодому поколению историков двух стран, для которых эти публикации в престижном издании важны в их научной карьере.

СУДЬБА БОЛЬШЕВИСТСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ : НЕЛИБЕРАЛЬНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ, 1917–1941

The fate of the Bolshevik revolution : illiberal liberation, 1917–41 / Ed. by L. Douds, J. Harris, P. Whitewood. – London [et al.] : Bloomsbury Academic, 2020. – X, 319 p.

Ключевые слова: революция в России 1917 г.; идеологическая эволюция большевистского режима; насильственные методы управления; внутрипартийная демократия; цели и задачи народного просвещения.

Keywords: The Russian Revolution of 1917; the ideological evolution of the Bolshevik regime; violent methods of governance; inner-party democracy; the aims and objectives of public education.

Для цитирования: Минц М.М. [Реф.] / Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2022. – № 2. – С. 33–40. Реф. кн. : The fate of the Bolshevik revolution : illiberal liberation, 1917–41 / Ed. by L. Douds, J. Harris, P. Whitewood. – London [et al.] : Bloomsbury Academic, 2020. – X, 319 p.

Авторы реферируемого сборника под редакцией Лары Даудс (Нортумбрийский университет, Великобритания), Джеймса Харриса (Университет Лидса) и Питера Уайтвуда (Йоркский университет Святого Иоанна) анализируют историю Советской России и Советского Союза в период от октября 1917 г. до начала Отечественной войны, прежде всего, политическую и идеологическую эволюцию большевистского режима от первоначальных демократических лозунгов и деклараций к установлению сталинской диктатуры – жёсткой, репрессивной и максимально централизованной. Как отмечают Л. Даудс, Дж. Харрис и П. Уайтвуд во введении, эта проблема интересует историков уже довольно давно, но ее изучение по большей части основывается на строгом разграничении и проти-

вопоставлении таких понятий, как демократия и диктатура. В результате в рамках тоталитарной модели большевистская партия рассматривалась как изначально антидемократическая, не имеющая поддержки большинства населения и потому нацеленная на захват и удержание власти насильственным путем. Ревизионистская историография значительно скорректировала представления о степени внутреннего единства в рядах большевиков и о масштабах их социальной поддержки, но политическую историю советского государства её представители рассматривали скорее как борьбу демократических и диктаторских тенденций внутри самой партии, установление сталинской диктатуры при этом считалось результатом победы антидемократической идеологии и её сторонников. По мнению авторов сборника, ситуация в изучаемый период была сложнее. Они обращают внимание на то обстоятельство, что сам термин «демократия» в последние годы ассоциируется преимущественно с либеральной демократией современного типа, хотя в действительности демократия и либерализм – разные понятия, вовсе не предполагающие какой-либо неразрывной связи. Это подтверждается историческим опытом, включая и опыт первой половины XX в. Так, к началу Первой мировой войны не только в России, но и в странах Западной Европы значительная часть населения всё ещё не имела избирательных прав и вопрос о предоставлении права голоса, к примеру рабочим, оставался предметом споров. Политики левого толка на этом фоне утверждали, что «буржуазная» демократия не обеспечивает подлинного народовластия, поскольку реальный процесс принятия политических решений сосредоточен в достаточно узком кругу политической элиты. Консерваторы, напротив, выступали против всеобщего равного избирательного права, мотивируя это тем, что участие широких народных масс в демократических процедурах может быть продуктивным только при соответствующем уровне образования. В межвоенный период системный кризис западного общества и вовсе привел к разочарованию значительной части населения в демократии как таковой, вплоть до установления в целом ряде стран диктаторских режимов, в том числе фашистских. Общий политический контекст, в котором большевики вырабатывали свою идеологию, таким образом, существенно отличался от того, что сложился позже в условиях холодной войны.

Как отмечают авторы, свертывание советской демократии происходило постепенно и было обусловлено достаточно сложным комплексом причин, включая и то, что на момент революции большинство населения России оставалось ещё неграмотным. Ленин, а вслед за ним и Сталин в этих условиях фактически сочетали критику «буржуазной» демократии, якобы не выражающей подлинных интересов народа, с логикой западных консерваторов, предполагая, что население страны пока не готово к реальному участию в политическом процессе. Вместо этого признаком «демократии» считалось, например, рекрутирование рабочих в правящую партию, где их роль зачастую сводилась лишь к формальному одобрению принимавшихся решений. Большевистские лидеры не видели непреодолимого противоречия между тезисами о «диктатуре пролетариата» и о «демократическом» характере нового государства. Не был проработан и вопрос о том, когда, при каких условиях и каким образом должна происходить дальнейшая эволюция этого государства от «революционной диктатуры» к подлинно самоуправляющемуся обществу, построение которого официально считалось одним из признаков коммунизма. Вместе с тем, как показано во многих статьях, освободительные и авторитарные тенденции в РСФСР/СССР фактически существовали и развивались параллельно с самого начала большевистского эксперимента.

Книга состоит из введения и 16 статей, объединенных в шесть частей. Первую часть «Большевистская идеология и практика» открывает статья Эрика ван Рее (Амстердамский университет), посвящённая взглядам Ленина на будущее пролетарское государство. Автор анализирует работы большевистского вождя, написанные с марта по ноябрь 1917 г. (даты в статье указаны по новому стилю), особенно «Государство и революцию» (книга написана в августе-сентябре 1917 г. и издана уже после прихода большевиков к власти). Он приходит к выводу, что политическое мышление Ленина, несмотря на декларируемую приверженность радикальной демократии, уже на этом этапе было крайне антидемократическим. Идеологические основы будущей большевистской диктатуры были, таким образом, заложены ещё до свержения Временного правительства. Ларс Т. Ли (Монреаль) в своей статье анализирует роль политических кампаний в деятельности большевиков и их соотношение с проблемой политической свободы. В условиях дорево-

люционной России возможности для проведения таких кампаний были серьезно ограничены, поэтому большевики в этот период выступали как сторонники максимальной либерализации политического режима. После прихода к власти Ленин и его соратники продолжали использовать массовые кампании как важный инструмент для управления государством, но быстро осознали, что наибольший эффект они дают при отсутствии конкурирующих политических игроков. Это стало одной из причин свёртывания политических свобод после 1917 г.

Во второй части представлены три статьи, авторы которых исследуют соотношение между исходными идеями «рабочей демократии» и практикой строительства нового государства после октября 1917 г. Так, Дакота Ирвин (Университет Северной Каролины в Чапел-Хилле), описывая политическую жизнь Екатеринбурга в конце 1917 – начале 1918 г., показывает, что процесс перехода власти к большевикам был постепенным и не сопровождался вооруженным насилием. Насильственные методы управления возобладали лишь в 1918 г. в условиях разразившейся Гражданской войны. В статье Л. Даудс рассматривается зарождение советской практики «писем во власть» в первые годы после революции. Парадоксальным образом большевики воспроизвели сугубо патерналистский институт, сформировавшийся ещё в донетровский период, но подвели под него новую идеологическую основу, рассматривая такие ходоатайства от простых граждан как «живую связь» между государственным аппаратом и народом и, следовательно, – как одну из форм подлинной революционной демократии. Яннис Кокосалакис (Университетский колледж Дублина) анализирует массовую кампанию в связи с принятием сталинской Конституции СССР 1936 г. в сравнении с политическими практиками первых лет советского режима.

Вопросы внутрипартийной демократии обсуждаются в третьей части сборника. Иан Д. Тэтчер (Ольстерский университет) рассматривает работы Троцкого. В статье показано, что его отношение к демократии было довольно противоречивым: как профессиональный революционер, Троцкий считал либеральную парламентскую демократию политическим орудием буржуазии и являлся убежденным сторонником вождизма и жесткой революционной диктатуры. Вступив в 1920-е годы в борьбу со Сталиным, он позиционировал себя не столько защитником демократии, сколько

противником нарастающей бюрократизации; при этом Троцкий оставался сторонником однопартийной системы и соглашался с недопустимостью фракций внутри правящей партии, хотя это подрывало его же собственные политические позиции. Тему продолжает статья Дж. Харриса, посвященная внутрипартийным дебатам 1923–1924 гг. между Троцким и противостоявшим ему большинством в ЦК РКП(б).

Четвертая часть состоит из двух статей, посвящённых взаимосвязи репрессий, террора, доминирующих представлений о сущности «революционной демократии» и нарастающей централизации советского государства. Дж. Арч Гетти (Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе) показывает, что в период революций 1917 г. не только среди большевиков, но и в широких слоях населения России «подлинная» демократия ассоциировалась не с соблюдением определённых процедур и норм, а скорее с самим фактом непосредственного участия народа в управлении государством, прежде всего, на локальном уровне через советы, в том числе с правом местных властей на прямое насилие в отношении любых действительных или мнимых «врагов революции». Во время Гражданской войны и «красного террора» большевистское руководство санкционировало такие репрессии на низовом уровне, рассматривая их как орудие укрепления собственной власти, однако в 1920-е годы возобладала тенденция к централизации управления с ограничением прав местных органов, не исключая и права на репрессии. В дальнейшем партийное руководство ещё дважды делегировало это право на низовой уровень – в период коллективизации и в рамках «массовых операций» 1937–1938 гг., однако стремилось удерживать ситуацию под контролем. Ольга Великанова (Университет Северного Техаса) рассматривает период «умеренной» внутренней политики в середине 1930-х годов – между коллективизацией и Большим террором. Согласно её наблюдениям «правительственные ожидания (не планы) смягчения политического режима (но не реформ) относились к метанарративу победы социализма в результате первой пятилетки и устранения “врагов”» (с. 154). Поскольку фактическая ситуация в 1936–1937 гг., как внутри страны, так и за её пределами явно не соответствовала этим ожиданиям, причём сразу во многих отношениях, Сталин решил инициировать новую кампанию массовых репрессий с целью «окончательной» очистки страны от «контрреволюционных элементов».

Пятую часть открывает статья Олены Палко (Биркбек, Лондонский университет) о политике коренизации на примере Украинской ССР. В период Гражданской войны и в первые годы после её окончания большевики особенно остро нуждались в поддержке национальных элит, а также в том, чтобы выглядеть в глазах украинцев не оккупантами, а политической силой, отражающей их собственные интересы и чаяния. С этим и была связана характерная для 1920-х годов политика, нацеленная на развитие национальной культуры и выдвижение этнических украинцев на руководящие должности в республике. В годы первых пятилеток главными становятся задачи централизации управления и повышения его эффективности, а рост влияния национальных элит стал вызывать беспокойство в Москве. На этом фоне политика коренизации была постепенно свёрнута, хотя и не отменялась официально. Влияние доминирующих представлений об уровне военной угрозы на внутреннюю политику большевиков рассматривает П. Уайтвуд. В своей статье он приходит к выводу, что постоянные (и зачастую совершенно необоснованные) опасения новой войны, характерные для 1920-х годов, являлись хотя и не единственным, но тем не менее довольно важным аргументом в пользу ограничения внутрипартийных дискуссий и запрета фракций.

Состоянию советского общества в описываемый период посвящена заключительная, шестая часть из пяти статей. Шейла Фицпатрик анализирует представления Ленина и Н.К. Крупской о целях и задачах новой власти в области народного просвещения (статья охватывает как дореволюционные годы, так и период после 1917 г.) и их взаимосвязь с представлениями о значении низовой демократии и самоуправления в будущем социалистическом государстве. В статье Полли Корриган (Королевский колледж Лондона) описывается процесс формирования советской цензуры в 1920-е годы. Автор показывает противоречивое отношение большевиков к цензуре: Ленин, к примеру, до революции был её ярким противником, однако после прихода к власти рассматривал цензуру уже как вполне допустимый и даже необходимый инструмент политической борьбы, поскольку теперь она действовала в интересах победившего пролетариата. Кроме того, с начала 1920-х годов большевики проводили политику ликвидации неграмотности, нацеленную на приобщение широких масс к письменной культуре и в конечном счёте на вовлечение их в политическую жизнь. Цензура в таких

условиях рассматривалась как инструмент не только для запрета оппозиционных и «идеологически чуждых» высказываний, но и для воспитания граждан в соответствии с большевистской идеологией. Феномену нарождающейся «советской общественности» (низовой общественной активности и общественным организациям) посвящена статья Энди Уиллимotta (Лондонский университет королевы Марии), исследование выполнено главным образом на примере комсомольских активистов. Отношение властей к такой деятельности было двойственным: большевистское руководство поощряло гражданскую активность, видя в ней прообраз будущего государства-коммуны, но в то же время стремилось удержать её в определённых идеологических рамках. В статье Шивон Хирн (Даремский университет, Великобритания) описывается борьба с проституцией в годы Гражданской войны и в межвоенный период. По словам исследовательницы, фактический провал этой кампании был во многом обусловлен идеологическим догматизмом, поскольку чиновники пытались объяснить существование проституции в советском обществе исключительно экономическими причинами, игнорируя все остальные факторы, «такие, как персональный выбор, гендерные иерархии и недоступность для женщин возможности трудоустройства с эквивалентной оплатой» (с. 243). Не сумев ликвидировать проституцию путём борьбы с бедностью и безработицей, власти всё чаще обращались к репрессивным мерам. Наконец, Франсуа-Ксавье Нерар (Университет Париж 1 Пантеон-Сорбонна) в заключительной статье рассматривает феномен советских столовых в межвоенный период. Сеть государственных столовых создавалась в РСФСР/СССР дважды: во время Гражданской войны и в конце 1920-х годов с началом индустриализации. На всём протяжении изучаемого периода качество их работы оставалось низким. Власти при этом категорически отказывались обсуждать объективные причины трудностей, пытаясь свести проблему к персональной ответственности конкретных работников на местах. Это создавало почву для конфликтов, обвинений во «вредительстве» и в конечном счёте для репрессий.

*М.М. Минц**

* Минц Михаил Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). Персональный сайт: <https://michael-mints.ru>.

ГОРЛИЦКИЙ Й., ХЛЕВНЮК О. СУБГОСУДАРСТВЕННАЯ ДИКТАТУРА : НАЛАЖЕННЫЕ СВЯЗИ, ЛОЯЛЬНОСТЬ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ.

GORLIZKI Y., KHLEVNIUK O. Substate dictatorship: networks, loyalty, and institutional change in the Soviet Union. – New Haven ; London : Yale University Press, 2020. – XII, 445 p.: ill.

Ключевые слова: региональные власти в СССР; региональные партийные организации СССР, «субгосударственная диктатура»; механизмы власти в СССР; институциональные изменения в СССР; Сталин, Н.С. Хрущёв, Л.И. Брежнев.

Keywords: Regional authorities in the USSR; regional party organisations in the USSR, «sub-state dictatorship»; mechanisms of power in the USSR; institutional changes in the USSR; Stalin, Nikita Khrushchev, Leonid Brezhnev.

Для цитирования: Минц М.М. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2022. – № 2. – С. 40–44. Реф. кн. : Gorlizki Y., Khlevniuk O. Substate dictatorship: networks, loyalty, and institutional change in the Soviet Union. – New Haven ; London : Yale University Press, 2020. – XII, 445 p.: ill.

Монография Йорама Горлицкого и Олега Хлевнюка посвящена механизмам власти и политического лидерства в СССР на региональном уровне и их эволюции с середины 1940-х до середины 1970-х годов. Авторы используют термины «субгосударственная диктатура», «субгосударственный диктатор» применительно к тем региональным руководителям, которым удавалось сформировать достаточно обширную и в то же время сплоченную сеть чиновников более низкого ранга, пользующихся их покровительством, и за счёт этого обеспечить себе относительную самостоятельность в

принятии решений и достаточный административный ресурс для эффективного выполнения заданий из центра. Как отмечается во введении, в начале изучаемого периода такие региональные «диктатуры» являлись органической составляющей советского режима в целом и в значительной степени обеспечивали его жизнеспособность. В дальнейшем указанная система претерпела серьезные изменения под влиянием таких внешних обстоятельств, как Вторая мировая война, послевоенные экономические трудности, смерть Сталина, хрущёвские реформы, пересмотр отношений между высшим партийным руководством и номенклатурой при Брежневе. Авторы книги прослеживают институциональные и социальные аспекты этой эволюции.

Исследование базируется на различных наработках социальных наук в области изучения диктаторских режимов и представляет собой сравнительный анализ механизмов власти в 30 советских регионах (22 области, три края, две автономных республики и три небольшие по размерам союзных республики – Азербайджан, Эстония и Таджикистан). Наиболее подробный анализ выполнялся на материале Московской, Винницкой, Пензенской и Челябинской областей.

Авторы используют документы четырех центральных российских архивов (ГАРФ, РГАСПИ, РГАНИ, Архив Президента Российской Федерации), а также Центрального государственного архива общественных объединений Украины и трех областных архивов (Винницкой, Пензенской и Челябинской областей). Особое внимание они уделяют партийным документам, прежде всего документам, связанным со скандальными отставками первых секретарей региональных партийных организаций, поскольку в ходе сопутствующих внутрипартийных разбирательств особенно подробно изучались сети неформальных связей между местными функционерами. В дополнение к архивным источникам используются изданные уже в постсоветский период мемуары и некоторые другие материалы.

Книга состоит из введения, десяти глав, объединенных в четыре части, и заключения. Во введении, в частности, обосновываются методы исследования; соответствующие разделы дополняются восемью приложениями в конце монографии. Первая часть (три главы) посвящена послевоенному периоду – вплоть до смерти

Сталина. В четвёртой главе, вынесенной в самостоятельную вторую часть, рассматривается внутрипартийная борьба в Москве между его преемниками, анализируется влияние этой борьбы на отношения между центром и регионами. Третья часть (четыре главы) охватывает правление Хрущёва, четвёртая (две главы) посвящена первому десятилетию после прихода к власти Брежнева. В заключение подводятся итоги исследования и обсуждаются перспективы дальнейшего применения выбранного авторами методологического подхода.

В первые послевоенные годы «субгосударственный диктатор» являлся преобладающим типом среди первых секретарей обкомов и других руководителей, управлявших регионами сопоставимого масштаба. Это было обусловлено рядом факторов, включая, с одной стороны, инерцию военного опыта и привычек, а также необходимость реализации навязанных из Москвы сверхамбициозных планов при ограниченных ресурсах, и с другой стороны – то обстоятельство, что после Большого террора к власти в регионах пришло молодое поколение выдвиженцев, преданных Сталину. Последний на этом фоне был готов предоставить эффективным региональным руководителям ограниченную свободу действий. В 1948 г. репрессивный нажим на регионы со стороны центра заметно усилился, но не принял таких масштабов, как в 1937–1938 гг. Серьёзный противовес власти региональных лидеров чаще всего составляли директора крупных промышленных предприятий союзного значения, с которыми первый секретарь вынужден был так или иначе договариваться на основе общих интересов (выполнение плановых показателей, присланных из Москвы), реже – главы местного государственного аппарата (особенно в автономных республиках, где бюрократические конфликты могли иметь этническую подоплёку) и органов госбезопасности (руководители последних обычно подчинялись первому секретарю, но могли и конфликтовать с ним, если имели достаточно влиятельных покровителей в Москве). Для чиновников более низкого ранга важным каналом воздействия на местного «субгосударственного диктатора» были внутрипартийные выборы, поскольку большое число протестных голосов могло поставить под сомнение авторитет регионального руководства и вызвать негативную реакцию со стороны ЦК.

Авторы отмечают, что смерть Сталина повлекла за собой определённые перестановки на региональном уровне, но при этом не привела к немедленной смене устоявшихся механизмов управления как таковых. Напротив, в первые годы своего пребывания на высшем партийном посту Хрущёв скорее использовал систему взаимоотношений между центром и регионами, сложившуюся ранее, хотя и с некоторыми оговорками. В дальнейшем, однако, эти отношения подверглись частичному пересмотру. Резко снизилось количество исключений из партии, полномочия региональных первых секретарей были расширены, но возросли и плановые показатели, выполнения которых требовала Москва (особенно это касалось сельского хозяйства). В таких условиях более эффективной стратегией оказывалось уже не «диктаторское» обращение с подчинёнными, а напротив, уважительное к ним отношение, готовность к компромиссам и сотрудничеству. Это позволяло первым секретарям обкомов, крайкомов и республиканских компартий опереться не только на сугубо неформальный узкий круг приближённых, но и на более широкий актив, в том числе районный. Ситуация в национальных республиках имела свою специфику, которую авторы рассматривают в отдельной (шестой) главе на примере Латвии и Азербайджана, где действия местных властей в 1959 г. вызвали резко негативную реакцию высшего партийного руководства в Москве, расценившего их политику как националистическую. Подоплёка этих событий в двух республиках была различной: если латвийские коммунисты пытались заручиться поддержкой широких слоёв населения, в массе своей враждебно настроенного по отношению к Советскому Союзу, то в Азербайджане попытка расширить его национальную автономию позволила прежде всего сплотить руководство самой местной компартии, преодолев накопившиеся внутренние конфликты.

Поворотным пунктом во внутренней политике Хрущёва стал скандал в Рязани осенью 1960 г., когда расследование, проведённое после самоубийства первого секретаря обкома А. Ларионова, показало, что неоднократно отмечавшиеся перед этим «грандиозные достижения» области в повышении продуктивности сельского хозяйства были основаны на широкомасштабных фальсификациях статистических данных. В последующие месяцы аналогичные случаи массовых фальсификаций были раскрыты и во многих дру-

гих местах. Скандал серьёзно подорвал репутацию Хрущёва и спровоцировал в 1960–1961 гг. самую масштабную после Большого террора чистку среди региональных руководителей (на этот раз, однако, не сопровождавшуюся политическими репрессиями). Ещё бóльшим испытанием для местной элиты стала административная реформа 1962 г. с созданием во многих регионах двух параллельных обкомов – промышленного и сельскохозяйственного. Как отмечают авторы, из всех начинаний Хрущёва это решение вызвало едва ли не наибольшее недовольство в бюрократической среде. В новых условиях руководству разделённых обкомов пришлось учиться договариваться и идти на компромиссы, чтобы наладить взаимодействие между вновь сформированным промышленным и сельскохозяйственным аппаратом, но в большинстве случаев уже сложившаяся система неформальных связей и отношений позволила им пережить реформу с минимальными потерями.

Принципиальным отличием брежневской политики стал прежде всего отказ от периодической ротации руководящих кадров между регионами. Первые секретари обкомов, крайкомов и республиканских компартий теперь рекрутировались из местной элиты и могли оставаться на своём посту в течение неограниченного срока. Брежнев также отказался от перманентного административного давления на регионы посредством невыполнимых плановых заданий, как это практиковалось при Сталине и Хрущёве. Полномочия глав регионов были дополнительно расширены. В этих условиях в их среде возобладал стиль управления, представителей которого авторы называют «партийными губернаторами». Этот стиль характеризовался более демократичным отношением к подчинённым, соблюдением официальных норм и иерархий и формированием значительно более обширных сетей неформальных связей, чем при «субгосударственных диктаторах». Подобный подход обеспечил стабильность советского государства в эпоху «развитого социализма», но он же закладывал основу для будущего нарастания коррупции и национального сепаратизма, которые впоследствии стали одними из причин распада СССР.

*М.М. Минц**

* Минц Михаил Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). Персональный сайт: <https://michael-mints.ru>.

РОУСА МАГНУСДОУТТИР. ВРАГ НОМЕР ОДИН : СОЕДИНЁННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ В СОВЕТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ И ПРОПАГАНДЕ, 1945–1959.

RÓSA MAGNÚSDÓTTIR. *Enemy Number One: the United States of America in Soviet ideology and propaganda, 1945–1959.* – New York : Oxford University Press, 2019. – XII, 240 p.: ill.

Ключевые слова: советско-американские отношения; холодная война; советская идеология и пропаганда; общественные настроения; восприятие США в СССР; Сталин; Н.С. Хрущёв.

Keywords: Soviet-American relations; the Cold War; Soviet ideology and propaganda; public sentiment; perceptions of the United States in the USSR; Stalin; Nikita Khrushchev.

Для цитирования: Минц М.М. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2022. – № 2. – С. 45–47. Реф. кн. : Rósa Magnúsdóttir. *Enemy Number One : the United States of America in Soviet ideology and propaganda, 1945–1959.* – New York : Oxford University Press, 2019. – XII, 240 p.: ill.

Монография Роусы Магнусдоуттир, профессора Исландского университета (Рейкьявик), посвящена восприятию США в официальной советской пропаганде с момента окончания Второй мировой войны и до визита Н.С. Хрущёва в Соединённые Штаты в 1959 г. Как отмечается во введении, в довоенный период отношение советского правительства, пропаганды и простых граждан к США было двойственным: восхищение их технологической мощью сочеталось с критикой негативных сторон американской действительности, включая имущественное неравенство, расизм и «декадентскую» культуру. В годы войны на первый план вышли положительные оценки американских союзников, так что с началом холодной войны советское руководство вынуждено было

срочно «переориентировать» собственное население, адаптировав общественные настроения к новым условиям глобальной конфронтации. На практике эта задача оказалась весьма непростой, воспоминания о совместной борьбе с фашизмом, как и о поставках по ленд-лизу, оставались довольно живучими. В период хрущёвской «оттепели» опыт союзнических отношений между СССР и США в 1941–1945 гг., напротив, стал важным аргументом в пользу нового внешнеполитического курса, основанного на принципах мирного сосуществования.

Источниковую базу исследования составили документы шести российских архивов (ГАРФ, РГАЛИ, РГАНИ, РГАСПИ, Центральный архив общественных движений Москвы и архив общества «Мемориал»¹). Автор также использует газеты и журналы изучаемого периода, источники частного происхождения и др.

Книга состоит из введения, шести глав и эпилога. Главы объединены в две части, первая из которых охватывает период послевоенного сталинизма, во второй описываются первые годы «оттепели».

Антиамериканская пропагандистская кампания, развёрнутая в СССР в послевоенные годы и продолжавшаяся вплоть до смерти Сталина, строилась на концепции «двух Америк», то есть на противопоставлении «прогрессивных» американцев «реакционной» политической и деловой элите. Автор отмечает, что советская пропаганда в этом отношении была организована грамотнее американской, где «русские» обычно представлялись как монолитное сообщество. Критикуя США, советские пропагандисты ссылались на реальные социальные проблемы этой страны, но преувеличение её внутренних противоречий вело к тому, что образ Америки в целом получался односторонним. Параллельно чинились препятствия распространению журнала «Америка» в СССР, с февраля 1948 г. Советский Союз начал глушить передачи радиостанции «Голос Америки». Эти меры, а также репрессии против лиц, подозревавшихся в проамериканской пропаганде или просто в попытках получить информацию о Соединённых Штатах из независимых источников, показывают обеспокоенность сталинского руководства по поводу возможного противодействия антиамериканской кампа-

¹ Минюстом РФ включен в реестр иностранных агентов.

нии со стороны США. Вопрос о действительной эффективности американской пропаганды на территории СССР остаётся открытым.

Ситуация стала меняться после смерти Сталина. Культурные обмены между СССР и США, почти полностью прекратившиеся в послевоенные годы, возобновились в 1955 г.; в 1958 г. между двумя странами было подписано официальное соглашение об образовательных и культурных обменах. Стремление к большей открытости, однако, по-прежнему сочеталось с попытками властей контролировать поведение и настроения собственных граждан, оградив их от «опасного» влияния западной пропаганды и западной культуры (в этом отношении между хрущёвским и сталинским периодами прослеживается определённая преемственность). Это делало советскую политику противоречивой и непоследовательной, что особенно наглядно проявилось во время VI Всемирного фестиваля молодёжи и студентов, проходившего в 1957 г. в Москве. В то же время эффективность советской пропаганды на территории США оставалась низкой, причём с окончанием эпохи маккартизма становилось очевидно, что это обусловлено не столько противодействием американских властей, сколько ошибками самих советских пропагандистов и объективным отставанием СССР от США по уровню жизни населения.

Пиком советско-американского сближения стал визит Хрущёва в Соединённые Штаты в 1959 г. Анализ различных источников того времени, включая «письма во власть», показывает существенное снижение антиамериканских настроений в СССР и уверенность многих советских граждан в том, что налаживание конструктивных отношений между двумя сверхдержавами будет продолжаться. Все это влияло на восприятие Америки в Советском Союзе даже после нового обострения холодной войны в начале 1960-х годов.

*М.М. Минц**

* Минц Михаил Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). Персональный сайт: <https://michael-mints.ru>

СТАТЬИ

УДК 94(495).02

МЕДОВИЧЕВ А.Е.* ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ VII–IX вв.: ДИСКУССИЯ О ФЕМНОЙ СИСТЕМЕ И СТРАТИОТСКОМ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИИ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ.

DOI: 10.31249/rhist/2022.02.03

Аннотация. В статье представлен обзор ряда отечественных и зарубежных исследований, посвященных изучению военного устройства и административной структуры Восточной Римской (Византийской) империи в эпоху существования так называемой «фемной системы». Рассматриваются основные теории происхождения «фемного строя», прослеживается его взаимосвязь с институтом «военных земель» и формированием новой стратегии обороны в условиях глобальной трансформации геополитического положения Империи во второй половине VII – первой половины VIII в.

Ключевые слова: Византийская империя; византийская армия; фемная система; вторая половина VII–IX вв.

MEDOVICHEV A.E. Military organization of the Byzantine Empire in the second half of the VII–IX centuries: Discussion about the «theme system» and stratiotic land ownership in modern historiography.

Abstract. The article presents an overview of domestic and foreign studies devoted to study of military organization and administrative structure of the Eastern Roman (Byzantine) Empire in the era of

* Медовичев Александр Евгеньевич – старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН РАН) E-mail: asandz53@yandex.ru

socalled «theme system». The main theories of the origin of the «theme system» are considered, its relationship with the institution of «military lands» and the formation of a new defense strategy in the context of the global transformation of the geopolitical position of the Empire in the second half of the VII – first half of the VIII century is traced.

Keywords: Byzantine Empire; Byzantine army; theme system; the second half of the VII–IX centuries.

Для цитирования: Медовичев А.Е. Военная организация Византийской империи во второй половине VII–XI вв.: дискуссия о фемной системе и стратиотском землевладении в современной историографии. (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2022. – № 2. – С. 48–72. DOI: 10.31249/rhist/2022.02.03

Период второй половины VII–IX вв. в истории Византии отмечен формированием наиболее характерных черт средневекового Византийского государства, среди которых базовое, структурообразующее значение приобрел «фемный строй». Трансформация позднеантичной Восточной Римской империи в средневековую Восточную Римскую империю (как, по мнению ведущего британского византиниста Дж. Хэлдона, предпочтительнее описывать Византию) сопровождалась глубокими сдвигами не только в социальной структуре общества, светской и церковной культуре, но также и в системе управления и организации обороны [9, р. 4].

В геополитическом плане Восточная Римская империя оказалась своего рода бастионом на пути экспансии ислама. Утрата в середине VII в. под натиском арабов богатейших территорий Ближнего Востока означала катастрофическое падение доходов государства, бюджет которого к концу VII столетия составлял, по некоторым оценкам, только 20% от уровня середины VI в. В результате финансовые ресурсы омейядского халифа только за счет поступлений из Египта и Сирии – Палестины не менее, чем в три раза превышали доходы константинопольского василевса [9, р. 29].

Столь огромный диспаритет позволял халифату осуществлять почти ежегодные походы вглубь восточно-римской территории, приводящие большинство провинций Малой Азии в состояние экономической и социальной разрухи. Конечной целью стратегии правителей халифата, несомненно, являлся захват Кон-

стантинополя и ликвидация восточно-римского государства. Провал попыток решить эту задачу (в 670-е годы, а затем – в 717 и 718 гг.) всякий раз сопровождался возвратом к стратегии истощения Империи путем опустошения ее основной территории, результатом чего должен был стать военный и политический коллапс. Лишь разгром арабских войск при Акроине, в центре Малой Азии, в 740 г. стал переломным моментом в византийско-арабском противостоянии. На Балканах владения Империи подвергались нападениям и грабежам со стороны славянских племенных групп, а затем, начиная с 680-х гг., более организованных военных формирований болгарских ханов [9, р. 55–56].

Тот факт, что Византия не только выстояла в столь катастрофической ситуации, но к середине VIII в. стабилизировала свое положение и приступила к восстановлению, исследователи объясняют рядом факторов. По мнению Дж. Хэлдона, несмотря на тотальный коллапс старого Юстиниановского государства в территориальном плане, новая конфигурация территории Империи создавала ей определенные географические и геополитические преимущества. Территория стала более компактной, и по своим природно-географическим условиям (если рассматривать Малую Азию в качестве ее ядра) относительно более пригодной для организации обороны. Сама по себе концентрация имперских армий на ограниченном пространстве полуострова резко усиливала потенциал сопротивления. Более того, в рамках этой компактной территории ускорился процесс формирования и консолидации специфической имперской христианской «восточно-римской» идентичности. Подобно тому, как халифат определял себя как некую религиозную общность, точно также религиозная православно-христианская идентичность подданных василевса ромеев способствовала повышению устойчивости Империи в условиях арабского натиска [9, р. 110–111, 145].

В качестве не менее важного фактора стабилизации восточно-римского государства и отражения агрессии халифата, а в дальнейшем и начала своего рода реконкисты, рассматривается реорганизация вооруженных сил Империи и ее военно-административной структуры. Ранняя Византия унаследовала от Поздней Римской империи крайне сложную с организационной точки зрения военную систему, для поддержания которой в дееспособном

состоянии требовались огромные финансовые и материальные ресурсы. После разгрома арабами восточно-римских войск при реке Ярмук в Сирии в 636 г. и потери ближневосточных провинций у Империи таких ресурсов явно не было. Закономерно возникает вопрос: каким образом имперское правительство в условиях катастрофического сокращения доходов оставалось способно поддерживать достаточно эффективную военную систему?

Традиционная точка зрения заключается в том, что в течение второй половины VII–VIII вв. (либо, как вариант, уже в 20–40-х годах VII в.) организационная структура византийских войск становится заметно более простой и гораздо менее дорогостоящей. На смену постоянной регулярной армии, формируемой отчасти путем рекрутского набора, отчасти за счет наемников, приходят провинциальные ополчения свободных крестьян-воинов. Именно создание крупных иррегулярных воинских контингентов позволило Византии избежать внешнеполитического разгрома во второй половине VII – первой половине VIII в. Изменение способа комплектования вооруженных сил шло параллельно с введением новой военно-административной структуры, получившей в историографии название «фемной системы» или «фемного строя» [5, с. 7; 6, с. 15; 1, с. 324].

Основные теории происхождения «фемной системы»

Вопрос о значении термина $\theta\epsilon\mu\alpha$ (мн.ч.: $\theta\epsilon\mu\alpha\tau\alpha$) и времени возникновения основанной на фемах системы управления в Восточной Римской империи до настоящего времени остается наиболее сложным в византинистике. Отсутствие точного определения данного термина в источниках предопределило и различие мнений историков по этому вопросу. Выдвинутый в середине прошлого века Г. Острогорским тезис о том, слово $\theta\epsilon\mu\alpha$ первоначально обозначало армию, региональную войсковую группировку, а затем приобрело также значение военно-территориального округа, в рамках которого данная группировка размещалась, в целом можно считать общепризнанным [10, р. 8]. Однако вопросы о времени возникновения фемных округов, периодизации самого процесса трансформации региональных армий в фемы, связи фем с системой гражданского управления и дальнейшего развития фемного

строя остаются предметом дискуссий [4, с. 164–165]. Параллельно продолжается обсуждение проблем воинского (стратиотского) землевладения, тесно связанного с фемной системой, социального статуса военнообязанных крестьян-стратиотов, имущественного расслоения стратиотских общин.

Этапы дискуссии по проблеме возникновения и развития фемного строя, анализ существующих концепций и источниковой базы, послужившей основой для их создания, а также существующие в науке подходы к изучению проблемы континуитета и дисконтинуитета военно-административных систем Поздней Римской и Византийской империй подробно рассматриваются в монографиях А.С. Мохова [5] и Е.А. Мехамадиева [4], а также в статье Дж. Хэлдона [10].

Как отмечают исследователи, основные концепции эволюции византийской военно-административной системы VII–X вв. были сформулированы еще в середине XX в. При этом наиболее различающиеся версии этого процесса представлены теориями Г. Острогорского и И. Караяннопулоса. Переломным моментом в дискуссии о фемном строе, по мнению Е.А. Мехамадиева, стала публикация А. Пертузи в 1952 г. трактата императора Константина VII Порфирогенета «О фемах» [4, с. 167]. По существу она положила начало современному этапу обсуждения этой проблемы [10, р. 4]. В своих комментариях к тексту итальянский византист пришел к выводу о том, что, вопреки распространенному мнению, император Ираклий (610–641) не может считаться создателем фемных округов. Вплоть до 667–680 гг. на территории Малой Азии располагались только войсковые группировки, составленные из подразделений, которые были выведены из захваченных арабами ближневосточных и закавказских провинций Византии. Фемные военные округа появились лишь в эпоху правления Константина IV (668–685), а полноценными административными структурами провинциального управления, не только военного, но и гражданского, фемы стали лишь при Льве VI (886–912), т.е. к рубежу IX–X вв. [4, с. 167–168]. В целом, как отмечает А.С. Мохов, концепция, предложенная А. Пертузи, представляла собой развитие идей византистов конца XIX – первой половины XX в. Г. Гельцера и Ш. Дилля, по мнению которых «фемная система» первоначаль-

начально была исключительно военной, а гражданский административный компонент появился в ней позже [5, с. 36].

Теория Г. Острогорского, сформулированная им в 1953 г.¹, по существу, явилась реакцией на концепцию А. Пертузи. По мнению югославского историка, военные и административные преобразования происходили одновременно и достаточно быстро. Первые фемы появились уже при Ираклии в 621–641 гг. вместе с размещением в Малой Азии крупных военных группировок, которые назывались фемами. В областях своего расквартирования воины получали земельные наделы с правом передачи по наследству при условии несения семьей наследственной военной службы, в результате чего сложилась система военного землевладения (*στρατιωτικὰ κτήματα*). Со временем эти воинские формирования (фемы) прочно обосновались в новых районах дислокации, которые в конечном итоге получили названия по размещенным в них фемам. Таким образом, как считал Г. Острогорский, «фемный строй» напрямую происходил от старого устройства областей позднеримского лимеса с их солдатами-земледельцами (*limitanei*) [5, с. 37; 10, р. 4].

Главным аргументом в пользу своей теории Г. Острогорский считал неоднократное упоминание термина «фема» в «Хронографии» Феофана. Указания других исследователей на то, что Феофан использовал административную лексику своего времени, т.е. начала IX в., югославский ученый отвергал на том основании, что византийский писатель всего лишь дословно копировал свои источники. Рассказывая о событиях VII в., он, по мнению Г. Острогорского, использовал текст, относящийся к этому же столетию. Впрочем, новейшие исследования подтверждают анахроничность свидетельства Феофана в том, что касается использования термина *θέμα* применительно к периоду второй половины VII–VIII в. [9, р. 268; 16, р. 129–131].

С момента своего появления «теория Острогорского», которая нашла как многочисленных противников, так и сторонников, оказалась в центре дискуссии об эволюции «фемной системы».

¹ Ostrogorsky G. Sur la date de la composition du Livre des Thèmes et sur l'époque de la constitution des premiers thèmes d'Asie Mineure // Byzantion. – 1953. – Vol. 23. – P. 31–66.

Наиболее серьезную критику она встретила со стороны греческого византиниста И. Караяннопулоса, который в 1959 г. выдвинул теорию «длительного эволюционного развития» римско-византийской военной системы¹, подкрепив свою позицию в 1961 г.² новыми аргументами. Поскольку «фемная реформа» означала полную перестройку всей военной организации государства – изменение способа комплектования армии, стратегического распределения вооруженных сил, их структуры и тактики, а также системы гражданского управления – такая всеобъемлющая трансформация, полагал исследователь, не могла произойти за короткий период времени. Речь, следовательно, должна идти, по его мнению, не об одной «фемной реформе», а о серии реформ, которые продолжались с VI по X в.

С точки зрения И. Караяннопулоса, Ираклий вообще не проводил никаких реформ в сфере военной и территориальной организации. Он лишь перегруппировал старые войска и сформировал из них новые воинские части. Вплоть до второй половины VIII в. фемы оставались исключительно войсковыми соединениями, а их командующие (стратиги) не имели полномочий в сфере гражданского управления, которое осуществлялось независимыми от военных властей чиновниками в рамках продолжающих существовать позднеримских провинций. Только во второй половине VIII в. чиновники провинциального аппарата начинают переходить в подчинение фемных стратигов. Переход же к воинской повинности свободных крестьян и становление института стратиотского землевладения греческий ученый считал поздним явлением, обозначившим завершающий этап создания «фемной системы» (IX–X вв.) [4, с. 169; 5, с. 41–42].

Одним из вариантов развития концепции А. Пертузи можно считать теорию немецкого византиниста Р.-И. Лили, автора идеи о «двухсотлетней реформе»³. По мнению исследователя, первые фе-

¹ Karayannopoulos J. Die Entstehung der Byzantinischen Themenordnung. – München, 1959. – XX, 105 S.

² Karayannopoulos J. Über die vermeintliche reformtätigkeit des Kaisers Herakleios // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. – Wien, 1961. – Bd. 10. – S. 53–72.

³ Lilie R.-J. Die zweihundertjährige Reform: Zu den Anfängen der Themenorganisation im 7. und 8. Jahrhundert // Byzantinoslavica. – Prague, 1984. – Vol. 45, N 1/2. – S. 27–39, 190 – 201.

мы появились в Малой Азии в 60–80-е годы VII в. Изначально это были военные формирования, районы базирования которых были преобразованы в «военные округа» на рубеже VII–VIII вв. Параллельно продолжали функционировать и «гражданские» провинции эпохи Юстиниана I. В дальнейшем, во второй половине VIII в., в рамках этих округов произошло объединение военных и гражданских административных структур под властью военного командира фемы – стратига. Впрочем, полагает Р.-И. Лили, окончательно фемная модель управления и система стратиотского землевладения утвердились достаточно поздно, только к середине IX в. [5, с. 49; 4, с. 170–171].

Подводя итоги историографического обзора проблемы возникновения «фемного строя», А.С. Мохов с полным основанием констатировал отсутствие в современной науке единых подходов к ее решению. В ходе длительной дискуссии об эволюции византийской военно-административной системы в VII–IX вв. было предложено несколько концепций, но ни одна из них не стала преобладающей. Среди византинистов есть как сторонники «теории Острогорского», так и приверженцы «теории Караяннопулоса». При этом, как отмечает исследователь, достаточно универсальной оказалась концепция А. Пертузи, и многие современные теории эволюции «фемной системы» основываются именно на ней. «Теория Острогорского», напротив, устанавливала жесткие и весьма узкие хронологические рамки «фемной реформы», и эту концепцию можно было либо полностью принять, либо полностью отвергнуть [5, с. 41].

Многообразие вариантов возникновения и развития «фемной системы» предопределило и отсутствие единой периодизации этого процесса. Если одни историки (И. Караяннопулос, Р.-И. Лили, Дж. Хэлдон и др.) относят завершение формирования «фемного строя» к середине IX в., то другие (в частности, советские и российские – В.В. Кучма, Г.Г. Литаврин) доказывают, что уже с конца IX в. начинается кризис «фемной системы», вызванный имущественным расслоением в стратиотских общинах¹. Так, по мнению

¹ Кучма В.В. Командный состав и рядовые стратиоты в фемном войске Византии в конце IX–X в. // Византийские очерки : труды советских ученых к XIV конгрессу византинистов. – Москва, 1971. – С. 86–97; Литаврин Г.Г. Византийское общество и государство в X–XI вв. – Москва, 1977. – 311 с.

известного отечественного исследователя византийской полемологической традиции В.В. Кучмы, на рубеже IX–X вв. фемная организация миновала апогей своего развития и находилась на нисходящей линии эволюции. В первую очередь это проявлялось в размывании социальной основы фемного войска. Все большая часть стратиотского сословия, разоряясь, оказывалась не в состоянии исполнять воинскую повинность, что и явилось причиной деградации основанной на фемных принципах системы комплектования и, как следствие, неудач Византии на внешних фронтах в данный период [3, с. 40; 2, с. 315–317].

Выходом из «историографического тупика», по мнению А.С. Мохова, может стать применение новых методологических подходов и значительное расширение источниковой базы исследований. В первую очередь речь идет о публикации новых источников, широком использовании просопографического метода, данных сфрагистики, нумизматики, исторической географии, эпиграфики, эпистолографии [5, с. 52].

Особо важное значение в изучении византийской военной организации VII–IX вв. в последние десятилетия приобрели сфрагистические источники – свинцовые печати (моливдовулы), принадлежавшие представителям военной и гражданской администрации Империи самых разных рангов. В настоящее время опубликовано свыше 80 тыс. экземпляров, и это число ежегодно возрастает на несколько сотен единиц. Надписи на печатях позволяют проследить биографии отдельных представителей командного состава армии, динамику их титулов и должностей, уточнить наименование самих должностей, раскрыть особенности структуры региональных армий Византии изучаемого периода [5, с. 10; 4, с. 19]. Столь массовый материал отчасти компенсирует недостаток нарративных и документальных источников, относящихся непосредственно к периоду формирования «фемной системы», который в историографии получил название «темные века» именно благодаря этому обстоятельству [9, р. 4].

**Трансформация военно-административного устройства
Восточной Римской империи во второй половине VII–IX в.
в свете новой стратегии обороны**

В современной историографии одним из важных аспектов изучения проблемы возникновения фемного строя остается этимология и содержание самого термина *θέμα*. Наиболее популярной в настоящее время, как отмечает А.С. Мохов, является точка зрения австрийского византиниста Ф. Дёльгера, который предложил принять происхождение слова *θέμα* от термина *θέσις* (= *κατάλογος*) – «воинский список». Именно такая этимология представлена в трактате императора Константина VII Порфирогенета (913–959) «О фемах» (*Περὶ τῶν θεμάτων*). Первоначально, как предполагается, это были списки частей, образующих предназначенную для похода полевую армию, которые составлялись на месте сбора. Впоследствии в эти списки (*θέσις*) стали вносить местных жителей, пополнявших размещенные на территориях их проживания воинские части. В конце VII–VIII вв. за традиционными районами формирования полевых армий закрепилось название *θέμα*, в результате чего это слово приобрело значение «военный округ» [5, с. 35, 38].

Впрочем, не исключено, что слово *θέμα* (от глагола *τίθημι* – «помещать», «приписывать», «назначать»), заменившее слово *στράτός* в качестве термина, обозначающего «армию», «войсковую группировку», изначально имело значение (среди многих других) «(пред)назначенную/предписанную территорию/регион» [4, с. 172; 8, р. 249–261]. Таким образом, фраза типа *θέμα τῶν Ἀνατολικῶν* («фема Анатоликов») означало бы что-то вроде «назначенной для Orientales территории», т.е. территории, специально выделенной для размещения подразделений, подчиненных *magister militum per Orientem* [11, р. 112].

Первые *θέματα* – Армениак (*θέμα τῶν Ἀρμενιάκων*), Анатолик (*θέμα τῶν Ἀνατολικῶν*), Опсикий (*θέμα τῶν Ὀψικίου*)¹ и Фракисий

¹ Греческое слово *ὀψικίου* – «опсикий» – является транслитерацией латинского термина *obsequium* в значении «свита», «эскорт». До VII в. так назывались отряды императорской гвардии, позднее трансформированные в полноценную армию. См.: Мехмадиев Е.А. Военная организация Византийской империи в VII – первой половине IX в.: административно-территориальный и социальный аспекты развития. – Санкт-Петербург, 2020. – С. 135. – *Прим. авт.*

(θέμα τῶν Θρακησίων) – были созданы в Малой Азии в период между 667/668 и 687 гг. Их основой послужили три группировки войск, отступившие из захваченных арабами ближневосточных и закавказских провинций Византии, и одна (Фракийский) переправленная в Малую Азию с Балкан для усиления восточных армий. Одновременно на Балканах (в 680–681 гг.) была создана фема Фракия (θέμα τῆς Θράκης), основу которой составили подразделения старой позднеантичной полевой армии, подчиненной *magister militum per Thracias*. Пятой фемой на территории Малой Азии стала морская фема Кивирриотов (θέμα τῶν Κιβυρραίων), образованная в период между 697 и 727 гг. или в 732–733 гг. в ходе реформы флота Карависианов (Καραβισιάνοι, от греч. *káραβις* – «корабль», «судно») [1, с. 375; 4, с. 317]. Таким образом, как отмечает Дж. Хэлдон, θέματα представляли собой в эллинизированной форме позднеримские полевые армии периода до арабских завоеваний. Соответственно, греческий титул *στρατηγός* (или *στρατηλάτης*) в качестве обозначения командующего вытеснил латинский термин *magister militum* [11, p. 112; 16, p. 130].

Пять размещенных в Малой Азии войсковых группировок (фем) заняли территорию 27 гражданских провинций (ἐπαρχίαι), и во второй половине VII в. группы епархий, оказавшиеся в зоне дислокации той или иной группировки, стали именоваться по названиям этих группировок. Очевидно также, что размеры регионов дислокации определялись в зависимости от способности обеспечить снабжение конкретной полевой армии продовольствием, снаряжением, лошадьми и вьючными животными [1, с. 323, 330; 9, p. 268–269; 11, p. 75].

В целом, как считает Дж. Хэлдон, передислокация восточно-римских войск в Малую Азию отражает хорошо продуманный план, благодаря которому Империя смогла продолжить содержание относительно крупных по численности вооруженных сил в исключительно сложных экономических условиях [9, p. 269]. Вместе с тем, отмечает он, новая региональная система распределения войск означала радикальную трансформацию всей восточно-римской военной доктрины – отказ от концепции линейной обороны, которая сложилась в первой половине IV в., а в своих базовых принципах восходила ко II в. Отсутствие попыток и даже самой идеи создания некоего укрепленного *limes'a*, хотя бы путем бло-

кирования проходов в горах Тавра – Анти-Тавра, демонстрирует острый недостаток ресурсов [11, р. 77].

В результате новая восточно-римская стратегия, направленная на создание системы глубокой обороны, не могла предотвратить рейды на имперскую территорию, а тем более массированные вторжения войск халифата. Однако она успешно препятствовала попыткам арабов создавать постоянные базы к северу и западу от линии Тавра и Анти-Тавра. Ключевым аспектом этой стратегии было стремление уклоняться от крупных полевых сражений и расположение войск гарнизонами в многочисленных крепостях и фортах преимущественно вдоль основных путей движения армий противника во внутренние и западные области Малой Азии. Наличие таких гарнизонов и использование партизанских методов ведения войны затрудняло сколько-нибудь длительное присутствие арабских отрядов на византийской территории из-за постоянной угрозы коммуникациям. Таким образом, каждая византийская региональная армия представляла собой совокупность гарнизонов крепостей, разбросанных по ряду соседних друг с другом провинций (*ἐπαρχίαι*), постепенно объединявшихся в новый военный округ – фему. Аналогичная модель территориальной обороны на основе фемных армий, постепенно эволюционирующих в военно-административные округа, была создана и на Балканах [4, с. 375; 11, р. 79–81].

Перемены в имперской стратегии шли параллельно с развитием фемной системы, формирование которой, как считает большинство исследователей, несомненно, было обусловлено «глобальным» византийско-арабским противостоянием¹. Приблизительно в 700–730 гг. фемы приобретают четкую географическую идентичность в том смысле, что в источниках появляются указания на «провинции» (*αἱ ἐπαρχίαι*) той или иной конкретной фемы. Ко второй половине VIII в. некоторые элементы фискальной администрации также начинают строиться на фемной основе. К середине IX в. фемы окончательно превращаются в основные территориальные едини-

¹ Впрочем, в зарубежной литературе имеется также тенденция отрицать роль фемного строя в защите Империи от арабских вторжений VII–VIII вв. (см., например: Kaegi W.E. Some Reconsideration on the Themes: Seventh – Ninth Centuries // *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*. – Wien, 1967. – Bd 16. – S. 39–54. – *Прим. авт.*

цы военно-административного устройства Империи. Командиры фем, стратеги, становятся своего рода генерал-губернаторами на подвластной им территории, обладающими, по меньшей мере, правом верховного контроля над фискальными и судебными чиновниками [11, р. 83–84]. Это означало отказ от фундаментального принципа управления позднеримского и ранневизантийского времени – разделения военной и гражданской властей [1, с. 326].

По мнению исследователей, решающий сдвиг в этом направлении, начиная с середины VIII в., был обусловлен процессом разукрупнения первоначальных больших фем, вероятно, прежде всего по политическим соображениям, но также с целью создания логистически более эффективно управляемых территориальных единиц. На протяжении второй половины VIII – первой половины IX в. количество фем росло по мере стабилизации политического положения Империи, а их территории становились меньше, и к IX столетию они достигают оптимального размера в плане практического управления. Гражданская администрация епархий была инкорпорирована в военную администрацию фем, которые сохранили за собой также функции военных округов и войсковых формирований [1, с. 333–334; 11, р. 84].

Примечателен, однако, тот факт, что в надписях на печатях византийских должностных лиц термин *θεμα* отсутствует вплоть до IX в., хотя в литературных текстах он представлен достаточно широко. Вместе с тем имеется группа печатей, датируемых преимущественно серединой VIII в., в легендах которых присутствует термин *στратηγία* («стратегия»). На это обстоятельство обратил внимание К. Цукерман, по мнению которого слово *στратηγία* (= «командование», в его интерпретации) являлось в данный период настоящим *terminus technicus* для обозначения того, что позднее, в IX в., стало известно как *θεμα*. Примечательно, пишет исследователь, что Константин VII Порфирогенет в трактате *Περὶ τῶν Θεμάτων* несколько раз использует термин *στратηγίς* для обозначения военного округа, возглавляемого стратигом, практически в качестве синонима слова *θεμα* [16, р. 129, прим. 167, р. 130]. Сам термин *θεμα* впервые появляется в источниках начала IX в. для обозначения института, обладающего определенной спецификой, и попытки отодвинуть его происхождение в середину VII в. лишены оснований. В отличие от фем – военно-административных ре-

гионов IX–X вв., стратегии VIII в., являвшиеся исключительно военными округами, функционировали параллельно с гражданскими провинциями, ἐπαρχίαι [16, р. 129–131].

Однако Е.А. Мехмадиев, проанализировав ряд агиографических источников, пришел к выводу о том, что в IX–X вв. слово στρατηγία обозначало армию, войсковую группировку, а также военную власть, т.е. совокупность командных полномочий стратега или просто его должность, но не подведомственную ему территорию. С точки зрения исследователя, нет оснований полагать, что в VIII в. ситуация была иной. В X в. территория, управляемая стратегом, обозначалась словом θέμα, но применительно к более раннему времени, когда речь идет о «провинциях» армий Опсикий, Анатолик, Армениак и др., имеются в виду именно старые гражданские провинции (ἐπαρχίαι) эпохи Юстиниана I [4, с. 181, 187]. При этом, как отмечает Е.А. Мехмадиев, судя по печатям, состав групп провинций, на территории которых размещалась та или иная «армия», длительное время не был неизменным. Лишь ко второй половине VIII в. сложились более или менее стабильные районы их дислокации, включающие постоянный набор провинций. Источники не позволяют определить официальный термин, служивший для обозначения этих военных округов. В текстах печатей они фигурируют просто как αἱ ἐπαρχίαι τῶν Ανατολικῶν, αἱ ἐπαρχίαι τῶν Ἀρμενιакῶν, т.е. «провинции Анатоликов», «провинции Армениаков» и т.д. [4, с. 202].

Тем не менее вывод Дж. Хэлдона о возникновении уже в середине VII в. фемных округов, вобравших в себя гражданские провинции [10, р. 8], было бы преждевременно считать лишены оснований. Сам факт размещения восточно-римских войск в конкретных регионах Малой Азии в середине этого столетия не вызывает сомнений. Даже если конфигурация границ округов первоначально не была строго зафиксирована, территории расквартирования «армий» в целом не менялись [9, р. 269]. Следовательно, само существование «военных округов» уже на раннем этапе вряд ли стоит отрицать. Точно также пока не следует полностью исключать возможность того, что эти округа могли называться стратегиями. Если слово θέμα в IX–X вв., помимо значения «армия», «войсковая группировка», являлось официальным названием административно-территориальных единиц, то и слово στρατηγία,

которое также имело значение «армия», в принципе, могло обозначать и военный округ. Во всяком случае такому пониманию термина *στρατηγία*, как кажется, не противоречат приводимые самим Е.А. Мехмадиевым легенды печатей VIII в., где этот термин встречается. Там, в частности, фигурируют *στρατηγίας Ἑλλάδς*, *στρατηγίας τῶν Θρακισίων*, *στρατηγίας τῶν Κυβεριωτῶν* – т.е. «стратегия Эллада», «стратегия Фракисиев», «стратегия Кивериотов» [4, с. 173–174]. Сам контекст употребления этих словосочетаний допускает их понимание и как военного формирования, и как территориального образования, сходного по типу с военным округом. И можно только согласиться с Е.А. Мехмадиевым в том, что современники «вполне отчетливо понимали и осознавали связь между армией, войсковой группировкой и той территорией, где дислоцировалась эта группировка» [4, с. 177].

С точки зрения Е.А. Мехмадиева, слово *θέμα* изначально, с того самого момента, когда оно вошло в официальный административный лексикон Империи, обозначало именно территорию, определенный регион, где проживало гражданское население и размещались войсковые гарнизоны, т.е. территориальную военно-административную единицу, возглавляемую стратигом. Однако возникновение фем именно в качестве таких единиц исследователь относит к началу IX в., считая вслед за Дж. Хэлдоном подлинным основателем фемного строя императора Никифора I (802–811). В одной из своих последних работ британский ученый вопреки своим прежним представлениям предпринял попытку доказать, что термин *θέμα*, действительно центральный в так называемой фемной системе, имеет полностью фискальное происхождение и имеет прямое отношение к установлению нового фискального механизма для содержания вооруженных сил в определенном регионе, из которого были набраны воины [8].

В ходе проведенных императором в 809 г. серий военных, финансовых и административных реформ территории, на которых располагались регио-нальные армии, были преобразованы в новые военно-территориальные округа – фемы (*θέματα*). При этом старые провинции (*ἐπαρχίαι*) были упразднены, и в руках командующих армиями – стратигов фем – оказались сосредоточены не только военные, но и гражданские (судебные и фискальные) полномочия [8, р. 258–261; 4, с. 208–213, 410]. Именно в связи с реформами

Никифора I, как считает Е.А. Мехмадиев, наименования полевых армейских частей распространяются на районы их дислокации [4, с. 211].

Основанием оценивать предпринятые Никифором меры как столь масштабную трансформацию административно-территориального устройства Империи является указание в «Хронографии» Феофана на поручение императора стратигам отслеживать появление крупных денежных средств у недавних бедняков. Предполагается, что тем самым им давалось право контролировать процесс сбора и распределения налогов, что фактически превращало стратигов в провинциальных наместников [9, р. 268; 4, с. 210–211].

Другим основанием теории возникновения фем только в начале IX в. служит фиксируемая по данным сфрагистики замена службы коммеркиариев службой протонотариев. Функцией и тех и других было продовольственное снабжение и в целом материальное обеспечение войск. Но если первые являлись чиновниками гражданских провинций и подчинялись ведомству великого логофета в столице, то вторые первоначально были всего лишь служащими личной канцелярии стратига. Служба протонотариев была создана в середине VIII в., но только в начале IX в. в связи с расширением полномочий стратига чиновники его «штаба» присвоили те функции, которые раньше выполняли коммеркиарии. При этом сам Е.А. Мехмадиев отмечает, что последние по времени печати коммеркиариев датируются концом 730-х годов [4, с. 215], т.е. задолго до ликвидации гражданских провинций, которую он относит к 809 г.

В целом теория возникновения «фемной системы» только в начале IX в. хотя и становится все более популярной, пока не выглядит достаточно аргументированной. Причем эту позднюю дату Е.А. Мехмадиев относит лишь к территории Малой Азии, тогда как создание фемных структур управления на Балканах он датирует гораздо более ранним временем (фемы Фракия 680–681 гг., фемы Эллада – временем между 687 и 695 г.). Главную причину столь раннего появления фракийской фемы исследователь усматривает в набегах болгар, которые заставили императора Константина IV (668–685) заменить гражданского наместника провинции стратигом [4, с. 279]. Возникает вполне закономерный вопрос: почему вторжения болгар послужили стимулом к созданию фем на

Балканах, а не менее масштабные и разрушительные походы армий халифата на протяжении второй половины VII – первой половины VIII в. в Малую Азию таким стимулом не стали? Хотя в той катастрофической ситуации концентрация военной и гражданской власти в одних руках представляется более логичным решением, чем позднее, когда столкновения с арабами уже не угрожали самому существованию Империи.

Можно согласиться с А.С. Моховым, по мнению которого мероприятия Никифора I в военной сфере нельзя признать реформой, а лишь попыткой пополнить войско с наименьшими затратами для казны путем принудительного набора малоимущих. Новые правила комплектования войск вступили в силу в 809 г. и позволили увеличить численность армии. Однако боеспособность новых формирований была крайне низкой [5, с. 111]. Соответственно, по-видимому, пока нет достаточных оснований отвергнуть концепцию формирования «фемной системы» во второй половине VII – первой половине VIII в. именно в связи с масштабным по меркам средневековья византийско-арабским противостоянием [5, с. 48].

Несомненно, первоначально «фемная система» была исключительно военной в том смысле, что фемы представляли собой «военные округа» (вне зависимости от того, как они официально назывались – «фемами», «стратигиями» или вообще никак), а возглавляющие их стратиги не имели никаких иных функций, кроме военного командования. Однако концентрация всей власти на местах в руках военачальников явилась закономерным результатом процесса регионализации полевых армий, в ходе которого они осели на постоянной основе в определенных регионах, а также состояния почти перманентной войны, которая велась главным образом на территории самой империи. В этой ситуации, как справедливо отмечают А.В. Банников и М.А. Морозов, военные власти, несомненно, с самого начала имели определенные преимущества перед гражданской администрацией продолжавших функционировать позднеримских *ἐπαρχία*. Это не означало непременно присвоения военными полномочий гражданских чиновников, но по крайней мере контроль над гражданскими органами управления [1, с. 332–333].

Актуальность сотрудничеству между армией и гражданской администрацией придавал региональный принцип комплектования

фемных войск, подразделения которых набирались в районах своего базирования из местных крестьянских общин. При этом не только фема в целом, но и каждое ее подразделение, турма (τούρμα) и даже банда (βάνδον)¹, могло быть связано с конкретным районом и его обитателями [11, р. 112]. Их командирами в основном выступали представители местных элит, для которых было целесообразно ассоциировать себя с военными округами, поскольку связь с вооруженными силами не только давала карьерные преимущества, но и позволяла более успешно отстаивать местные интересы. Неудивительно, пишет Дж. Хэлдон, что милитаризация элит наиболее сильной была в тех регионах, ситуация в которых в большей степени определялась влиянием военных действий и присутствием войск [9, р. 172].

Армия оказывается прочно интегрированной в провинциальное общество. При этом, как отмечает Дж. Хэлдон, в условиях отсутствия какого-либо иного института, способного донести мнение населения провинций до центрального правительства, именно армия в лице своих фемных подразделений время от времени предпринимает такие попытки в специфической форме военных восстаний и мятежей. Этот процесс «политизации» восточно-римской армии, по мнению британского исследователя, был ускорен еще и тем, что в VII–VIII вв. фемные контингенты становятся не только туземными по составу, но и относительно однородными в экономическом и этнокультурном отношении [9, р. 150–151].

«Фемная система» и стратиотское землевладение

В VIII–X вв. вооруженные силы Восточной Римской империи состояли из двух основных компонентов – регулярных частей (τάγματα), воины которых служили на постоянной основе, и иррегулярных ополчений фем (θέματα), мобилизуемых в случае воен-

¹ Греческое слово βάνδον было заимствовано из германских языков. Впервые оно появилось в источниках VI в. и первоначально означало знамя, военный штандарт, но уже в начале VII в. так стало называться подразделение византийской армии численностью от 200 до 400 воинов. См.: Мехамадиев Е.А. Военная организация Византийской империи в VII – первой половине IX в.: административно-территориальный и социальный аспекты развития. – Санкт-Петербург, 2020. – С. 53–55. – *Прим. авт.*

ной необходимости. При этом фемные контингенты представляли собой основную (и по численности, и по реальному значению) часть вооруженных сил [3, с. 41]. Главным принципом фемной военной организации было привлечение к воинской службе весьма многочисленного сегмента свободного земледельческого населения Империи, образовавшего особую категорию воинов-крестьян (στρατιώτης) [2, с. 315]. Списки стратиотов (στρατιώτικοι καταλόγοι) составлялись в каждой феме и передавались в центр логофету стратиотиков (λογοθέτης τοῦ στρατιωτικοῦ) [11, р. 122–124; 5, с. 125].

Столь широкая социальная база комплектования армии позволяла государству иметь многочисленные вооруженные силы. Воинские контингенты отдельных фем насчитывали от двух до 12 тыс. стратиотов. Общая численность фемных войск (точнее – общее число лиц, внесенных в стратиотские каталоги), по данным арабских писателей, во второй половине VIII – первой половине IX в. достигала 120 тыс. человек [4, с. 397–405; 5, с. 125; 15, р. 283].

Территориальная структура фемы, каждое подразделение которой занимало определенный район и группу поселений, позволяла в короткие сроки собрать стратиотские контингенты и выступить в поход [11, р. 112–113]. Масштабные боевые действия, наступательные или оборонительные, обычно велись силами нескольких фем, и в восточных исторических текстах сохранились упоминания об «огромных армиях греков», опустошавших земли халифата в северной Сирии. О сравнительно высокой боевой эффективности фемных ополчений во второй половине VIII в. свидетельствует провал крупных арабских вторжений 778–779 и 779–780 гг., а в 782 г. войско Харуна ар-Рашида избежало полного уничтожения только благодаря удачному стечению обстоятельств [5, с. 125–130]. В целом, как отмечает А.С. Мохов, именно создание крупных иррегулярных фемных ополчений свободных крестьян-воинов позволило Византии избежать во второй половине VII – первой половине VIII в. внешнеполитического разгрома [5, с. 7].

Характерной чертой византийской военной системы вплоть до XI в. включительно являлось отсутствие условного военно-служилого землевладения, т.е. государство не предоставляло воинам наделы при условии несения службы. Земли стратиотов были

их личной/частной (семейной) собственностью, полученной по наследству. Тем не менее поскольку эти надельные земли служили материальной базой исполнения ими воинской повинности (*στρατεία*), они считались «военными землями» (*τὰ στρατιωτικὰ κτήματα*) и, соответственно, регистрировались в стратиотских каталогах вместе с именами самих воинов. В определенной мере эти каталоги представляли собой списки мужского населения того или иного региона, и на их основе проводилась мобилизация [11, р. 122–123; 10, р. 20–28; 4, с. 360–361].

В период пребывания на военной службе надел стратиота обрабатывался его семьей или родственниками, которые были обязаны обеспечить воина продовольствием, деньгами, конем, оружием и доспехами. При этом государство никак не компенсировало эти расходы, и, таким образом, содержание воина полностью ложилось на плечи семьи, что нередко заканчивалось ее разорением [7, р. 62]. Как полагает Е.А. Мехмадиев, окончательно такая система сложилась к середине VIII в. [4, с. 375–376]. В 809 г. правительство Никифора I распространило принцип круговой поруки уже на всех односельчан воина. Теперь вся община должна была коллективно обеспечивать стратиота всем необходимым для службы [4, с. 383]. Государство выплачивало воинам только жалование (*ρῶμα*) с периодичностью один раз в три – пять лет перед выступлением в поход, но опять же за счет средств, собранных с родственников и односельчан. Такую периодичность исследователи объясняют тем, что государство никогда не мобилизовывало сразу все фемные армии, поскольку это могло привести к разорению сельские общины, если бы им пришлось нести бремя *στρατεία* ежегодно [11, р. 125; 4, с. 376, 384–385]. По мнению В.В. Кучмы, система поземельных отношений, на которых базировался институт стратиотской собственности, в какой-то степени реанимировала черты общинно-родового быта, и общий смысл рекомендаций императора Льва VI военному руководству, изложенных в трактате «Тактика», заключался в том, чтобы использовать это обстоятельство для укрепления дисциплины и порядка в армии [3, с. 42].

В исторических, агиографических и юридических текстах образы воинов варьируют от достаточно состоятельных до относительно бедных и даже нищих. Очевидно, их авторы имели дело с широким разнообразием типов военных, что приводило к ряду

противоречий и парадоксов в их описаниях, а также к спорам среди современных историков. В целом, однако, воины занимали привилегированное положение, а многие из них были состоятельными в сравнении с большинством остального сельского населения. Стоимость имущества (прежде всего земельной собственности), считавшегося достаточным для содержания фемного кавалерийского воина, в первой половине X в. составляла 4 или 5 литр (фунтов) золота (т. 288 или 360 золотых монет – *νόμισματα*). Это, как отмечает Дж. Хэлдон, было скорее небольшое поместье размером порядка 60 га, чем средний крестьянский надел. Воины, обладавшие имуществом такой стоимости, явно принадлежали к сельской элите [11, р. 267; 10, р. 44–47, 57–58; 12, р. 115–156].

Однако в конкретных условиях и в контексте более раннего периода, второй половины VII–IX вв., само понятие «земледельцы-воины», с точки зрения британского византиниста, является абсурдным. Тексты, описывающие ситуацию и перемены, происходившие в VIII в., действительно указывают на то, что воины, которые частично обеспечивали себя снаряжением за собственный счет и располагали собственным имуществом, становятся хорошо знакомым явлением. Но это не имеет никакого отношения к предполагаемым «земледельцам-воинам». В источниках, относящихся к VIII–IX вв., либо нет данных, свидетельствующих о наличии юридической взаимосвязи между землей и военной службой, либо имеются прямые указания на ее отсутствие. Нет также указаний на обязанность семей содержать воинов, являющихся членами этих семей. Хотя, разумеется, они могли вносить какой-то вклад в их обеспечение. Задача снабжения стратиотов всем необходимым лежала прежде всего на коммерциариях, которые делали это посредством реквизиций, налогов и государственных поставок. Только с середины X в. земельные наделы воинов, а также их семьи и родственники стали заноситься в стратиотские каталоги [10, р. 18].

«Тем не менее, – пишет Дж. Хэлдон, – фиксируемое источниками повышение роли собственных домохозяйств в обеспечении воинов отражает один из аспектов медленной трансформации восточно-римских войск в вооруженные силы милиционного типа, еще способные участвовать в крупных кампаниях и эффективно вести боевые действия, но все более провинциализирующиеся и,

вероятно, становящиеся похожими на *limitanei* периода до арабских завоеваний» [9, р. 273].

Первые позитивные данные о связи военной службы с воинским землевладением относятся к 801 г. (письмо Феодора Студита императрице Ирине). Поэтому, как считает К. Цукерман, истоки формирования института «военных земель» вряд ли следует искать в кризисе второй половины VII в. Степень преемственности между военными системами VI и VII вв. была весьма значительной. Несмотря на утрату богатейших регионов, источники не свидетельствуют о какой-либо ревизии традиционной имперской модели профессиональной армии, оплачиваемой из государственного бюджета. Однако в новых условиях тотальной открытости имперской территории вторжениям с разных направлений армия такого типа не могла справиться с поставленными перед ней задачами, и единственными границами, которые она могла эффективно защищать, фактически остались только стены Константинополя. Создание военных округов, *стратигиат*, явилось первым шагом к реструктуризации имперской территории. До определенной степени *тема*та второй половины VIII – первой половины IX в. происходят от *стратигиат* первой половины VIII столетия. Новая модель комплектования, регионализированная и применяемая к землевладельцам, призванным свою землю защищать, стала ключом к сокращению бремени на государственные финансы и созданию эффективной армии, сделавшей возможным «Македонский ренессанс»¹, пишет К. Цукерман [16, р. 134].

Идея о позднем возникновении стратиотского землевладения (впрочем, как и «фемной системы» в целом, поскольку то и другое взаимосвязано) является далеко не новой². Однако представление о том, что византийская армия VII–X вв. по своему составу была преимущественно крестьянской, что стратиоты в массе своей в экономическом плане были именно крестьянами, которые

¹ Имеется в виду военно-политический и культурный подъем Византии в период правления так называемой Македонской династии (867–1056). – *Прим. авт.*

² См., например: Lilie R.-J. Die zweihundertjährige Reform: Zum den Anfängen der Themenorganisation im 7 und 8 Jahrhundert // *Byzantinoslavica*. – 1984. – Vol. 45, N 1/2. – S. 27–39, 190–201; Karayannopoulos J. Die Entstehung der Byzantinischen Themenordnung. – München, 1959. – XX, 105 S.

в мирное время занимались обработкой своих наделов, практически не вызывает сомнений у большинства исследователей [14, р. 288; 1, с. 334; 4, с. 367–368; 5, с. 51; 13, р. 397, 401, 404–406].

Для византийского крестьянства в целом и для стратиотов как его сегмента, в частности, такая система устройства вооруженных сил была крайне обременительной. Но для восточно-римского государства ее преимущества заключались в относительно небольшой стоимости при достаточно высокой эффективности. В условиях второй половины VII – первой половины VIII в., когда Империя по своим экономическим и финансовым возможностям существенно уступала халифату, указанная система позволяла отчасти компенсировать столь явное неравенство [2, с. 317; 9, р. 98].

Фемные армии не отличались высоким профессионализмом. Судя по «Тактике» Льва VI, круг практических боевых навыков, которым обучались стратиоты, наглядно демонстрирует невоенный характер их основных занятий в мирное время [3, с. 42–43, прим. 6]. Армии *θέματα*, часто именуемые в источниках «кавалерийскими фемами» (*καβαλλάρικα θέματα*), в период от 660-х гг. до первой половины X в. были предназначены для того, чтобы быстро реагировать на нападения врага, изматывать силы противника или совершать рейды на его территорию [11, р. 117; 7, р. 47]. Как считает В.В. Кучма [3, с. 41], не лишено оснований сопоставление фемы с казачьей областью Российской империи, на что в свое время обратил внимание Н.Г. Попов¹.

Совмещая военную службу с земледельческими занятиями, византийские стратиоты образовывали особую, хорошо идентифицируемую группу внутри общества, статус которой имел наследственный характер. Несмотря на заметные различия в имущественном положении воинов, вплоть до второй половины X в. византийские армии оставались относительно гомогенными в социально-экономическом плане, а стратиотское сословие в целом являлось прочной основой византийской военной организации фемного типа [11, р. 259–260; 2, с. 316]. По заключению В.В. Кучмы, фемный строй периода расцвета представлял собой комплекс социальных, политических, административных и военных инсти-

¹ Попов Н.Г. Очерки по гражданской истории Византии за время Македонской династии. – Москва, 1916. – С. 116.

тутов, призванных приспособить византийскую экономику к потребностям обороны от вражеских нашествий. Он создавал возможность быстрой и сравнительно безболезненной перестройки мирной экономики на военный лад и обратно [2, с. 315–316].

Созданные для обороны от арабских вторжений иррегулярные фемные ополчения к середине VIII в. в целом успешно выполнили свою задачу. В дальнейшем быстро развивающаяся тенденция к росту численности и военной роли регулярных подразделений (*τάγματα*) наемных воинов-профессионалов привело к утрате фемными контингентами прежнего значения. Наряду с другими факторами это привело к явлению, которое в историографии часто называют «кризисом фемной системы».

Список литературы

1. Банныков А.В., Морозов М.А. Византийская армия (IV–XII вв.). – Санкт-Петербург : ЕВРАЗИЯ, 2013. – 688 с.
2. Кучма В.В. Военная организация Византийской империи. – Санкт-Петербург : Алетея, 2001. – 426 с. – (Византийская библиотека. Исследования).
3. Кучма В.В. «Тактика Льва» как исторический источник // Тактика Льва / изд. подготовил Кучма В.В. ; отв. ред. Барабанов Н.Д. – Санкт-Петербург : Алетея, 2012. – 368 с. – (Византийская библиотека. Источники).
4. Мехмадиев Е.А. Военная организация Византийской империи в VII – первой половине IX в.: административно-территориальный и социальный аспекты развития. – Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2020. – 456 с.
5. Мохов А.С. Византийская армия в середине VIII – середине IX в.: развитие военно-административных структур. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013. – 276 с.
6. Мохов А.С., Капсалыкова К.Р. «Пусть другие рассказывают о выгоде и роскоши, что приносит война»: византийская полемологическая традиция X–XI вв. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. – 300 с.
7. Haldon J. Byzantium at War, AD 600 – 1453. – New York ; London : Routledge, 2002. – 94 p.
8. Haldon J. A context for two «evil deeds»: Nikephoros I and the origins of themata // Le saint, le moine et le paysan. Méd'histoire Byzantine offerts à Michel Kaplan / Éd. Par Delouis O., Métivier S., Pagés P. – Paris, 2016. – P. 245–265.
9. Haldon J. The Empire that would not die: The paradox of Eastern Roman Survival, 640–740. – Cambridge (Mass.) ; London : Harvard univ. press, 2016. – 418 p.
10. Haldon J. Military Service, Military Lands and the Status of Soldiers: Current Problems and Interpretations // Dumbarton Oaks Papers. – 1993. – Vol. 47. – P. 1–67.
11. Haldon J. Warfare, State and Society in the Byzantine World, 565–1204. – London : UCL Press, 1999. – X, 389 p.

12. Lemerle P. The Agrarian History of Byzantium from the Origins to the Twelfth Century. – Galway : Galway univ. press, 1979. – XII, 272 p.
13. Rance Ph. The Army in Peace Time: The Social Status and Function of Soldiers // A Companion to the Byzantine Culture of War, ca 300–1204 / Ed. by Stouraitis Y. – Leiden, 2018. – P. 394–439.
14. Sarris P. Empires of Faith: The Fall of Rome to the Rise of Islam, 500–700. – Oxford : Oxford univ. press, 2011. – XI, 428 p.
15. Treadgold W. Notes on the Numbers and Organization of the Ninth-Century Byzantine Army // Greek, Roman and Byzantine Studies. – Durham, 1980. – Vol. 21. – P. 269–288.
16. Zuckerman C. Learning from the Enemy and More: Studies in «Dark Centuries» Byzantium // Millenium. – 2005. – Jg. 2. – P. 79–136.

УДК 930.22; 94(410)".../1066"

СУХИНО-ХОМЕНКО Д.В.* КОРОЛЕВСКАЯ КАНЦЕЛЯРИЯ В АНГЛИИ X–XI вв. : ЛИТЕРАТУРНО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ОТВЕТ В СПОРЕ ДИПЛОМАТИСТОВ В МОНОГРАФИИ Б. СНУКА «АНГЛОСАКСОНСКАЯ КАНЦЕЛЯРИЯ: ИСТОРИЯ, ЯЗЫК И ВЫПУСК АНГЛОСАКСОНСКИХ ГРАМОТ ОТ АЛЬФРЕДА ДО ЭДГАРА». DOI: 10.31249/rhist/2022.02.04

Аннотация. В статье рассматривается контекст появления и значение монографии Б. Снука «Англосаксонская канцелярия: история, язык и выпуск англосаксонских грамот от Альфреда до Эдгара» для решения длительного историографического спора о существовании или отсутствии королевской канцелярии в Англии в X–XI вв. Если прежние ответы давались в основном в рамках дипломатики, предлагаемое автором решение опирается на анализ королевских жалованных грамот как литературного памятника. Проследив меняющуюся культурную обстановку и внутриаполитическую повестку дня в Англии 871–975 г., Б. Снук приходит к однозначному положительному ответу. Этот вклад в историографию представляется тем более важным, что, возможно, является удачным примером вывода дискуссии на новый уровень.

Ключевые слова: дипломатика в Англии X–XI вв.; письменные практики в Англии X–XI в.; англосаксы; англосаксонская канцелярия; жалованные грамоты; король Альфред, король Этельстан, король Эдгар.

Royal Chancery in England in the 10th and 11th Centuries: A Cultural and Literary Solution to a Diplomats' Dispute. About an

* © Сухино-Хоменко Д.В., 2022

Сухино-Хоменко Д.В. – аспирант института исторических исследований в университете в Гётеборге (Швеция). E-mail: denis.sukhino-khomenko@gu.se

B. Snook's monograph «The Anglo-Saxon Chancery: The History, Language and Production of Anglo-Saxon Charters from Alfred to Edgar».

Abstract. This article surveys the context for and importance of Ben Snook's monograph «The Anglo-Saxon Chancery: The History, Language and Production of Anglo-Saxon Charters from Alfred to Edgar» for solving a long-standing historical problem of (non-) existence of a royal chancery in England in the 10–11th centuries. Previously, the solution to the problem used to be sought first and foremost in the field of diplomatic as such. Snook's work, however, does so by viewing royal diplomas as predominantly literary sources. By tracing the changes in the cultural and internal political agenda in England in 871–975, the author arrives at a resounding 'yes'-answer. This historiographical contribution appears all the more important as it highlights a successful move of the discussion into a new field.

Keywords: Diplomacy in tenth and eleventh-century England; writing practices in tenth and eleventh-century England; Anglo-Saxon chancellery; letters patent; King Alfred, King Ethelstan, King Edgar.

Для цитирования: Сухино-Хоменко Д.В. Королевская канцелярия в Англии X–XI в. : литературно-культурологический ответ в споре дипломатистов в монографии Б. Снука «Англосаксонская канцелярия: история, язык и выпуск англосаксонских грамот от Альфреда до Эдгара». (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2022. – № 2. – С. 73–86. DOI: 10.31249/rhist/2022.02.04

Одной из остро дебатировавшихся тем в англосаксонистике второй половины XX в. был вопрос о существовании королевской канцелярии в донормандской Англии. Значение того или иного ответа на него сложно переоценить, поскольку от этого зависит оценка степени преемственности между англосаксонскими и англо-нормандскими институтами [4], документальных практик и, что особенно привлекало внимание исследователей, характера и уровня развития государственных структур, степени централизации администрирования, а также роли королевской власти и т.д.¹ Тра-

¹ Значимость темы и подходы к ней см. в рецензии на недавнюю работу Дж. Молиню [5].

диционно решения искались в основном в рамках дипломатики – вспомогательной исторической дисциплины, исследующей актовый материал, применительно к Средним векам проходящий под собирательным обозначением «грамоты». Иногда в качестве дополнительных аргументов приводились общие соображения о функционировании англосаксонских королевских жалованных грамот: выступая средством юридического оформления земельных отношений как инструмент управления, документы не могли не интересовать монархов, тем более в свете нередких ссылок на отступные платежи в пользу короля-дателя [19 р. 28–39; 27, р. 77–103]. Причины разногласий кроются в отсутствии каких-либо однозначных указаний на обстоятельства производства королевских актов. Общим местом в историографии является тезис о несоответствии англосаксонских королевских грамот континентальным шаблонам: отсутствие каких-либо удостоверяющих подлинность признаков (кроме списка свидетелей), вариативность формул и одновременно церковно-религиозный язык [25, р. 157–165].

В рамках одной из наших предыдущих работ мы уже давали историографический обзор этой темы [4]. Мы заключили, что в столкновении противоположных мнений по этому вопросу большую популярность всё же получила точка зрения сторонников наличия королевской канцелярии, и что в последние годы она в свою очередь во многом уступила место представлению о невозможности провести чёткие границы между королевским и церковным канцелярскими штатами и, следовательно, о некоторой анахроничности всего спора. Сама же дискуссия началась в 1960–1980-е годы и первоначально нашла отражение в публикациях П. Шапле [26, р. 42–107] (переиздание более ранних работ автора) [7; 8] и С. Кейнза [19; 20; 23]. Ключевые положения концепции Шапле сводились к следующему: англосаксонская королевская жалованная грамота являлась чисто церковным документом, возникшим как инструмент оформления земельных пожалований (в первую очередь в пользу церкви) в бесписьменном¹ на тот момент обществе, незнакомом с этой исходно позднеантичной практикой;

¹ Речь идёт о незнании англосаксами античной письменной традиции. Руническая грамотность в данном случае выведена за скобки, поскольку она обслуживала иные социальные и культурные сферы. О раннем руническом письме в Англии в церковном обиходе см. недавнюю работу Т.В. Гимона [16]. – *Прим. авт.*

на протяжении всего письменного англосаксонского периода (ок. 600–1066 гг.) грамоты писались силами церковных же писцов из общин, получавших эти пожалования; короли за неимением собственного канцелярского аппарата обращались к монастырским и епископским скрипториям за составлением подобных актов; это же позднее делали и миряне, когда им требовалось оформить документы о королевских пожалованиях в свою пользу. Эти выводы следовали из языка документов, пронизанного религиозной риторикой, из отсутствия светских санкций, единых формуляров и канцелярских признаков (печати, подписи нотариуса) и, напротив, из встречающихся от случая к случаю ссылок на епископов или аббатов как лиц, работавших над текстами, а также из сходства почерков некоторых документов с почерками отдельных погодных записей в Англосаксонской хронике [1]. Кейнз же видит в этих признаках лишь внешнюю оболочку, связанную с общим консерватизмом англосаксонской дипломатической традиции. Он не отрицает применимости объяснения Шапле локального производства грамот «заинтересованной стороной» для раннего периода, но уже в документах, начиная со второй половины IX в., в королевствах Мерсия и особенно Уэссекс Кейнз находит признаки работы какого-то штата писцов, связанного с королевским двором. Их деятельность будет особенно ярко проявляться с периода правления короля Этельстана (924–939). Подобная интерпретация опирается в первую очередь на хорошо заметную и датируемую смену общих формуляров грамот, на факт откладывания подобных грамот в разных архивах, а также, при наличии подлинников на отдельных листах, на единство почерков в грамотах в пользу разных получателей. Кейнз считает королевские жалованные грамоты продуктом королевских собраний с участием церковных иерархов и светских магнатов, проходивших несколько раз в год (уитенагемоты, др. англ. *witenagemōt*). Позднее с модификациями точку зрения Шапле принимали, например, Ч. Инсли [17] и С. Келли [9, р. LXXXIV–LXXXII, CXXVII–CXXXI; 10, р. 118–124], а Кейнза – С. Смит [29, р. 23], Д. Дамвилл [12, р. 1–2, 86], С. Томпсон [31], Р. Галлагер и К. Уайлз [14, р. 256–259]. Оговоримся, что в более поздних работах Кейнз всё же допускал параллельную работу нескольких канцелярий, особенно с середины X в., но ключевым в его взглядах оставалось положение о наличии в распоряжении королей придворного секретариата [24].

Недавно оригинальное решение, поддерживающее схему Кейнза, предложил в своей работе Б. Снук [30]. В ее заключительной части автор – который в предисловии не преминул обратить внимание на свое дальнейшее родство с Дж. Кемблом (1807–1857) [30, р. XI], одним из основоположников англосаксонской дипломатики, претендует на подведение черты под дискуссией: «В любом случае, совершенно ясно, что более не может быть серьезного спора о существовании англосаксонской канцелярии в X в.» [30, р. 191]. Данное утверждение является прямой антитезой словам Шапле: «Нет ни тени свидетельства, что в какой-либо момент между VII и XI вв. англосаксонские жалованные грамоты составлялись или писались какими-то писцами, которых можно хотя бы в общих чертах назвать центральным королевским секретариатом, то есть единым, организованным штатом, укомплектованным кадрами, специализировавшимися на королевских нуждах» [26, р. 49]. В отсутствие, насколько нам известно, русскоязычных рецензий и в свете претензии Снука на окончательное разрешение столь важной проблемы, кажется уместным разобрать данную монографию, её методологию и выводы подробнее.

Б. Снук рассматривает акты от Альфреда Великого (871–899) до Эдгара (957–975) в первую очередь как чисто культурологический объект, особенно их санкции и преамбулы, формально «не относящиеся к сути дела» [29, р. 36], то есть к производимому пожалованию (в большинстве случаев земельному). В своей книге Снук изучает их литературные особенности, потому что, по его заключению, королевские грамоты – «тщательно и точно выверенные изречения королевской власти, произведённые самыми эрудированными интеллектуалами королевства для передачи целевой аудитории недвусмысленного сообщения» [30, р. 27]. В ходе своего исследования, среди прочего, Снук описывает эти послания и воспринимавшую их аудиторию, изучает культурную среду их составителей, вводит оных в ряд литераторов в полном смысле этого слова и вписывает их произведения в интеллектуальную историю Англии IX–X вв. Красной нитью сквозь всю книгу проходит вопрос о причинах изменений: почему грамоты стали носителями королевской идеологии, почему юридические документы вдруг стали объектом литературного творчества, почему «заказчик» ис-

кал именно таких составителей и почему те осуществляли эту задачу именно так?

Поставленные вопросы Снук рассматривает в строго хронологическом порядке. Ещё Кейнз определил некоторые характерные мерсийские дипломатические особенности (помещение благословения, совмещенного с запретительной санкцией, после списка свидетелей; превознесение в преамбуле достоинств письменного слова как средства фиксации королевских пожалований, и проч.) в грамотах уэссекских королей Альфреда и его сына Эдуарда (899–924). Снук продолжает эту мысль и обнаруживает в уэссекских королевских документах литературные черты, отличавшие мерсийскую традицию, а именно – подражание крайне сложному стилю мальмсберийского аббата Альдхельма (ум. 709/710). В IX в. уэссекские документы ещё не приблизились к стилю мерсийских, но целый ряд грамот уже содержит короткие (по два-три слова) цитаты из Альдхельма. Эдуард, унаследовав от Альфреда традицию письменного обращения к своим подданным и компетентных авторов, получил мощный инструмент королевской «пропаганды». С его помощью уэссекский государь и его окружение создавали образ культурно-исторического единства на основе «славного прошлого»: если Альфред вырабатывал новый стиль в древнеанглийской прозе, то Эдуард, вероятно, – в дипломатическом жанре, и оба отсылали к некоему «золотому веку». Обращение в грамотах к мерсийской альдхельмовской традиции было не только следствием задействования высокообразованных мерсийских интеллектуалов и их знаний при уэссекском королевском дворе, но и способом налаживания отношений с мерсийской частью элиты объединённого под властью Эдуарда королевства.

Этот инструмент будет применяться и Этельстаном, но уже в иной обстановке. Альфред и Эдуард выковывали идеологию «англосаксонского единства»: в их грамотах впервые встречается латинский титул *rex Angulsaxonum*, что можно интерпретировать как притязание на правление и англами (т. е. мерсийцами), и (западными) саксами. Этельстан же превозносит интеллектуальные достижения и превосходство собственного двора, который Снук уподобляет «литературному салону» [30, р. 58]. С этой целью король берёт на службу автора, известного только по современному условному обозначению «Æthelstan A». Особенности его стиля

(лексико-синтаксическая вариативность при единообразии смысла) не оставляют сомнений, что это был один человек (возможно, личфилдский епископ Эльфвине), а не команда¹. Он продолжает уже имевшуюся традицию обращения к «золотому веку» и активно подражает Альдхельму и другим латинистам. При этом диспозитивная часть грамоты, то есть, собственно, производимое земельное пожалование, остаётся вполне функциональной и техничной, в то время как перегруженный, неестественно витиеватый, трудно-понимаемый латинский стиль и внушительный внешний вид (физический размер грамот вырастает от примерно формата А4 до А3) должны были поражать слушателей и читателей.

Со смертью Этельстана в 939 г. на полтора десятилетия и два правления (Эдмунд, Эадред) интеллектуальная атмосфера меняется в связи с началом «монашеского (или «бенедиктинского») возрождения» и его особой идеологией [6; 17]. Условно называемые «стандартными» (*mainstream*²) грамоты пишутся хорошей латынью, но лишённой всякой вычурности, свойственной для «Æthelstan A». Это любопытно, потому что автор, известный как «Æthelstan C», писал и для Этельстана, и для следующего короля, Эдмунда (939–946). За составление «стандарта», судя по всему, отвечал епископ Рамсбери и позже архиепископ кентерберийский Ода. 16 «аллитерационных» грамот связаны с вустерским епископом Коэнвальдом. Серия грамот под условным обозначением «Dunstan B» (32 экземпляра, из них 22 не вызывают сомнения в подлинности [22]), в языковом отношении сильно упрощённая по сравнению даже со «стандартом», писалась под руководством аббата Гластонбери, Дунстана. Но, как стремится показать Снук, доминирование этих фигур не говорит о децентрализации физического производства грамот. Наоборот, все три серии отложились в разных архивах, что, как предположил ещё Кейнз, должно свидетельствовать о централизованном написании, монополизирован-

¹ От него остались два автографа, но его стиль с характерным пышным словарным запасом, яркими картинками, сложными оборотами и прочими свидетельствами мастерского владения латынью безошибочно опознаются в 19 достоверных грамотах 928–935 гг. – *Прим. авт.*

² Слово использовалось в англосаксонской дипломатике и ранее [17, р. 186–187; 15, р. 375], однако в данном терминологическом смысле его применил, видимо, Кейнз [24, р. 92–97]. – *Прим. авт.*

ном идеологами «монашеского возрождения» в королевском окружении: в момент, когда у монахов-реформаторов в ходу сложная «герменевтическая» латынь на основе стиля Альдхельма, королевская проза намеренно упрощается.

При юном короле Эдви (955–959), чье правление Снук характеризует как попытку возвращения государю его положения в управлении страной, дипломатическая традиция снова меняется. Выпуск серии «Dunstan B» прерывается в связи с удалением Дунстана от двора, и известна только одна «аллитерационная» грамота до 958 г. Если прежде Ода (с 941 г.) и другие прелаты подписывались в «стандартных» грамотах целыми фразами (эта традиция позже продолжится [25, р. 169]), то при Эдви подписи епископов становятся скромнее и короче подписей короля и его брата. Напротив, Эдви воскрешает использовавшиеся в «стандартной» практике грецизмы, вроде *basileos*, в собственных титулах. Одновременно с этим 956 г. отмечен беспрецедентной раздачей земель (и, следовательно, производством грамот) в пользу мирян, многие из которых ни прежде ни после не упоминаются в источниках. Снук видит здесь попытку Эдви найти новую социальную базу, едва ли не создать новую элиту из ничего.

За 16 лет правления брата Эдви, Эдгара, единолично занявшего трон в 959 г., документальная традиция достигает особенного разнообразия, разветвляясь на четыре серии. Особенно много копий было сломано по поводу личности, ответственной за серию «Edgar A» (возможно, это был абингдонский аббат Этельвольд). Данная в историографии интерпретация такого разнообразия и параллелизма серий говорит об упадке королевской канцелярии. Но Снук солидаризируется с Кейнзом: эта диверсификация говорит скорее об усложнении письменных практик и прекращении полагания только на одну фигуру, как это было в случае с «Æthelstan A». Вариации допускались в первую очередь в преамбулах и санкциях (каждое «ведомство» писало их литературно по-своему), но в диспозитивной и датирующей частях, а также королевской титулатуре грамоты Эдгара вполне единообразны. Кроме того, все грамоты Эдгара сравнительно несложны с языковой точки зрения, при том что «герменевтическая» латынь была по-прежнему в ходу в церковных памятниках. Тогда же становится заметной практика повторного использования уже имевшихся формул и оборотов. По

мнению автора, внешняя вариативность при сохранении эффективной юридической функциональности жалованных грамот Эдгара свидетельствует о наличии в распоряжении английского короля штата(ов) компетентных писцов, чьи навыки активно использовались для оформления воли государя.

Снук завершает свою книгу, как уже было сказано, словами о невозможности более отрицать существование королевской канцелярии в X в. Его исследование должно подтверждать тезис о её наличии не с точки зрения сугубой дипломатики, как это было прежде, а скорее с филологической. В предложенной автором реконструкции в конце IX в. уэссекские короли объединили традицию «технической» (уэссекской) грамоты с традицией «литературной» (мерсийской) грамоты, и далее английский монарх всегда мог оформить пожалование любому индивиду или общине по собственному желанию. На это положение дел никоим образом не влияли церковное происхождение и культурная среда составителей королевских актов. Снук соглашается называть их «канцлерами» (*chancellor*): они не обязательно (и вряд ли) собственноручно писали все документы, но, видимо, «ведали» процессом. Поскольку в англосаксонской традиции в отличие от континентальных исторически не сложились жесткие правила, каждый писец и составитель мог легко изменять формат документов в соответствии со своими представлениями и целями, что и породило столь большое стилистическое разнообразие. Одновременно с этим сохранялась общая дипломатическая структура: грамоты оставались юридическими актами, фиксацией вполне конкретных королевских земельных пожалований.

Аргументация Снука в целом вполне убедительна, но, пожалуй, одно из ее слабых мест – обход стороной проблемы лакуны в нашем корпусе за 910–924 гг. Хотя не подлежит сомнению, что составители грамот порой имели перед глазами более ранние образцы [30, р. 41, 45–46, 175–187], «прыжок» от 901 г. и 924 г. (в тексте просто не цитируются документы этого времени), на наш взгляд, сделан автором излишне поспешно. Да, традицию от писцов Этельстана и далее действительно сложно отрицать (в том числе и с точки зрения чистой дипломатики), но прямая канцелярская (а не литературная) преемственность между ранними грамотами Эдуарда и ранними же грамотам Этельстана всё же менее

очевидна. Если упомянутая лакуна, никак не прокомментированная автором, не случайна и отражает действительное прекращение королевских пожалований, уместно задаться вопросом о физическом сохранении канцелярского штата. Однако если логика Снука (литературная традиция и есть канцелярская, т.е. это одно и то же) выдерживает данную критику, то легко сделать шаг в пользу допущения существования не только самой канцелярии, но и отдельных формулярников (т. е. сборников образцов документов). Такой же вывод напрашивается из повторения в позднейших грамотах некоторых характерных черт грамот серии «Edgar A» после отхода от дел (или «перевода по службе») её основоположника в 963 г. [24, р. 60] – именно его и делает Снук [30, р. 174]. То же самое он допускает и для автора «Dunstan B» [30, р. 162]. Предположение о существовании формулярников заметно меняет наше представление об англосаксонской документальной практике, однако оно неизбежно упирается в проблему отсутствия реально дошедших физических образцов таких англосаксонских текстов. С другой стороны, сам по себе этот факт еще не является доказательством того, что такие сборники не могли существовать. Как недавно показала О. Тимофеева [32], некоторые формулы (даже если речь идет о достаточно коротких, по сравнению с изящной латынью жалованных грамот, наборах древнеанглийских фраз в указных грамотах, англ. writs) вполне могли передаваться и воспроизводиться поколениями, даже при том что никакие формулярники нам неизвестны. В любом случае, мы имеем дело с живой традицией.

Другое небесспорное положение Снука – цели, с которыми авторы решали имитировать, например, стиль Альдхельма, как по собственному почину, так и по указанию «заказчика». Более чем вероятно, что сами авторы прекрасно осознавали перекличку с мальмсберийским аббатом и его текстами. Совсем другое дело, насколько была способна уловить эти переклички их целевая аудитория, тем более со слуха, коль скоро Снук аргументированно настаивает на устном зачитывании грамот на уитенагемотах. Это вопрос открытый. Далее, предложенное Снуком объяснение функционирования грамот Этельстана представляется примером не самой удачной аргументации по кругу. С одной стороны, пишет Снук, при Этельстане именно двор, а не церковные центры, стал точкой притяжения для интеллектуалов, именно они и осуществ-

ляли «заказ» Этельстана на выдающиеся образцы литературы. С другой стороны, королю было принципиально важно создать именно такой образ своего двора, потому он и обращался к культурной элите своей эпохи [30, р. 83]. Это взаимовыгодное сотрудничество выглядит вполне правдоподобным, но автор не раскрывает хронологию событий и, следовательно, их причинно-следственную связь. Кроме того, Снуком совершенно обойдена проблема репрезентативности выборки имеющегося корпуса жалованных грамот, как качественной, так и количественной [3]. Не комментирует автор и причины упомянутого отсутствия жёстких стандартов при составлении англосаксонских королевских актов, как и выбор верхней хронологической границы исследования¹.

И тем не менее даже при указанных оговорках монография Снука отвечает на важные, прежде редко затрагиваемые вопросы: почему возникла англосаксонская королевская канцелярия и какие факторы влияли на её развитие? Предшествующие изыскания заложили прочную источниковедческую базу, которую, подобно тому, как Этельстан воспользовался «наработками» своего отца и деда, успешно использовал Снук. Кейнз, при всех его огромных достижениях в дипломатике, отдаёт много сил на доказательство «с доводами в руках» самого факта существования английской канцелярии в X в., но, кажется, оставляет вопрос о причинах и обстоятельствах ее существования следующему поколению. На этот вопрос и отвечает Снук: канцелярия лишь на первый взгляд занималась исключительно документальными формальностями королевских земельных пожалований, но при Эдуарде она, развивая заложенную Альфредом практику письменного общения короля со

¹ Последняя, по-видимому, определяется формальной нижней хронологической границей аналогичного исследования Кейнза [19]. Из других мелких досадных упущений можно назвать неточности с указанием на годы выхода «*De re diplomatice*» (1709, хотя первое издание вышло в 1681 г.) и так называемой Лестерской серии, семитомника с текстами англосаксонских грамот (Снук помещает начало серии в 1961 г., но на деле первый том вышел в 1953 г., позже переизданный в 1963 г., а в 1961 г. вышел второй) [30, р. 16, 25]. Также некоторое удивление вызывает довольно близкий пересказ Снуком без соответствующих ссылок схожего пассажа Кейнза об особенностях сохранности и методах работы с картуляриями [19, р. 4–6, 8–13; 30, р. 11–16]. Конечно, речь ни в коем случае не идёт о плагиате или некорректном заимствовании, но даже с учётом новейшей литературы в сносках первенство в подобном описании всё же остаётся за Кейнзом.

своими (избранными) подданными, стала способом распространения определенной идеологии (в тот момент – идеологии «англо-саксонского единства»). Именно этот аспект королевской мысли нашёл своё выражение в литературной составляющей грамоты, при этом почти никак не затронув диспозитивную часть. Эффективность этого приема повлекла за собой на протяжении 924–975 гг. периодическую борьбу разных акторов за контроль над этим «министерством по делам связи с общественностью». Канцелярия выступала также и важным инструментом государственного управления, который является предметом пристального изучения историками англо-саксонского политогенеза [например: 21] и смежных тем. Даже если программное заявление Снука об исчерпанности споров о существовании англо-саксонской королевской канцелярии звучит несколько претенциозно, несомненно, его труд демонстрирует, что сегодня стало «возможным решительно перейти от вопросов подлинности и критики текста к вопросам культурной и интеллектуальной истории» [30, р. 26], и какие более широкие выводы – для исследований в области документальных практик [14; 11; 13], отношений между монархом и его магнатами [18, р. 7–15], политической культуры [28] и проч. – из неё могут следовать¹.

Список литературы

1. Англосаксонская хроника / Пер. с др.-англ. З.Ю. Метлицкой. – С.-Петербург : Евразия, 2010. – 288 с.
2. Гимон Т.В., Сухино-Хоменко Д.В. Государи и грамоты : Введение в дипломатику королевского акта в раннесредневековой Англии // Graphosphaera. – 2021. – Вып. 1. (в печати) (URL: <http://writing.igh.ru/index.php?id=gosudari-i-gramoty>)
3. Сухино-Хоменко Д.В. Королевские жалованные грамоты в поздней донормандской Англии (871–1066 гг.) : репрезентативность корпуса (постановка вопроса) // Graphosphaera. – 2021. – Вып. 1. (в печати)
4. Метлицкая З.Ю. Англосаксонская Англия и нормандское завоевание : аналитический обзор. – Москва : ИНИОН РАН, 2003. – 82 с.

¹ Автор выражает признательность Т.В. Гимону и И.В. Свердлову за их замечания к предварительной рукописи данного обзора.

5. Сухино-Хоменко Д.В. Рец. на кн. : Molyneux G. The Formation of the English Kingdom in the Tenth Century. New York : Oxford University Press, 2015. – XV, 302 p. // Vox Medii Aevi. – 2020. – Vol. 1–2 (6–7). – P. 289–295.
6. Barrow J. The Ideology of the Tenth-Century English Benedictine ‘Reform’ // Challenging the Boundaries of Medieval History : The Legacy of Timothy Reuter / Ed. P. Skinner. – Turnhout, 2009. – P. 141–154.
7. Chaplais P. Essays in Medieval Diplomacy and Administration. – London : The Hambledon Press, 1981. – 500 p.
8. Chaplais P. The Royal Anglo-Saxon ‘Chancery’ of the Tenth Century Revisited // Studies in Medieval History Presented to R.H.C. Davis / Ed. H. Mayr-Harting, R.I. Moore. – London, 1985. – P. 41–51.
9. Charters of Abingdon Abbey : Part 1 / Ed. S.E. Kelly. – Oxford: Oxford university press, 2000. – P. 1–205.
10. Charters of Glastonbury Abbey / Ed. S.E. Kelly. – Oxford: Oxford university press, 2012. – 624 p.
11. Doane A. N. Documenting the Demise of Old English : The Legacy of a Royal Writ from Cnut to Henry II // The Journal of English and Germanic Philology. – 2019. – Vol. 118. – N 4. – P. 439–467.
12. Dumville D. N. English Caroline script and monastic history: Studies in Benedictinism, A.D. 950–1030. – Woodbridge: Boydell & Brewer, 1993. – 222 p.
13. Fenton A.G.P. Writs in England before the Norman Conquest. Unpublished PhD thesis defended at the Faculty of English / Department of Anglo-Saxon, Norse and Celtic. – University of Cambridge, 2020. URL: www.repository.cam.ac.uk/handle/1810/313389; дата обращения: 2021.12.07.
14. Gallagher R., Wiles K. The Endorsement Practices of Early Medieval England // The Languages of Early Medieval Charters: Latin, Germanic Vernaculars, and the Written World / Ed. R. Gallagher, E. Roberts, F. Tinti. Leiden; Boston, 2021. P. 230–295.
15. Gretsch M. The Intellectual Foundations of the English Benedictine Reform. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 471 p.
16. Guimon T.V. Why Did Anglo-Saxon Ecclesiastics Use Runes? // Dísablót: Articles presented to Elena Melnikova by colleagues on the occasion of her birthday. – Moscow, 2021. – P. 21–28.
17. Insley Ch. Charters and Episcopal Scriptoria in the Anglo-Saxon South-West // Early Medieval Europe. – 1998. – Vol. 7. – N 2. – P. 173–198.
18. Insley Ch. Why 1016 Matters; or, The Politics of Memory and Identity in Cnut’s Kingdom // Conquests in Eleventh-Century England: 1016, 1066 / Ed. L. Ashe, E.J. Ward. – Woodbridge, 2020. – P. 3–22.
19. Keynes S. The Diplomas of King Æthelred «the Unready» 978–1016 : A Study in Their Use as Historical Evidence. – Cambridge: Cambridge University Press, 1980 [2005]. – 295 p.
20. Keynes S. Regenbald the Chancellor (*sic*) // Anglo-Norman Studies. – 1988. – Vol. 10. – P. 185–222.

21. Keynes S. Royal Government and the Written Word // *The Uses of Literacy in Mediaeval Europe* / Ed. R. McKitterick. – Cambridge, 1990. – P. 227–256.
22. Keynes S. The «Dunstan B» Charters // *Anglo-Saxon England*. – 1994. – Vol. 23. – P. 165–193.
23. Keynes S. The West Saxon Charters of King Æthelwulf and his Sons // *The English Historical Review*. – 1994. – Vol. 109. – N 434. – P. 1109–1149.
24. Keynes S. Church Councils, Royal Assemblies, and Anglo-Saxon Royal Diplomas // *Kingship, Legislation and Power in Anglo-Saxon England* / Ed. G.R. Owen-Crocker, B.W. Schneider. – Woodbridge, 2013. – P. 17–182.
25. Lupoi M. The Origins of the European Legal Order. – New York : Cambridge University Press, 2000. – 641 p.
26. *Prisca Munimenta : Studies in Archival and Administrative History presented to Dr A.E.J. Hollaender* / Ed. F. Ranger. – London : University of London Press, 1973. – 307 p.
27. Roach L. Kingship and Consent in Anglo-Saxon England, 871–978: Assemblies and the State in the Early Middle Ages. – New York : Cambridge University Press, 2013. – 301 p.
28. Roach L. A Tale of Two Charters : Diploma Production and Political Performance in Æthelredian England // *Writing, Kingship and Power in Anglo-Saxon England* / Ed. R. Naismith, D.A. Woodman. – New York, 2018. – P. 234–256.
29. Smith S.T. Land and Book : Literature and Land Tenure in Anglo-Saxon England. – Toronto; Buffalo; London : University of Toronto Press, 2012. – 288 p.
30. Snook B. The Anglo-Saxon Chancery : The History, Language and Production of Anglo-Saxon Charters from Alfred to Edgar. – Woodbridge: Boydell Press, 2015. – 234 p.
31. Thompson S.D. Anglo-Saxon Royal Diplomas : A Palaeography. – Woodbridge : Boydell and Brewer, 2006. – 198 p.
32. Timofeeva O. Chancery Norms Before Chancery English? Templates in Royal Writs from Alfred the Great to William the Conqueror // *Journal of Historical Pragmatics*. – 2019. – Vol. 20. – N 1. – P. 51–77.

УДК 303.446.4; 94(47).05; 94(497.1)

БАБЕНКО О.В.* ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ БАЛКАНСКОЙ
ПОЛИТИКИ РОССИИ XVIII в. DOI: 10.31249/rhist/2022.02.05

Аннотация. В статье представлена отечественная историография 2000-х годов, прямо или косвенно связанная с проблемами балканской политики России XVIII в. На ее основе выделяется ряд дискуссионных вопросов, суть которых раскрывается в данном исследовании. Делается вывод о значении балканской политики России и спорных проблемах историографии.

Ключевые слова: балканская политика России, XVIII в.; балканские христиане; южные славяне.

BABENKO O.V. Controversial issues of the Balkan policy of Russia of the XVIII century.

Abstract. The article presents the Russian historiography of the 2000s, directly or indirectly related to the problems of the Balkan policy of Russia in the XVIII century. On its basis, a number of controversial issues are highlighted, the essence of which is revealed in this study. A conclusion is drawn about the importance of the Balkan policy of Russia and the controversial issues of historiography.

Keywords: Balkan policy of Russia, XVIII century; Balkan Christians; Southern Slavs.

Для цитирования: Бабенко О.В. Дискуссионные вопросы балканской политики России XVIII в. (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2022. – № 2. – С. 87–108. DOI: 10.31249/rhist/2022.02.05

* Бабенко Оксана Васильевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: o.v.babenko@mail.ru

Введение

Балканская политика России – имеются в виду, прежде всего, российско-южнославянские отношения – всегда привлекала внимание историков. В поле зрения исследователей попадают также Молдавия и Валахия – частично относящиеся к Балканскому полуострову, через которые русские войска в случае необходимости могли бы продвигаться вглубь Балкан. Политика России в отношении Греции часто рассматривается отдельно, например, в связи с «Греческим проектом» Екатерины II. Упоминания об Албании в трудах о взаимоотношениях Петербурга с балканскими странами встречаются редко, поскольку албанцы не оказывали серьезного сопротивления османам и не были опорой России на Балканах.

Связи России с южным славянством имеют многовековую историю. Южнославянское (прежде всего болгарское) влияние ощущалось главным образом в русской культуре, особенно в письменности. Так, пришедшие на Русь после крещения Библия и богослужебные книги были написаны на церковнославянском языке, схожесть которого с разговорным языком населения Руси способствовала осознанию этнической близости восточных славян с южными. В XIV–XVI вв. письменные нормы русского литературного и церковно-славянского языков были приближены к балканским (болгарским, отчасти сербским и румынским) нормам. В то же время с XVI в. шло активное проникновение русской печатной книги в болгарские земли.

Появившаяся в России XVI в. концепция «Москва – третий Рим» требовала решения проблемы нахождения миллионов христиан под мусульманским игом. Это была одна из серьезных причин, по которой Россия вела напряженную борьбу с Османской империей. В 1676 г. началась победоносная для Москвы русско-турецкая война, длившаяся пять лет. Итогом войны стало установление границы с Османской империей по Днепру и признание турками воссоединения Левобережной Украины с Россией. Однако Крымские походы времен царевны Софьи были безуспешными, и только в 1695–1696 гг. Россия упрочила свои позиции в противостоянии с Османской империей – Азовские походы Петра I закончились взятием Азова и сооружением крепости Таганрог.

В XVIII в. формируется балканское направление во внешней политике России, главной составляющей которого оставались победоносные для Петербурга русско-турецкие войны. В книге «История Балкан: век восемнадцатый» XVIII столетие именуется судьбоносным периодом, когда «Балканы вернулись в лоно Европы» [12, с. 3]. Это время характеризуется оживлением, обогащением и упрочением русско-южнославянских связей. К началу XVIII в. многие балканские славяне оказались под властью Османской империи (болгары, сербы, немалая часть населения Боснии и Герцеговины, Черногории). В то же время жители Далмации, Хорватии, Словении и части Боснии находились в составе монархии Габсбургов, часть населения Черногории – Венецианской республики. Славяне Османской империи, «неверные» и бесправные, оказались в гораздо более тяжелом положении, чем славянское население Габсбургской монархии. Албанцы и греки были подчинены туркам-османам, но грекам удалось сохранить свою культурную обособленность.

Россия искала опору на Балканах в лице своих единоверцев, которым удалось в период иноземного гнета сохранить православную культуру. Такой опорой стали прежде всего черногорцы, которые наиболее активно сопротивлялись османам, и сербы, дававшие серьезный отпор завоевателям и служившие в российской армии. В перспективе большие надежды связывались с греками.

Историография балканской политики России включает сотни научных трудов. Особый вклад в ее изучение в России внесли исследователи из Института славяноведения РАН. В настоящее время продолжают выходить публикации, посвященные различным аспектам балканской политики России XVIII в. Среди наиболее фундаментальных научных трудов 2000-х годов следует выделить коллективные монографии «Век Екатерины II : дела балканские», «Славянские народы Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII в.» и «Черногорцы в России», книги В.Н. Виноградова «Двуглавый российский орел на Балканах. 1683–1914» и И.И. Лещиловской «Сербский народ и Россия в XVIII в.». Главное отличие современной историографии от научной литературы советского времени заключается в том, что в 2000-е годы наметился отход от положения о материальных интересах и экспансии российского царизма на Балканах. Исследователи доказывают, что планы решения бал-

канских проблем, составленные русскими царями в XVIII столетии, определили политические и религиозные особенности перекройки карты Балкан в XIX в. Кроме того, отечественные историки опровергают распространенное в зарубежной литературе утверждение о прозападной внешнеполитической ориентации южных славян.

В рассматриваемой проблематике можно выделить спорные вопросы, связанные с тремя этапами балканской политики России: эпохой Петра I, правлением его преемников и царствованием Екатерины II. Они и будут рассмотрены в нашей статье в соответствии с общей канвой событий.

Прутский поход и договоры Петра Великого с Турцией

2(13) июля 1700 г. Россия заключила перемирие с Турцией сроком на 30 лет, но уже в 1710 г. Стамбул при подстрекательстве Франции, Швеции и других европейских держав объявил войну России. В числе событий очередной русско-турецкой войны был печально известный Прутский поход Петра I. Об этом походе написано гораздо меньше научных трудов, чем о победоносных сражениях русской армии, например о Полтавской битве. Более того, специальных монографических исследований о нем в российской историографии практически нет. Единственная книга на эту тему принадлежит перу Я.Е. Водарского (ИРИ РАН) «Загадки Прутского похода Петра I» [5]. Прутский поход, как правило, рассматривается в трудах о русско-турецких отношениях, русско-турецких войнах. Из последних крупных исследований следует выделить монографию В.А. Артамонова (ИРИ РАН) «Турецко-русская война 1710–1713 гг.» [1]. Как справедливо отмечает автор, «в нашей стране победы русского оружия, естественно, привлекали большее внимание, чем поражения» [1, с. 13].

События Прутского похода нашли также свое отражение в монографии В.Н. Виноградова [4], его же главе в книге «История Балкан: век восемнадцатый» [12] и в монографическом исследовании И.И. Лещиловской [15], а также в ряде научных статей. В связи с этим встает вопрос о том, как историки определяют цели Петра I в Прутском походе. Стремилась ли петровская Россия к территориальной экспансии? Какие цели она преследовала в от-

ношении балканских христиан? И.И. Лещиловская (Институт славяноведения РАН) характеризует программу действий Петра Великого следующим образом: «выступление русской армии против неприятеля, движение в глубь турецких владений, освобождение объединенными усилиями России и подвластных Турции народов от власти султана христиан и восстановление их государственности» [15, с. 43]. А.А. Кулинич (Брянский государственный университет им. И.Г. Петровского) дает такое определение планам Петра: «был выбран наступательный план в балканском направлении: стремительный переход через русские, польские, украинские земли, пересечение территории Молдавского княжества и выход к переправам на Дунае – стратегическом рубеже на Балканах» [13, с. 110].

В.Н. Виноградов (Институт славяноведения РАН) считает, что в начале Прутского похода наметилась стратегическая линия России в балканском регионе на долгие годы. Она состояла в отказе от территориальных приобретений во владениях Османской империи и создании независимых государств на Балканах под эгидой России [12, с. 57]. А И.С. Достян (Институт славяноведения РАН) не соглашается с ним, полагая, что задача расширения границ на юге была лишь временно отложена из-за поражения Прутского похода [8, с. 34].

В 1710 г. турецкой дипломатии удалось не допустить складывания антиосманского фронта, хотя султан Ахмед III изначально не ставил перед собой больших и далеко идущих целей. В качестве великого везира он избрал Мехмед-пашу Балтаджи, который, как подчеркивает В.А. Артамонов, отличался снисходительностью, пугливостью и не хотел разрыва отношений с Россией [1, с. 35]. А российская сторона, наоборот, переоценила свои возможности, вдохновленная недавними победами. Кроме того, как верно замечает А.В. Дмитриев (Новосибирский государственный университет), «ошибочной оказалась сделанная Петром ставка на всеобщее восстание христианских народов на Балканах при первом же появлении русской армии на османских территориях» [7, с. 154].

Накануне Прутского похода Петр I направил балканским христианам три воззвания – «Грамоту черногорскому народу», «Грамоту христианским народам, подвластным Турции» и «Ма-

нифест Молдавии и Валахии и всем христианским народам». Затем Петр лично обратился к некоторым церковным иерархам Греции. В этот период в Санкт-Петербург с ходатайством по делам южных славян приехал купец из Дубровника Савва Владиславич-Рагузинский, ставший впоследствии советником царя по балканским делам. Он призывал к освобождению южного славянства из-под исламского гнета под эгидой России.

Дискуссионным является вопрос о степени участия С. Владиславича-Рагузинского в составлении царских воззваний. Так, В.Н. Виноградов пишет, что тот «участвовал в составлении грамоты к черногорцам и всем христианам Балкан, с которой Петр обратился к ним 3(14) марта 1711 г.» [16, с. 72]. Е.И. Чепильченко (МГУ им. М.В. Ломоносова) утверждает, что Владиславич-Рагузинский «считается автором проекта, представленного Петру в конце 1710 или начале 1711 г., в котором большое место было уделено взаимоотношениям с балканскими народами» [17, с. 80]. Г.Л. Арш (Институт славяноведения РАН) пишет, что Владиславич-Рагузинский был «автором проекта и инициатором обращений к балканским христианам» [2, с. 78]. А И.И. Лециловская делает заключение общего характера: «ему принадлежала идея царского обращения к христианским народам Балкан с призывом поддержать Россию в войне с Турцией» [16, с. 280]. Исследования вышеуказанных авторов не позволяют прийти к однозначному выводу о том, к каким именно грамотам русского царя имел отношение уроженец Герцеговины и в какой степени он участвовал в их составлении – предложил ли царю свой проект или проекты, которые корректировались Петром, или был автором всех документов? Из воззваний следует, что царь хотел избавить христиан от иноверческой тирании. Как пишет И.С. Достян, он обещал балканским христианам «не только освобождение от турецкой власти, но и создание самостоятельных государств под покровительством России» [8, с. 33]. Совершенно очевидно, что и Владиславич-Рагузинский стремился к этому.

Но Прутский поход пошел не так, как это ожидалось. Господарь Валахии К. Брынковяну, заподозренный турками в измене, не решился выступить навстречу русским. Более того, он не дал сербам из Баната переправиться через Дунай и соединиться с войсками Петра I. Учитывая эти обстоятельства, российский военный

совет поднял вопрос о необходимости повернуть назад. Однако царь принял не подлежавшее обсуждению решение продвинуться вниз по течению реки Прут, которое повлияло на исход похода и на отношения России с балканскими христианами.

Остается вопрос о том, почему Петр I вместо обороны выбрал поход на далекий Прут. В его окружении мнения о стратегии борьбы с османами разделились. В.А. Артамонов делает упор на то, что Петра I вдохновил господарь Молдавии Д. Кантемир, который накануне провозгласил свое княжество русским протекторатом. Как сказано в книге Артамонова, «в палатке генерала Я.В. Брюса зачитали обращение Кантемира, просившего всю русскую армию спешить к его столице» [1, с. 118]. Некоторые российские дипломаты и генералы (Г.И. Головин, П.П. Шафиров, А.И. Репнин и др.) поддержали Петра. За оборонительную тактику выступали генералы-иностранцы Л.Н. Алларт, В. Беркгольц, д'Энсберг, фон дер Остен, по словам А.А. Кулинича, «в русской армии иностранцы в начале XVIII в. преобладали среди высшего командования» [14, с. 84]. Однако иностранным генералам пришлось прекратить настаивать на своем в связи с расколом в среде высшего командования. В.А. Артамонов считает, что дело решила яркая речь курляндца Рёнке, сделавшего акцент на силу русских войск и ожидавшееся восстание всего православного люда в связи с наступлением армии Петра [1, с. 120]. В.Н. Виноградов полагает, что «царя увлек поток просьб о помощи, доносившихся с Балкан и сопровождавшихся заверениями, что едва российское воинство вступит на погранные османами земли, как последует общий взрыв недовольства» [12, с. 55].

9 июля в сильную жару у местечка Станилешти русская армия была окружена превосходящими силами турок и крымско-татарской конницы. В осажденной армии не было ни хлеба, ни воды. Вследствие атаки янычар русские понесли большие потери. Русская армия уже через два дня оказалась блокирована противником. В историографии нередко поднимается вопрос о том, кто был в этом виноват, но однозначного ответа на этот вопрос нет. Если В.А. Артамонов возлагает ответственность на нескольких генералов-европейцев [1, с. 142–144], то другой известный исследователь, Я.Е. Водарский, останавливается на одном имени из этого

списка – немце Янусе фон Эберштедте, командовавшем русской кавалерией [6, с. 5].

В результате неудачного похода Петр I вынужден был пойти на серьезные уступки туркам. Россия добилась перемирия, вернув Стамбулу Азов, разрушив Таганрог и отказавшись от вмешательства в польские дела. Итоги Прутского похода можно однозначно назвать дискуссионным вопросом историографии: исследователи представляют их по-разному, и каждый ученый делает акцент на наиболее важном последствии поражения. Так, Я.Е. Водарский не считает Прутский поход поражением Санкт-Петербурга: «Мужество и дисциплинированность русских регулярных войск и незаинтересованность (скажем так) в войне рядовых турок делали исход генерального сражения сомнительным для турок даже при их неоспоримой храбрости. Сражение было прерванным. Назвать его *военным поражением* (курсив автора. – О. Б.) русской армии было бы неправильно» [6, с. 23]. Он же пишет в своей монографии о подписании Прутского договора следующее: «Заключение мира позволило избежать затяжной войны на два фронта и сосредоточить усилия на завершении Северной войны, т.е. на получении выхода в Балтийское море» [5, с. 183]. В.Н. Виноградов утверждает, что роковое развитие событий Прутского похода «перечеркнуло планы широкого сотрудничества с южнославянскими народами, молдаванами и валахами» [16, с. 76]. Он же в книге «История Балкан: век восемнадцатый» назвал одну из глав так: «Трагедия на реке Прут» [12, с. 55]. Нельзя не согласиться с В.А. Артамоновым в том, что «из-за масштабных потерь на юге Петр I лишился значительной части влияния в Молдавии, Валахии, Черногории, Герцеговине, Сербии, Западной Черкесии и Кабарде» [1, с. 401]. А Г.Л. Арш отмечает, что балканские христиане были очень разочарованы в связи с поражением Петра Великого на Пруте [2, с. 77]. Впоследствии Адрианопольский договор 1713 г. подтвердил основные статьи Прутского договора.

Во время отступления остатков русской армии после поражения в Прутском походе начали поступать известия о восстании южных славян, охватившем Старую Сербию, Герцеговину и Северную Албанию. Повстанцами руководил полковник российской армии М. Милорадович, серб по национальности. Они разоряли мечети, жгли деревни, опустошали целые округа, уничтожали ту-

рок физически. По свидетельству Милорадовича, в антитурецком движении участвовали 29 800 человек [16, с. 77]. Но восстание разгорелось слишком поздно, когда остатки армии Б.П. Шереметева уже отступили за Днестр. Черногорцам пришлось самостоятельно отбивать наступление турецких карателей. О трагедии на реке Прут они не знали по причине того, что любая информация в начале XVIII в. распространялась медленно. В 1714 г. Черногорию опустошил Нуман-паша. А в 1715 г. в Санкт-Петербург приехал митрополит Данило Негош с просьбой об установлении российского протектората над Черногорией и о денежной помощи. Петр I дал своё согласие на это и «советовал сохранять мир» [16, с. 77]. Между тем связи России с южнославянским миром продолжали развиваться. В Россию переселялись южные славяне, спасавшиеся от расправ османских властей, а также те, кто желал навсегда уехать из габсбургских владений.

В 1720 г. в Константинополе был подписан «вечный мир» между Россией и Турцией. Современные исследователи не пишут об этом договоре, исключением является лишь работа А.М. Дубровского (Брянский государственный университет им. И.Г. Петровского) [10]. Между тем он имел важное значение для взаимоотношений России и Турции, что в свою очередь отражалось на положении южных славян и российско-южнославянских отношениях. В этом договоре Петр I соглашался на восстановление Турцией фортификационных укреплений Азова, разрушенных русскими по условиям Прутского мира. Принципиально новая статья (по сравнению с договором 1713 г.) посвящалась условиям передвижения православных купцов и следующих в Иерусалим паломников по территории Турции. Еще одна статья закрепила присутствие в Стамбуле русского министра-резидента, что указывало на укрепление русско-турецких отношений [10, с. 70]. Такое благоприятное соглашение давало надежду на не менее благоприятные изменения в положении южных славян и всех балканских христиан.

Отношение России к балканским христианам при преемниках Петра I

Проблема взаимоотношений России с христианским населением Балкан при политических наследниках Петра освещается в

историографии гораздо слабее, чем та же проблема в петровскую эпоху или блестящее царствование Екатерины II. Внимание историков этого времени сосредоточено прежде всего на европейских делах – более важных в тот период, чем отношения России с Турцией. Кроме того, после смерти Петра I среди правителей не было сильных личностей, способных предпринять масштабные акции на балканском фронте. Как справедливо отмечается в книге «Славянские народы Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII в.», «может быть, оно и к лучшему, что ничтожества, занимавшие престол, в сферу внешних дел вмешивались редко, да и то для того, чтобы поставить подпись под соответствующим указом» [16, с. 80].

Тем не менее в отдельных трудах общего характера вышеуказанная проблема затрагивается. Можно назвать статью Т.В. Ершовой и А.А. Афанасьевой (Московский городской педагогический университет) «Отношения России с Черногорией в годы правления Елизаветы Петровны» [11]. Дискуссионные вопросы историографии балканской политики России этого периода связаны именно с царствованием Елизаветы Петровны, но для полноты картины необходимо сделать краткий очерк предшествующих событий.

28 января (8 февраля) 1725 г. после продолжительной болезни скончался российский император Петр I. Правившие после него Екатерина I, Петр II, Анна Иоанновна и другие правители были равнодушны к государственным делам. Тем не менее при дворе всегда находились сведущие люди, способные решать важные внутренние и внешнеполитические проблемы. Поэтому нельзя утверждать, что балканское направление внешней политики в правление не обладающих государственной смекалкой властителей было забыто. Не были прерваны и связи с балканскими христианами: так, сербы служили, в частности, в русском экспедиционном корпусе, состоявшем из 10 пехотных и 7 кавалерийских полков [16, с. 80].

В связи со «случайностями» на престоле (по выражению В.О. Ключевского) после смерти Петра I Россия фактически оказалась в международной изоляции. Выходом из нее мог стать союз с одной из ведущих европейских держав. Выбор пал на Австрию, которая успела отвоевать у Османской империи Северную Сербию с Белградом, часть Боснии и Валахии. Более того, Россия могла

сохранить завоеванные при Петре I позиции на Балтике и в Центральной Европе и возобновить продвижение на юг только в сотрудничестве с Австрией. В 1726 г. был заключен военно-политический союз с Веной. Как отмечает В.Н. Виноградов, «его “секретнейший артикул” предусматривал взаимопомощь в случае турецкого нападения на одну из держав» [4, с. 28].

На Балканах сохранялись антитурецкие и пророссийские настроения. В 1737 г. представители боярства и высшего духовенства Дунайских княжеств обратились к Анне Иоанновне с просьбой избавить их от «ига турецкого» и сделать российскими подданными. Однако, как сказано в книге «Славянские народы Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII в.», осуществление этих пожеланий «оказалось за пределами возможностей царской власти» [16, с. 85]. Еще одно справедливое утверждение звучит следующим образом: «сконцентрировать все внимание на... южном направлении не удавалось, сумятица европейской политической жизни отвлекала внимание в разные стороны» [4, с. 28].

В 1735–1739 гг. Россия в очередной раз воевала с Турцией, но лишь в последний год войны «было решено перенести центр операций на балканское направление, войска переправились через Днестр» [16, с. 85]. 17(28) августа 1739 г. уже в сражении под Ставучанами на р. Прут российскими войсками была разгромлена 90-тысячная армия Вели-паши. Однако переговоры с Османской империей зашли в тупик, а вмешательство Австрии в конфликт желаемого результата не принесло.

Тем не менее в конце войны Карл VI Габсбург призвал «турецких христиан» начать восстание, обещая им привилегии на габсбургских землях. Австрийские военные операции развернулись на сербских территориях. Как пишет О.В. Медведева (Институт славяноведения РАН), «в эти годы по Балканскому полуострову прокатилась волна антитурецких выступлений» [16, с. 299]. В частности, южные славяне начали восстание, которое охватило Старую Сербию (Косово), Северную Албанию и частично Герцеговину. Повстанцы захватили город Нови-Пазар, но за успехами последовали провалы: «турки зашли в тыл цесарской армии, та отступила и из Косова, и из Боснии, и начались расправы над сербами» [4, с. 31]. Кроме того, Вена пошла на отдельные переговоры с Турцией, что стало неприятной неожиданностью для России.

В результате Стамбул получил сербские и валашские земли. Санкт-Петербург же по итогам мирных переговоров с Портой вернул себе Азов, но без права его укреплять. Россия не могла иметь флот на Азовском и Черном морях и даже не имела права строить корабли. По окончании войны сотни болгар, сербов и греков ушли вместе с русской армией в Россию.

В 1746 г. был подтвержден русско-австрийский союз, но продвижение в балканских делах пришлось отложить. Для России первостепенным было западное направление во внешней политике. В отношениях с Османской империей господствовала осторожность. Тем не менее связи русских с южными славянами не прекращались. Правда, инициативы теперь всегда исходили от последних. В Россию постоянно поступали жалобы о притеснениях со стороны как турок, так и габсбургских властей. Особо отмечались гонения на православную веру, которые воспринимались славянами как посягательство на их национальную самобытность.

Сербы из габсбургских земель рассматривались Санкт-Петербургом как желанные подданные. Они уже фактически превратились в военное сословие и могли помочь России оберегать ее южные рубежи. 18(29) мая 1727 г. был образован Сербский гусарский полк. Изначально в нем было 340 человек, он нес службу на Украине. В 1730 г. полк был переброшен в Персию, затем он переместился в Ригу, а в 1733–1735 гг. участвовал в войне за польское наследство. В 1738 г. в нем насчитывалось 796 солдат и офицеров [16, с. 88]. Немало сербов служили и в других российских частях, сформированных из уроженцев Балканского полуострова. Попавшие в Россию южнославянские полки сыграли существенную роль в обороне южных рубежей страны. В августе 1754 г. в Бахмутской провинции появился район размещения сербских поселенцев – Славяносербия с административным центром в г. Бахмут. Сербы прибыли в Россию под предводительством полковников Ивана Хорвата, Ивана Шевича и Райко де Прерадовича. Они получили земли по южному берегу Северского Донца между речками Бахмутом и Луганью. Славяносербия была поделена на три части: левую – земля поселений полка Р. де Прерадовича, правую – земля поселений гусар И. Шевича и третью, на которой находились редуты и планировалось строительство крепостей [9, с. 19].

Впоследствии этот район был заселен также другими южными славянами и молдаванами.

В османских землях главным центром интересов России была Черногория. Однако ее митрополит Василие (Василий) Петрович¹ поставил в затруднительное положение российскую Коллегию иностранных дел, направив им записку, в которой заявлялась необходимость объявить войну Порте [16, с. 91]. Ответ был очень осторожным: говорилось лишь о возможности оказать помощь Черногории в случае необходимости. Кроме того, по утверждению Н.И. Хитровой (Институт славяноведения РАН), Василие Петрович в середине 1750-х годов представил императрице Елизавете Петровне несколько проектов, в том числе об организации переселения в Россию черногорцев [18, с. 67]. Следует отметить, что В.Н. Виноградов упоминает лишь последний проект, а остальные обходит вниманием [16, с. 91–92].

В 1758 г. в Россию приехала черногорская депутация, состоявшая из митрополита Василие Петровича, гувернадур Станислава Радоница и черногорских старейшин. Они просили сделать черногорцев российскими подданными и добивались ряда преференций. Депутация содержалась за счет российской стороны, оплачивались все ее расходы. 18 мая 1758 г. Елизавета Петровна издала указ о пересылке черногорцам одной тыс. золотых монет с собственным изображением. Приехавшие в Петербург черногорцы были награждены золотыми медалями. 6 октября того же года вышел указ императрицы, удовлетворивший просьбу Василие Петровича о назначении ежегодной субсидии в 15 тыс. рублей для Черногории [18, с. 58]. Как справедливо отмечает В.Н. Виноградов, «указ имел долговременный стратегический характер, Черногория рассматривалась как зона российского влияния, как важный центр предстоящего процесса освобождения» [16, с. 92]. Интересно, что известный балканист выделяет только последний указ Елизаветы Петровны, а о первом ничего не пишет. Следовательно, он не придает ему значения либо не имеет точной информации о нем, что маловероятно. Указ от 18 мая 1758 г. анализируется в статье

¹ В современной российской историографии одни исследователи пишут имя митрополита как Василие Петрович, другие – как Василий Петрович. Мы придерживаемся первого варианта, поскольку он часто используется крупными историками-балканистами. – *Прим. авт.*

Т.В. Ершовой и А.А. Афанасьевой, которые демонстрируют его существенную значимость [11, с. 21].

Екатерина II и Балканы

Балканская политика Екатерины II основывалась на прежней системе связей с южными славянами. Этому посвящена коллективная монография «Век Екатерины II : дела балканские» [3], а также главы в нескольких трудах общего характера. На царствование Екатерины Великой пришлось русско-турецкие войны 1768–1774 гг. и 1787–1791 гг., провозглашение принципа покровительства России православным народам Османской империи и так называемый Греческий проект.

Екатерина II взошла на престол в результате дворцового переворота 28–29 июня (9–10 июля) 1762 г. Она нередко заявляла о том, что нет необходимости расширять территорию Российской империи. В отечественной историографии существует точка зрения, согласно которой эти заявления являлись основным «постулатом российской внешней политики» [12, с. 115]. Однако И.С. Достян не воспринимает их буквально и считает, что подобные утверждения, наоборот, служили «обоснованием территориальной экспансии не только России, но и других европейских правительств» [8, с. 35]. Поэтому она предполагает, что есть основания констатировать наличие у российского руководства задачи «территориальных приращений» за счет Балкан [8, с. 36].

Екатерина II продолжала выплачивать пособие Цетинскому монастырю, установленное еще Петром I. При ней в Россию переехал митрополит Василие Петрович, пожелавший умереть на русской земле. На имя императрицы поступали прошения от офицеров российской армии южнославянского происхождения о производстве их в следующий чин. Но в историографии отмечаются и негативные истории, связанные с представителями южного славянства. Так, например, генерал-поручик И. Хорват, серб по национальности, был обвинен в злоупотреблениях, и его дело обстоятельно расследовалось [16, с. 94].

В начале правления Екатерины II многие жители Далмации выразили желание переехать в Россию. Для выяснения этого вопроса в Далмацию должен был отправиться поручик И. Кончаре-

вич. Однако Россия в то время находилась в сложном международном положении и не могла открыто выразить согласие на переселение хорватов. Поэтому ответ Коллегии иностранных дел жителям Далмации был весьма сдержанным. Принимать их собирались тайно. Переселенцам было предложено прибывать «малыми партиями», а при переходе через габсбургские земли называться «вольными людьми» [16, с. 95].

В 1768 г. (война 1768–1774 гг., завершившаяся Кючук-Кайнарджийским миром) в связи с вмешательством России в польские дела Турция объявила ей войну. Порта располагала более многочисленным воинским контингентом, поэтому современники считали, что у нее больше шансов на победу. В 1769 г. Стамбул заключил союз с Барской конфедерацией, сражавшейся против России в Польше. Однако уже 26 июня (7 июля) 1770 г. в знаменитом Чесменском сражении, произошедшем в Эгейском море, русские корабли уничтожили турецкий флот. Русские моряки господствовали в Восточном Средиземноморье, на побережье которого жили греки, южные славяне и православные албанцы. Летом 1770 г. фельдмаршал П.А. Румянцев нанес турецкой армии поражения сразу в трех битвах (при Рябой Могиле, Ларге и Кагуле). Среди балканских христиан распространялась грамота Екатерины II от 29 января (9 февраля) 1769 г. к «христолубивым обществам единоверных нам благочестивых святых восточных церквей греческих и славянских народов». Императрица обещала им помощь, призвала бить врага и вернуть Константинополю православие. Все народы, которые будут делать общее дело с Российской империей, Екатерина назвала ее друзьями. Однако мысль о включении этих народов в состав России в документе отсутствовала. Это означало, что «предполагалось их самостоятельное существование в дальнейшем» [16, с. 98].

В мае 1770 г. фаворит Екатерины II Г.Г. Орлов предложил после взятия Бендер овладеть Варной, а затем отправиться в Константинополь с целью заключения выгодного для России мира. Война с Турцией развивалась в то время как победоносная, перспективы сотрудничества с южными славянами и греками казались великолепными. Однако Совет при высочайшем дворе решил, что легкой победы не будет, и отложил этот план на неопределенное время. Последующие события развивались для русской армии

безуспешно, а восстание балканских христиан было возможным только при опоре на армию Румянцева, которая находилась на Балканах далеко не всегда.

В то время на отношения России с южными славянами влияла опасная перспектива военного столкновения с Веной. Австрию раздражало принятие Россией на службу сербов, переселившихся в ее пределы из монархии Габсбургов, и поощрение повстанческого движения в соседних с габсбургскими землями, которые Вена считала сферой своего влияния. Более того, в конце 1771 г. Австрийская империя заключила с Портой субсидную конвенцию, по которой обязалась добиться от России заключения мира с Турцией с возвращением последней занятых русскими «крепостей, провинций и территорий». Другими словами, назревала перспектива военных действий на двух фронтах, но России удалось ее избежать. Санкт-Петербург дал согласие на раздел Польши, после чего внимание Вены переключилось с Балкан на польские дела. Австрийцы отказались от военного противостояния с Россией, но не оставили мысль создавать ей препятствия на международной арене. Тем не менее отношения Санкт-Петербурга с южными славянами стали более тесными. Дипломату А.М. Обрескову удалось сделать так, чтобы российское влияние могло проникнуть на Балканы под знаком религиозного покровительства христианам.

Султан считался духовным владыкой всех мусульман, поэтому логично было бы распространить титул царя на всех православных христиан. Для этого надо было зафиксировать в мирном договоре идею религиозного покровительства. Путь к этому проложил фельдмаршал П.А. Румянцев: он переправил армию на правый берег Дуная и двинул ее к Балканскому хребту. 9(20) июня 1774 г. А.В. Суворов обратил в бегство 40-тысячный корпус неприятеля. Румянцев же двинулся к Шумену, где находился великий везир. Последний не стал дожидаться нападения и послал в ставку фельдмаршала гонца с просьбой о перемирии. В результате 10(21) июля 1774 г. в деревне Кючук-Кайнарджи был подписан мирный договор. В коллективной монографии «Славянские народы Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII в.» справедливо отмечается, что «Кючук-Кайнарджийский мир составил эпоху в истории России и Балкан». Он «впервые на международном уровне признавал право России на покровительство части балканских

христиан» [16, с. 104–105]. Как сказано в книге «Век Екатерины II: дела балканские», «конечной целью всех усилий покровительствующей державы являлось обретение христианами равноправия... Вероятно, сами творцы Кючук-Кайнарджийского мира, прорубая окно на Балканы, не сознавали далеко идущих последствий 14-го артикула насчет права посланников “говорить” в пользу единоверцев» [3, с. 21]. С этого соглашения начался отсчет нового этапа отношений между Россией и южными славянами, а также всеми балканскими христианами.

Кючук-Кайнарджийский договор стал триумфальным для Санкт-Петербурга: Россия получила выход к Черному морю, степям Причерноморья, право иметь флот на Черном море и право прохода через проливы Босфор и Дарданеллы. Кроме того, она приобрела Азов, Керчь, Кубань и Кабарду. Крым был отторгнут от Порты и объявлен независимым ханством, набеги его конницы на южнорусские земли прекратились. Шесть статей договора посвящались положению христиан и христианской церкви в Османской империи. Объявлялась амнистия всем, кто воевал против Порты или проявил нелояльность к султану. Россия получила право построить в Стамбуле православную церковь. Порта пообещала защиту христианским церквям и христианскому закону. Россия могла теперь выступать перед Османской империей в пользу населения тех территорий, которые в ходе войны были заняты русскими войсками, но возвращены по условиям мира Турции (Дунайские княжества и острова Архипелага). Как отмечалось выше, было признано право России на покровительство некоторым балканским христианам. Это покровительство в перспективе подразумевало обретение христианами равных прав с мусульманами.

В 1780-х годах набирали силу греческие интересы императрицы. 10 (21) сентября 1782 г. Екатерина II отправила письмо императору Священной римской империи Иосифу II, в котором был изложен так называемый Греческий проект – его центральной идеей было возрождение Греции. В то время составной частью идеологии просвещения являлось эллинофильство. Европейцы увлекались культурой Древней Греции, читали труды ее философов, изучали афинскую демократию. Представители греческой диаспоры обращались к Екатерине II с просьбой освободить Грецию от османского гнета. Как пишет Г.Л. Арш, «нельзя сказать, что про-

ект был каким-то импульсивным шагом Екатерины II: корни его уходят в глубь веков, основываются на традициях российской внешней политики, на тесных политических, культурных, церковных связях, возникших между православным населением Балкан и Россией в эпоху османского господства» [3, с. 209].

Письмо императрицы начиналось с изложения претензий России к Порте. Поэтому Екатерине II и Иосифу II следовало, по мнению российской правительницы, заранее задуматься о возможности новой войны с османами и подписать двустороннюю секретную конвенцию о предполагаемых приобретениях, которые будут затребованы у Стамбула. Кроме того, Екатерина хотела создать некий барьер между Российской, Австрийской и Османской империями в виде независимого государства в составе Молдавии, Валахии и Бессарабии. Во главе этого государства должен стоять монарх-христианин, верный России. Следовало также изгнать турок из Европы в Азию и восстановить греческую монархию. На ее престол Екатерина хотела возвести своего второго внука Константина Павловича. Иосиф II в ответном письме наметил для себя будущие территориальные приобретения, в том числе некоторые земли греческой монархии. Однако никаких практических последствий обмен письмами не имел.

В отечественной историографии вызывает споры суть «Греческого проекта». Так, например, В.Н. Виноградов дает ему такую характеристику: «В нем прослеживаются два постулата: воссоздание на Балканах государственности населявших их христианских народов и отказ России от территориального расширения в регионе» [4, с. 29]. И.И. Лещиловская считает, что «“Греческий проект” представлял в самом общем виде перспективный план глобального переустройства Балкан, без определения способов и сроков его реализации». Но он не отвечал пожеланиям южных славян, и в этом заключался «имперский строй мышления Екатерины Великой» [15, с. 101]. А в книге «История Балкан: век восемнадцатый» сказано, что «при всем своем несовершенстве, при очевидном пренебрежении этнической конфигурацией на Балканах, при явном благоволении к грекам в ущерб славянам документ («Греческий проект». – О. Б.) содержал основополагающую идею отказа от прямых завоеваний и создания или возрождения здесь государств христианских народов под покровительствующей дланью само-

державия» [12, с. 143]. Общим у авторов цитат является указание на то, что Россия стремилась к созданию или возрождению христианских государств на Балканах. Наличие в «Греческом проекте» идеи об отказе Санкт-Петербурга от прямых завоеваний отмечается только в двух книгах.

13(24) августа 1787 г. Порта, стремившаяся вернуть себе Крым и добиться признания недействительным Кючук-Кайнарджийского мира, объявила России войну. 17(28) февраля 1788 г. Екатерина II издала грамоту к именитым представителям и «всем обитателям славного рода славянского, сербским, черногорским и прочим», пообещав им свое покровительство и призвав подняться на борьбу с турками. В.Н. Виноградов называет этот документ «рамочным»; «слишком сложное сложилось положение, чтобы обращаться ко всему южному славянству с одними и теми же рекомендациями» [16, с. 115]. В связи с этим отдельная грамота императрицы была адресована черногорцам, а прокламация – грекам и славянам. В Черногории развернули свою деятельность российские эмиссары. Большие надежды российский двор возлагал на подъем национально-освободительного движения в южнославянских землях, Греции и в среде православных албанцев. Опыт предыдущих русско-турецких войн показал, что восстание на Балканах может иметь успех только при поддержке русского оружия. Поэтому в Санкт-Петербурге готовился поход на Балканский полуостров.

Однако война оказалась для России чрезвычайно тяжелой. В результате рухнул план налаживания взаимодействия с южными славянами и другими балканскими христианами, который был основан на прибытии к полуострову эскадры адмирала С.К. Грейга. Только в марте 1791 г., за три месяца до окончания войны, русские полки переправились через Дунай. Однако наладить связи с местными жителями им не удалось. Масштабное восстание так и не вспыхнуло, появлялись лишь небольшие его очаги, которые быстро гасли. 29 декабря 1791 г. (9 января 1792 г.) был подписан Ясский мир. Порта признала вхождение Крыма в состав России, отказалась от междуречья Буга и Днестра. В балканских делах «Порта торжественно подтвердила условия Кючук-Кайнарджийского мира и последующих соглашений между двумя странами, Днестр становился границей между ними, Молдавия и Валахия

остались в Османской империи, но с подтверждением всех ранее оговоренных автономных прав» [16, с. 127].

Заключение

Балканская политика России XVIII в. была направлена прежде всего на освобождение христианских народов от мусульманского гнета и возвращение им собственной государственности. Она подразумевала постоянные взаимные контакты в военной, политической и культурной сферах. Поддержание российско-южнославянских связей было затруднено вследствие русско-турецких войн, но трудности оказались преодолимыми: южные славяне были нередкими гостями в России, а русские военные, дипломаты и купцы бывали на Балканах. К дискуссионным вопросам данной проблематики относятся цели российского царизма во времена Прутского похода, итоги этого похода. Историки 2000-х годов не отошли в полной мере от распространенной в советской историографии концепции о территориальной экспансии российского царизма на Балканах, но такой отход уже намечился. Спорным остается также вопрос о степени участия уроженца Герцеговины Саввы Владиславича-Рагузинского в составлении воззваний Петра I к балканским христианам.

Негативную роль в развитии связей Санкт-Петербурга с балканскими христианами сыграл легендарный Прутский поход Петра I. Вину за поражение русских в этом походе возлагают, как правило, на генералов-европейцев, служивших в российской армии. Одни историки считают Прутский поход крупным военным поражением русских. Другие полагают, что серьезного провала не было, поскольку заключенный с Турцией мир позволил избежать войны на два фронта и бросить все силы на завершение Северной войны. Некоторые исследователи отмечают, что Прут перечеркнул налаживание контактов России с южными славянами, а сами славяне были разочарованы поражением Петра Великого.

Еще один дискуссионный вопрос касается решения Петра I о продвижении вперед вдоль Прута вместо оборонительной тактики. Согласно одной из точек зрения, Петр I отреагировал таким образом на многочисленные просьбы о помощи балканских христиан. Согласно другой – царя вдохновил на поход молдавский господарь

Д. Кантемир, провозгласивший свое княжество русским протекторатом. Считается также, что решающую роль в принятии рокового решения Петром сыграла яркая речь курляндского военачальника Рёнке, сделавшего упор на силу русских и предполагавшееся восстание всех православных народов Балкан.

В отечественной историографии недооцениваются итоги «вечного» русско-турецкого мира, подписанного в Константинополе в 1720 г., для отношений России с балканскими христианами. По его условиям в Стамбуле начал свою работу русский министр-резидент, что способствовало укреплению русско-турецких отношений и предполагало благоприятные изменения в положении южных славян.

После смерти Петра I российский двор продолжал прежнюю линию в балканской политике. Заметным явлением этого времени были массовые переселения балканских славян в Россию, образование Славяносербии. В освещении российско-южнославянских отношений времен императрицы Елизаветы Петровны имеются дискуссионные вопросы, связанные со значением ее указов, адресованных черногорцам. Кроме того, научная литература не дает представления о том, какие именно проекты представил Елизавете Петровне черногорский митрополит Василие Петрович и сколько их было.

Балканская политика Екатерины Великой была продолжением петровской политики. Ее существенным достижением стало провозглашение принципа покровительства России православным народам Османской империи. Большой интерес историков вызывает Греческий проект, сущность которого до сих пор обсуждается. В историографии нет единого мнения о том, стремилась ли Россия к «территориальным приращениям» за счет Балкан в екатерининскую эпоху. Историки лишь пишут о желании российского двора возродить христианские балканские государства. Таким образом, в области балканской политики России XVIII в. еще имеются лакуны, на которые следует обратить внимание специалистам, и потребуется немало времени для того, чтобы их заполнить.

Список литературы

1. Артамонов В.А. Турецко-русская война 1710–1713 гг. – Москва : Кучково поле, 2019. – 448 с.

2. Арш Г.Л. Балканы и Прутский поход Петра I // Славяне и Россия: славяне и Россия в системе международных отношений : сб. статей / отв. ред. С.И. Данченко. – Москва : Институт славяноведения, РАН, 2017. – С. 73–80.
3. Век Екатерины II: дела балканские / отв. ред. В.Н. Виноградов. – Москва : Наука, 2000. – 295 с.
4. Виноградов В.Н. Двуглавый российский орел на Балканах. 1683–1914. – Москва : Индрик, 2010. – 314 с.
5. Водарский Я.Е. Загадки Прутского похода Петра I. – Москва : Наука, 2004. – 226 с.
6. Водарский Я.Е. Легенды Прутского похода Петра I (1711 г.) // Отечественная история. – 2004. – № 5. – С. 3–26.
7. Дмитриев А.В. Прутский поход 1711 года – военно-политический просчет или личная капитуляция Петра I? // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. – 2020. – Т. 19, № 8. – С. 153–158.
8. Достян И.С. Политика России в Балканском вопросе : некоторые спорные проблемы историографии // Славяноведение. – 2012. – № 3. – С. 32–40.
9. Дробот А.Н. Внешнеполитические предпосылки образования Славяносербии // Международный журнал теории и научной практики. – 2019. – Т. 2, № 3. – С. 18–22.
10. Дубровский А.М. К вопросу о русско-турецких договорах в начале XVIII в. // Вестник Брянского государственного университета. – 2017. – № 2(32). – С. 67–72.
11. Ершова Т.В., Афанасьева А.А. Отношения России с Черногорией в годы правления Елизаветы Петровны // Современная наука : актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки. – 2021. – № 02/2. – С. 18–22.
12. История Балкан : век восемнадцатый / отв. ред. В.Н. Виноградов. – Москва : Наука, 2004. – 546 с.
13. Кулинич А.А. Деятельность русского командования в Прутском походе 1711 года // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – С. 109–113.
14. Кулинич А.А. Офицерский корпус русской армии в сражении при Станилештах в Прутском походе 1711 г. // Новые исторические перспективы. – 2019. – № 4. – С. 79–91.
15. Лециловская И.И. Сербский народ и Россия в XVIII веке. – Санкт-Петербург : Алетей, 2006. – 296 с.
16. Славянские народы Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII в. / отв. ред. И.И. Лециловская ; Ин-т славяноведения. – Москва : Наука, 2003. – 315 с.
17. Чепильченко Е.И. Круг восточных советников Петра I // Вестник Московского университета. Сер. 13: Востоковедение. – 2018. – № 1. – С. 75–89.
18. Черногорцы в России / отв. ред. К.В. Никифоров. – Москва : Индрик, 2011. – 360 с.

ОБЗОРЫ

УДК 303.929; 94(44).045–05

СТРЕЛЬЦОВ А.Д.* НАПОЛЕОН : ИСТОРИЯ ЖИЗНИ И МИФ.
DOI: 10.31249/rhist/2022.02.06

Аннотация. В обзоре рассматриваются новые публикации отечественных историков о Наполеоне Бонапарте, где наряду с биографическим материалом содержатся новые данные о военных кампаниях Наполеона, его политической деятельности как гражданина и как императора. Кроме исторических реалий большое внимание уделено историческому мифу о Наполеоне, культу Наполеона Бонапарта и развитию антимифа о нём. Подчеркивается связь историографических оценок со сменами политических режимов и президентств во Франции. Выделяется мысль о различии между сдержанным отношением современных историков и общественными представлениями французов, превративших Наполеона Бонапарта в одного из своих популярнейших национальных героев.

Ключевые слова: Наполеон и Французская революция; Наполеон – полководец; Наполеон – гражданин; Наполеон – император; миф о Наполеоне.

STRELTSOV A.D. Napoleon: life story and myth.

Abstract. The review examines new publications by national historians about Napoleon Bonaparte, which, in addition to biographical material, provide new data on Napoleon's military campaigns, his political activities as a citizen and as an emperor. In addition to historical realities, much attention is paid to the historical myth of Napoleon, the

* Стрельцов Алексей Дмитриевич – младший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: alstr189@mail.ru

cult of Napoleon Bonaparte and the development of the anti-myth about him. The connection of historiographical evaluations with the changes of political regimes and presidencies in France is highlighted. It emphasises the difference between the reserved attitude of contemporary historians and the public perceptions of the French, who turned Napoleon Bonaparte into one of their most popular national heroes.

Keywords: Napoleon and the French Revolution; Napoleon the general; Napoleon the citizen; Napoleon the emperor; the myth of Napoleon.

Для цитирования: Стрельцов А.Д. Наполеон : история жизни и миф. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5 : История. – Москва : ИНИОН РАН, 2022. – № 2. – С. 109–124. DOI: 10.31249/rhist/2022.02.06

В центре внимания 1-го тома двухтомного труда д-ра ист. наук Н.А. Троицкого (1931–2014) находится история жизни Наполеона Бонапарта от рождения в 1769 г. и до плебисцита о его пожизненном консульстве в 1802 г. Книга состоит из предисловия, посвящённого автору работы, введения, восьми глав и заключения.

Во введении автор обращает внимание на то, что Наполеон – одно из самых известных имен в истории человечества, но при этом ни об одном человеке никогда не было такого разброса мнений – от фанатичного возвеличения, граничащего с обожествлением, до исступленного развенчания. И даже самые яростные критики личных качеств Наполеона не умаляли его масштабности. В истории нет другого героя, жизнь которого была бы столь насыщена головокружительными поворотами судьбы [1, с. 20].

Чем масштабнее личность, тем крупнее ее достоинства и недостатки. У Наполеона и то и другое значимо, и все на виду. Поэтому важно оценить и его легендарное обаяние, и то отторжение, которое он вызывал не только как властитель, но и просто как человек (сын, брат, муж, отец, друг) у разных людей, у современников и последующих историков.

Наполеон, родившийся на Корсике, один из восьми детей в семье скромного достатка (родители – Карло Мария Буонапарте и Мария Летиция Рамолино), начальное образование получил в иезуитской школе. Благодаря другу семьи, графу де Марбёф, был принят в Бриеннское военное училище. Выпускной экзамен в сен-

тябре 1784 г. Наполеон сдал блестяще, после чего поступил в Парижскую королевскую военную школу, которую окончил досрочно через 11 месяцев; в звании подпоручика был зачислен в артиллерийский Ла-Ферский полк, где прослужил четыре года (1786–1789).

Начало Великой французской революции Наполеон приветствовал. Тем временем на Корсике произошел раскол всех жителей на сторонников революции и противников. Наполеон в июле 1793 г. вывез свою мать, всех братьев и сестёр с острова на материковую Францию.

Летом 1793 г. Наполеон после восьмимесячного отсутствия вновь присоединился к своему полку. Вскоре ему представится возможность проявить себя при осаде Тулона, восставшего против республиканцев. Благодаря его умелым действиям, в частности, руководству артиллерией, республиканцы взяли город, а Наполеону было присвоено звание бригадного генерала [1, с. 87–89].

В июле-августе 1795 г. Наполеон был сотрудником Топографического бюро военного отдела: на этом посту он разработал план войны против Австрии в Италии, который он реализует несколько позднее [1, с. 108]. За подавление мятежа роялистов в Париже в октябре 1795 г. Наполеон был произведён в чин дивизионного генерала.

В качестве командующего Итальянской армией Франции Наполеон много сделал для повышения ее боеспособности. В апреле 1796 г. начинается его итальянская кампания, направленная в конечном счете против Австрии. Разгромив поочередно четыре австрийские армии, Итальянская армия заняла Северную Италию, создав угрозу взятия Вены.

Вена начала мирные переговоры, и 18 апреля стороны заключили перемирие, по которому Австрия отказывалась от северной Италии и Бельгии. 18 октября 1797 г. между Францией и Австрией был подписан Кампо-Формийский мир, завершивший первый этап революционных войн [1, с. 207]. Благодаря этому антифранцузская коалиция распалась. Население Франции устало от войны, и когда Наполеон вернулся в Париж, жители города приветствовали его как триумфатора. Директория, хотя и испытывала к нему неприязнь, учитывая его популярность в народе, была вы-

нуждена устроить ему торжественный приём в Люксембургском дворце [1, с. 206].

Описывая египетский поход Наполеона, автор отмечает, что Египет имел для него важное значение как плацдарм для дальнейшего похода в Индию. Армия Наполеона, готовая к экспедиции, составляла по разным данным от 30 до 55 тыс. человек. В походе также участвовали учёные. 19 мая 1798 г. Наполеон взобрался на борт корабля «Орион», и французские корабли отплыли из порта Тулон в Египет.

Счастливым образом избежав столкновения с эскадрой адмирала Нельсона, Наполеон прибыл в Египет и тут же взял штурмом Александрию. 21 июля происходит знаменитая битва с мамлюками у египетских пирамид, которая закончилась их разгромом. После этого каирская знать выразила Наполеону покорность, и 25 июля он торжественно въехал в Каир [1, с. 232]. Между тем 1 августа эскадра адмирала Нельсона напала на французские корабли, стоящие на открытом рейде Абукира. Сражение закончилось гибелью французской эскадры: англичане потопили 13 из 17 кораблей, не потеряв ни одного своего [1, с. 236–237].

Наполеон при управлении Египтом проявлял веротерпимость и уважение к исламу, отмечает автор, что помогало ему обеспечивать порядок, необходимый для буржуазных реформ. «Султан Кебир», как прозвали Наполеона в Египте, успел многое сделать для преобразования Египта на французский манер. Известный французский военный историк Анри Лашук верно заметил, что именно в Египте Наполеон «впервые обнаружил гений будущего главы государства». Он искусно, сочетая такт и напористость, убедил членов Дивана в необходимости более цивилизованного, чем при османах и мамлюках, порядка в стране. Наполеон впервые учредил регулярное почтовое сообщение в Египте, при нем была запущена дилижансная линия между Каиром и Александрией. В Каире был основан монетный двор, началось строительство госпиталя для бедных на 300 коек [1, с. 239–240].

Однако вследствие победы британского флота при Абукире в Египте начали зреть антифранцузские настроения. Английские дипломаты и разведывательная агентура успешно настраивали против французов турецкого султана Селима III и его наместника в Сирии Джебзар-пашу. Каир полнился слухами о том, что гото-

вится вторжение сирийских и даже турецких войск в Египет. Большой Диван все заметнее стал предпочитать Франции Англию, следуя за европейскими державами, которые совместно с Турцией и Россией объединились в новую коалицию против Французской республики. 8 сентября 1798 г. Турция объявила войну Франции [1, с. 245].

В такой обстановке накопившееся среди населения Египта недовольство французской оккупацией, подогреваемое Англией и Турцией, привело к взрыву: 21 октября в Каире вспыхнуло восстание. Впрочем, оно было быстро и жестоко подавлено по приказу Наполеона. Многие бунтовщики были казнены.

Тем временем Турция стала усиленно готовить две армии к походу на Египет. Узнав об этом, Наполеон решил действовать на опережение: он выступил в поход в Сирию против турок. На пути в Сирию французы взяли ряд турецких крепостей, осадили крепость Сен-Жан Д Акр. Однако позже французам пришлось снять осаду с этой крепости: к этому времени вторая коалиция начала войну против Франции, и командующий Восточной армией должен был думать о возвращении обратно во Францию.

11 июля 1799 г. турецкий флот высадил на египетский берег 18 тыс. янычар. С ходу захватив французские прибрежные батареи, турки осадили порт Абукир. 16 июля против них повел 10 тыс. своих солдат Наполеон. 18 июля турки овладели фортом Абукир. В битве, последовавшей 25 июля, Наполеон почти полностью уничтожил турецкую армию [1, с. 272–273].

24 августа Наполеон на фрегате Мюиرون тайно отбыл во Францию, назначив командующим оставшейся в Египте армией генерала Клебера. Уже после отъезда Наполеона, оставленная в Египте 14-тысячная армия 1 сентября 1801 г. капитулировала перед англичанами, после чего французы потеряли и Верхний, и Нижний Египет [1, с. 283].

Проведенный во Франции в 1802 г. плебисцит о пожизненном консульстве Наполеона показал, что 99,8% высказались «за». Крупный заговор, организованный роялистами при поддержке британцев, в причастности к которому обвинили герцога Энгиенского, был раскрыт 29 февраля 1804 г.

Главной социальной опорой консульского и затем имперского режима Наполеона, пишет Н.А. Троицкий, была буржуазия (не

только городская, но и сельская), класс послереволюционных собственников, включая имущее крестьянство. Конституция 1799 г. закрепила за крестьянами право владеть землей, которую они приобрели во время революции, отняв ее у своих бывших господ. В земледелии Наполеон заботился об экономическом прогрессе, щедро поощряя технические нововведения [1, с. 353].

Наполеон увеличил количество частных школ, колледжей и народных школ, решил проблему бандитизма, заключил конкордат с Папой Римским.

Став первым консулом, Наполеон предложил императору Австрии и королю Англии мир, но безуспешно. Началась новая война с Австрией, в ходе которой в битве при Маренго 14 июня 1800 г. Наполеон наголову разгромил австрийцев, после чего стороны заключили Люневильский мирный договор, а антифранцузская коалиция распалась. 16 мая 1803 г. началась новая война Франции с Англией, которая продлилась до 1815 г. Причиной стал отказ Англии оставить Мальту, вернув ее Мальтийскому ордену, в соответствии с Амьенским мирным договором [1, с. 457].

В заключение первого тома автор подводит итог деятельности Наполеона до 1804 г.: это прежде всего военные победы на территориях Италии и Египта. Но еще более значимыми стали его мирные свершения: он «упорядочил хаос» революции 1789 г., положил конец партийным распрям внутри страны, политическому террору, бандитизму и роялистским заговорам, восстановил разрушенный и поруганный статус религии при полной свободе вероисповеданий и, главное, при сохранении светского характера государства [1, с. 510].

В центре внимания второго тома работы Н.А. Троицкого находится дальнейшая история правления и жизни Наполеона Бонапарта уже как главы государства, вплоть до его смерти на острове св. Елены в 1821 г. Согласно принятой постановлением Сената (так называемым сенатус-консультум) новой конституции 18 мая 1804 г., Наполеон провозглашался императором французов, после чего был коронован папой Пием VII.

Тем временем в 1805 г. стала активно формироваться новая, третья антифранцузская коалиция в составе Англии, Австрии, Швеции, Турции и Неаполитанского королевства. 20 октября 1805 г. Наполеон окружил и разгромил 80-тысячную армию австрийского

генерала Мака, а 2 декабря 1805 г. нанес поражение русско-австрийской армии в битве при Аустерлице. 26 декабря 1805 г. Наполеон в Пресбурге продиктовал Австрии мирный договор, по которому она теряла ряд территорий [2, с. 55–56].

12 (24) июля 1806 г. российский император Александр I заключил секретную декларацию о союзе России и Пруссии против Франции, а 15 сентября Россия, Пруссия, Англия и Швеция оформили новую, четвертую коалицию против Франции. Между тем 14 октября 1806 г. две армии Пруссии были разгромлены французскими войсками: под Йеной самим Наполеоном и при Ауэрштедте маршалом Л.Н. Даву. 27 октября Наполеон триумфально вошел в Берлин.

В начале июня 1807 г. военные действия переместились на территорию Восточной Пруссии. 14 июня Наполеон нанес поражение русской армии у городка Фридланд. После этого Наполеон навязал России Тильзитский мир, по которому Россия признавала все завоевания Наполеона и присоединялась к континентальной блокаде Англии.

К апрелю 1809 г. сформировалась пятая антифранцузская коалиция в составе Австрийской империи и Великобритании. Наполеону удалось за несколько месяцев нанести поражение Австрии и склонить ее подписать 9 октября 1809 г. Шёнбруннский мир.

Отдельная глава книги посвящена войне 1812 г. 12 (24) июня армия Наполеона вторглась на территорию России. Автор приводит ее численность – 448 тыс. человек, тогда как Россия могла ей противопоставить лишь 317 тыс. человек. Сразу после начала войны 1-я и 2-я русские армии были вынуждены отступать ввиду значительного превосходства сил противника, и лишь 22 июля они соединились у Смоленска. Русские войска под командованием Витгенштейна и Тормасова нанесли ряд поражений французским войскам на флангах Великой армии. Однако война быстро стала приобретать затяжной характер.

С 4 по 6 августа шли бои за Смоленск, после чего русские войска и местные жители оставили город, уклонившись от генерального сражения. 26 августа произошло генеральное сражение у деревни Бородино, после которого русская армия отступила. 2 сентября французская армия вступила в Москву. Наполеон три-

жды предлагал Александру I мир, но тщетно: российский император твердо отказался вести переговоры.

Тем временем Кутузов совершил свой знаменитый маневр, расположившись лагерем в 80 км юго-западнее от Москвы, у села Тарутино. 7 октября французская армия покинула Москву, направившись на Калугу. После сражения у Малоярославца 12 октября французы стали отступать по старой Смоленской дороге, неся тяжелые потери. Россию смогли покинуть всего около 30 тыс. оставшихся в живых солдат бывшей Великой армии [2, с. 269].

Свой заграничный поход, ставший продолжением кампании 1812 г., русская армия начала в союзе с Пруссией, заключенном в марте 1813 г. Произошли сражения у Лютцена и Бауцена: в обоих французы взяли верх. Затем уже летом к коалиции присоединились Великобритания, Австрия и Швеция. Наполеон победил в сражении под Дрезденом. Однако в битве под Лейпцигом 16–19 октября 1813 г., где Наполеону пришлось иметь дело с армиями всех союзников по шестой коалиции, он был разгромлен. Союзники, обладая подавляющим превосходством, вторглись во Францию и 31 марта 1814 г. взяли Париж. 6 апреля Наполеон отрёкся от престола и был сослан на остров Эльба.

В качестве правителя острова Эльбы Наполеон развил бурную деятельность по улучшению жизни: стал исправлять старые и проводить новые дороги, занялся реконструкцией железных рудников, начал кампанию по выращиванию различных сельскохозяйственных культур и т.д.

Начавшаяся тем временем в стране Реставрация, которую насаждала вернувшаяся дореволюционная элита во главе с королём Людовиком XVIII, вызывала всеобщее недовольство. В этих условиях Наполеон, 26 февраля 1815 г. бежавший с Эльбы во главе мини-эскадры из пяти судов с 1108 солдатами и высадившийся во Франции, благополучно прошел через всю страну, поддерживаемый населением, и 20 марта прибыл в Париж, вновь придя к власти.

На этот раз во внутренней политике Наполеон стремился опереться на консервативных республиканцев. Он сразу же предложил другим державам мир на основе *status quo*, надеясь, что распри среди них помешают им сформировать новую коалицию. Однако уже 25 марта Англия, Австрия, Пруссия и Россия подписа-

ли договор, оформивший создание новой, седьмой антинаполеоновской коалиции. Страны коалиции выставили против Наполеона семь армий. Две армии – Веллингтона и Блюхера – были удалены друг от друга на 56 км и растянуты по фронту в 170 км. Наполеон решил вклиниться между ними, разбить их порознь, сбросив англичан в море и пруссаков в Рейн, и затем, подтянув резервы, сразиться с русской армией Барклая де Толли и австрийской – Шварценберга.

16 июня Наполеон нанес поражение армии Блюхера при Лigny, однако не смог уничтожить прусскую армию. Наполеон двинулся далее и встретился с войсками герцога Веллингтона при Ватерлоо. 18 июня 1815 г. здесь произошло последнее сражение Наполеона. Пруссаки вовремя ударили в правый фланг французов, которые были разбиты.

22 июня 1815 г. Наполеон отрекся от престола в пользу своего сына и уехал в Мальмезон, а затем в Рошфор (торговый порт на побережье Бискайского залива) с намерением отправиться в Америку. 8 июля он вышел на двух фрегатах в море, но дальше острова Экс пройти не смог – английская эскадра блокировала Францию с моря. 15 июля Наполеон сдался англичанам на корабле «Беллерофон», который доставил Наполеона в Англию. Здесь, в порту Плимут, 31 июля адмирал Кейт и государственный секретарь по военным делам Англии генерал Г. Балбери предъявили Наполеону официальный акт британского правительства, согласно которому в качестве меры по ограничению его личной свободы его будущей резиденцией был выбран остров св. Елены.

Местожительством Наполеона был назначен Лонгвуд – скала высотой в 500 м над уровнем океана, которая большую часть года окутана туманом и заливается дождями. Задачей губернатора острова св. Елены (с 1816 г. им стал генерал-лейтенант сэра Хадсон Лоу) было стеречь Наполеона, исключая любые шансы на побег, доведя до предела совершенства караульный режим в отношении узника.

Почти 3 тыс. солдат были расставлены вдоль шестикилометровой каменной стены, которая окружала Лонгвуд и примыкающую к нему часть плато, так, чтобы они видели друг друга. По ту сторону стены Наполеон мог гулять только в сопровождении английского офицера, причем вторая, внешняя цепь дозорных с каж-

дого из холмов вокруг Лонгвуда оповещала внутренние посты сигнальными флажками обо всех перемещениях «пленника Европы».

В первые полтора года своего плена Наполеон был физически здоров, но с конца 1816 г., когда врач Б. О'Мира впервые засвидетельствовал у него приступ страшной головной боли с судорогами, головокружением и обмороком, подобные приступы стали повторяться все чаще и становились сильнее. Так, в апреле-мае 1818 г. его периодически мучили «обильные желчные и слизистые выделения, головные боли, тошнота, рвота густой едкой желчью, бессонница, беспокойство и слабость».

Симптомы болезни императора участились с 1819 г., а в 1820 г. врачи диагностировали у него хронический гепатит, но сам он раньше врачей усмотрел у себя рак желудка – болезнь, от которой умер его отец. 26 апреля 1821 г. Наполеон распорядился о собственных похоронах: «...сообщил графу Бертрону, что он хочет, чтобы его похоронили на берегу Сены, или на острове у слияния рек Роны и Соны около Леона, или на Корсике в кафедральном соборе, где похоронены его предки, ибо там он все же будет во Франции» [2, с. 503]. 5 мая 1821 г. Наполеона Бонапарта не стало. Существует версия, согласно которой Наполеон умер не естественной смертью, а был отравлен мышьяком. В эпилоге описывается перезахоронение останков Наполеона в Париже, во Дворце инвалидов, проведённое по решению короля Луи Филиппа в 1840 г.

В завершение исследования о Наполеоне автор касается спорного вопроса о «суде истории» над его героем. Трагедию Наполеона автор видит в том, что свои передовые идеи, законы и установления он навязывал отсталым народам силой. В результате «додразнивал другие народы до дикого отпора, и они стали отчаянно драться за свои рабства и за своих господ» [2, с. 523]. Покорив Европу и облагодетельствовав её (как ему казалось) своими преобразованиями, он восстановил её против себя. С 1808 г., когда Наполеон был вынужден бороться с европейскими коалициями одной рукой – другая была занята в Испании, и особенно после 1812 г., когда в снегах России погибла его Великая армия, считает автор, он был исторически обречён.

В центре внимания работы Н.П. Таньшиной [3] находится формирование культа Наполеона Бонапарта, развитие его мифа и антимифа. Начало этого процесса автор относит к периоду Рестав-

рации (1814–1830). Тогда сложились две легенды о Наполеоне: «чёрная» и «золотая». Если «золотая легенда» формировалась тайно, подпольно, то «чёрная» развивалась вполне легально, ведь пришедшим к власти Бурбонам нужно было укрепить свою позицию, противопоставив себя Наполеону.

У истоков «чёрной легенды» или «антимифа» стояли литераторы, занимавшие два фланга либеральной мысли: с одной стороны, это Ф.Р. де Шатобриан (его относят к направлению «аристократического либерализма») с другой – Б. Констан, принадлежавший к группе так называемых независимых, т. е. либералов более левого толка.

При Реставрации «золотая легенда» формируется тайно, ведь за приверженность идеям Наполеона можно было угодить в тюрьму. Ветераны регулярно собирались для празднования важных дат Империи (2 декабря – день провозглашения Империи, 15 августа – день рождения Наполеона, 5 мая – день его смерти). Главными творцами «золотой легенды» стали выжившие солдаты и офицеры Великой армии. С установлением режима Реставрации демобилизованные солдаты оказались в положении маргиналов. В маленьких провинциальных городках и деревнях легенда создавалась благодаря бесконечным рассказам солдат, следовавших за Наполеоном по дорогам и полям сражений Европы [3, с. 22–23].

Само известие о смерти Наполеона в целом не произвело большого эффекта во французском обществе. Тон задал Ш.М. Талейран, заявивший, что это не событие, а просто новость [3, с. 26].

«Наполеоновская легенда» стала частью официальной идеологии Июльской монархии (1830–1848). Июньская революция 1830 г. во Франции не только оживила идею реванша за поражение Наполеона, но и продемонстрировала укорененность наполеоновского мифа в массовом сознании французов. Более того, многие сожалели, что на престол вззошел не «сын великого Наполеона», а Луи-Филипп. В результате новый король решил использовать народную страсть для укрепления собственного режима. При Луи-Филиппе начинается новый этап развития «наполеоновской легенды»: из тайного культа она становится частью государственной идеологии.

Все прежние препоны для рассказов о делах императора были устранены. Начиная с 1832–1833 гг., одна за другой появлялись

книги воспоминаний о годах Империи. Кроме того, над развитием легенды трудились писатели-романтики, зачастую находившиеся в оппозиции к новому режиму [3, с. 40].

Автор весьма подробно останавливается на истории перезахоронения в 1840 г. останков Наполеона во Франции, поскольку такова была воля самого императора. Об этом посол Франции в Англии Ф. Гизо вел переговоры с главой британского внешнеполитического ведомства лордом Пальмерстоном. Автор подчеркивает, что «гроб с останками Наполеона на пути по Сене к парижскому пригороду Курбеуа встречали тысячи людей... За гробом шли маршал Никола-Шарль Удино (наполеоновский маршал, в 1810 г. получивший от императора титул герцога Реджио), неся кисти от погребального покрывала, маршал Молитор, генерал Бертран и адмирал Руссен. Появление колесницы воспринималось как Божоявление: французы, побежденные Веллингтоном и Пальмерстоном, как бы не замечали реальности, живя в мире иллюзий и мечтаний» [3, с. 80].

Однако церемония перезахоронения Наполеона не помогла Луи-Филиппу укрепить режим. Не способствовала она и легитимации власти Луи-Филиппа в глазах Европы. Историк Ж. Пуасон называл подобное напоминание европейским державам о Наполеоне психологической ошибкой Луи-Филиппа. По его мнению, возвращение останков Наполеона стало поворотным пунктом правления Луи-Филиппа и прелюдией к свержению его режима [3, с. 95].

В 1817 г. широкий резонанс получили запрещенные позднее апокрифические мемуары Наполеона: «Рукопись, неизвестным путем доставленная со Святой Елены», написанная, по-видимому, Люлленом де Шатовье, женевцем, другом писательницы мадам де Сталь. В это же время в Милане начал писать «Жизнь Наполеона» Анри Бейль, известный под литературным псевдонимом Стендаль (1783–1842), однако этот текст был опубликован только после его смерти.

В июле 1825 г. В. Гюго опубликовал поэму «Два острова». Наполеон предстает здесь в образе романтического героя, который стал «владыкой полвселенной», но все окончилось крахом, как это бывает с романтическими героями, и Наполеон познал «ничтожество величия своего» [3, с. 101–102]. Поэтическая эволюция, выстроенная Гюго, отражала общую эволюцию романтизма: поначалу

роялистский, он постепенно трансформировался в «поэтический бонапартизм», оказав «наполеоновской легенде» литературную поддержку, без которой она не имела бы столь оглушительного успеха в дальнейшем.

В самом начале 1830-х годов во французской литературе появляется целый ряд произведений, посвященных положению ветеранов Великой армии, солдат и офицеров, вернувшихся с войны и оказавшихся в маргинальном положении, не у дел, без великой мечты, без идеи, привыкших к войне и живших ностальгическими воспоминаниями о ней. Офицеров, уволенных в запас и переведенных на половинное жалование, во Франции именовали «полу-окладными». Эти офицеры, составившие особую касту людей, стали героями произведений Оноре де Бальзака, Проспера Мериме, Жорж Санд [3, с. 106].

В творчестве юного поколения романтиков, Альфреда де Мюссе и Альфреда де Виньи, наиболее ярко проявились мечты о славе. «Исповедь сына века» А. де Мюссе (1810–1857), опубликованная в 1835 г., в первых главах содержит настоящую апологию империи. Как и другие романтики своего времени, Мюссе выражает недовольство жизнью, меланхолическое настроение и тоску по тому периоду в истории своей родины, когда она сотрясала мир и управляла им [3, с. 120–121].

В 1848 г. легенда и имя Наполеона были использованы бонапартистами, чтобы избрать своего кандидата, Луи Наполеона, президентом Республики. Революция освободила из тюрем политзаключенных, в том числе и сторонников Бонапарта, сразу же развернувших широкую кампанию в пользу своего лидера, обеспечив ему на майских выборах 1848 г. избрание в Учредительное собрание сразу от четырех департаментов. Уже через два месяца его кандидатура была выдвинута на пост президента Республики, где он получил более 78% голосов, оставив далеко позади всех других претендентов. Бонапартисты умело использовали ностальгические настроения крестьянства в предвыборной кампании. 2 декабря 1851 г. племянник Наполеона совершил государственный переворот, а ровно год спустя в результате плебисцита во Франции была восстановлена империя [3, с. 139].

В конце 1840-х – начале 1850-х годов ветераны еще были среди самых активных сторонников «наполеоновской легенды».

Их культура не ограничивалась частной сферой: во время выборов 1848 г. многие кандидаты вписывали в свои программы заслуги своих отцов в наполеоновских кампаниях. В 1857 г. Наполеон III их отблагодарил, выпустив медаль святой Елены. Она полагалась всем ветеранам войн Революции и Империи, сражавшимся под французскими знаменами между 1792 и 1815 гг., не важно, были ли они французами, или иностранцами. В 1857 г. за медалью пришли 390 тыс. человек [3, с. 146].

Именно в годы Второй империи создает свою апологию Наполеона В. Гюго. В 1852 г. Луи Наполеон, заклеянный писателем кличкой Наполеон малый, отправил Гюго в ссылку. В Великобритании, на острове Джерси, он начинает писать роман «Отверженные», где говорит об огромных жертвах, принесенных Наполеоном на алтарь своей славы, из-за чего поражение при Ватерлоо стало для него закономерным [3, с. 139].

Как показала история, имя Наполеона Бонапарта и в дальнейшем не утратило своего магнетизма. И уже не столь важно, идёт ли речь о реальном историческом персонаже, или мифе, образе, созданном писателями и поэтами-романтиками.

С установлением Третьей Республики в 1875 г. память о Наполеоне приобретает иной характер. Республика апеллировала к «народному императору» для подъема национального духа и возрождения воспоминаний о национальной славе после поражения во франко-германской войне 1870–1871 гг. Молодые французы должны были стать солдатами реванша [3, с. 147].

Память о легенде о Наполеоне пошла на спад к концу XIX в. вместе со смертью последних ветеранов. Но с этого момента память о Наполеоне была инкорпорирована в политическую культуру Франции, и республиканцы не могли её не использовать. Начиная с Адольфа Тьера, свидетельства современников уступают место работам историков, хотя императорская мифология затрудняет объективное изучение Наполеона.

С возникновением тоталитарных режимов в XX в. появился новый взгляд на Наполеона, например в литературе. Так, Дж. Оруэлл в «Скотном дворе» вывел образ Наполеона-борова, устанавливающего тоталитарный порядок. Так Оруэлл вписывает Наполеона в семью диктаторов XX в., считает автор [3, с. 151].

В период между 1940 и 1958 гг. французские власти регулярно использовали образ Наполеона-спасителя, дабы помочь французам пережить тяжелые моменты их истории. После оккупации Франции нацистской Германией сторонники режима Виши пытались проводить аналогии с 1799 г.: тогда Бонапарт положил конец Первой республике, чтобы спасти Францию – теперь маршал Петэн упразднил Третью республику, чтобы облегчить положение Франции, оккупированной немцами [3, с. 154–155].

По мнению французского исследователя Э. Керна, в 1960-е годы образ Наполеона сильно пострадал от сравнения с генералом Ш. де Голлем, ставшим к тому времени национальным героем Франции. Опросы, проведенные в 2005 г. французским телевидением, показали, что французы оценивали де Голля как «человека века» и «самого великого француза всех времен». Однако, по словам Керна, популярность де Голля не могла совсем уничтожить популярность Наполеона, пусть временно и потесненного со своего пьедестала. Между ними можно найти много общего, как и между голлистской сагой и императорской легендой. Наполеон продолжал оставаться героем для французов все годы нахождения де Голля у власти. На его легенду работали и учебники истории, и сами историки, писатели и СМИ.

Празднование 200-летия со дня рождения Наполеона в 1969 г. пришлось уже на президентство Жоржа Помпиду. В рамках «года Наполеона» было организовано 14 мероприятий в Париже, 26 – в Аяччо и помимо этого множество мероприятий по всей Франции. Самым значительным из этих событий стало выступление президента Ж. Помпиду в Аяччо в день рождения Наполеона. Выступая на площади Шарля де Голля, Помпиду сосредоточился на идее о том, что Наполеон восстановил национальное достоинство Франции и сыграл важную роль в создании европейского единства – это, как известно, два важнейших постулата голлизма. Как заявил президент, «за несколько лет, почти за несколько месяцев, Первый консул создал современное французское государство». Наполеон – это не только человек Революции, но и человек порядка и государственной власти. Он сохранил принципы революции: гражданскую свободу и равенство перед законом [3, с. 159–160].

Автор задается вопросом, что думают о феномене Наполеона историки. Она замечает, что если современные французские

политические элиты стремятся дистанцироваться от образа Наполеона, который их скорее раздражает (хотя в последние годы ситуация начинает меняться), то французский народ превратил его в одного из своих популярнейших национальных героев.

Наполеон больше, чем кто-либо другой, присутствует в географии Франции и особенно в топонимике Парижа. Бульвары носят имена маршалов Наполеона, названия станций метро (в честь крупнейших битв) тоже показательны: «Ваграм», «Йена», «Аустерлиц», «Кампо-Формио», «Пирамиды» [3, с. 201].

Список литературы

1. Троицкий Н.А. Наполеон Великий : в 2 т. – Москва : РОССПЭН, 2020. – Т. 1 : Гражданин Бонапарт. – 526 с.
2. Троицкий Н.А. Наполеон Великий : в 2 т. – Москва : РОССПЭН, 2020. – Т. 2 : Император Наполеон. – 548 с.
3. Таньшина Н.П. Наполеон Бонапарт : между историей и легендой. – Санкт-Петербург : Евразия, 2020. – 224 с.

УДК 94(47).083

КОМЗОЛОВА А.А.* БОРЬБА ВНУТРИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ РОССИИ НАКАНУНЕ И ПОСЛЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. DOI: 10.31249/rhist/2022.02.07

Аннотация. В обзоре рассматриваются исследования современных российских историков, посвященные политической истории России в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. и Февральской революции 1917 г. Авторы анализируют различные аспекты этой темы, связанные с политической борьбой внутри правительства и взаимоотношениями между властью, представительными органами и общественными кругами, включая характер политического курса последнего правительства Российской империи, деятельность российской элиты в условиях Первой мировой войны, ее отношение к возможности заключения сепаратного мира с Германией, причины падения самодержавия и др.

Ключевые слова: Россия и Первая мировая война; Февральская революция; Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства; Н.Д. Голицын; В.А. Сухомлинов.

KOMZOLOVA A.A. The struggle within the political elite of Russia on the eve and after the February Revolution.

Abstract. The review examines the studies of modern Russian historians devoted to political history of Russia during the First World War 1914–1918 and February Revolution 1917. The authors analyze various aspects of this topic related to the political struggle within the government and relations between the authorities, representative bodies

* Комзолова Анна Альфредисовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: lizeze@yandex.ru

and public circles, including the nature of the political course of the last government of the Russian Empire, the activity of the Russian elite under the conditions of the First World War, the elite's attitude to the possibility of concluding a separate peace with Germany, the reasons for the fall of the autocracy, etc.

Keywords: Russia and World War I; February Revolution; Extraordinary Commission of Inquiry of the Provisional Government; N.D. Golitsyn, V.A. Suhomlinov.

Для цитирования: Комзолова А.А. Борьба внутри политической элиты России накануне и после Февральской революции (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5 : История. – Москва : ИНИОН РАН, 2022. – № 2. – С. 125–135.
DOI: 10.31249/rhist/2022.02.07

Период, предшествовавший Февральской революции 1917 г. и падению в России самодержавия, не может не вызывать острый интерес отечественных историков. Оценки, которые исследователи дают этому периоду, остаются весьма различными, как, впрочем, были противоречивыми и события, происходившие в это время. При этом в историографии одним из центральных является вопрос о том, способна ли была власть реагировать на постепенное «сползание» страны в революцию, а также какое место в этом процессе занимал вопрос о дальнейшем продолжении Россией войны с Германией.

В статье Ф.А. Гайды (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова) рассматривается деятельность князя Н.Д. Голицына во главе последнего правительства императорской России [1]. Князь Голицын сменил на посту председателя Совета министров А.Ф. Трепова, возглавлявшего правительство всего полтора месяца и 27 декабря 1916 г. ушедшего в отставку. При назначении князя Голицына решающее значение для монарха имела его личная преданность. Как отмечает исследователь, Голицын являлся уже вторым после Б.В. Штюрмера премьером, который ранее не занимал министерский пост и не участвовал в работе правительства [1, с. 76]. В 1885–1903 гг. он последовательно находился в должности архангельского, калужского и тверского губернатора, затем служил в Сенате, а с 1915 г. возглавлял Комитет помощи русским пленным, находившийся под покровительством

императрицы Александры Федоровны. В отличие от Штюмерера князь не опирался на поддержку Трепова. Назначение Голицына впервые предполагало полный разрыв с прежним правительственным курсом. Однако он не имел четкой программы действий и не был подготовлен к деятельности в период кризиса.

С 1 января 1917 г. новым председателем Государственного совета был назначен И.Г. Щегловитов, который, в отличие от Трепова, не поддержал радикальное обновление состава этого учреждения. В кабинете Голицына не только сохранил, но и укрепил свои позиции министр внутренних дел А.Д. Протопопов. Вместе с тем зимой 1916–1917 гг. сменилось руководство в военном, судебном и учебном ведомствах. По мнению Гайды, назначение 3 января 1917 г. генерала М.А. Беляева военным министром «было связано с предстоявшей межсоюзнической конференцией». Он заслужил расположение императрицы Александры Федоровны тем, что перевел сына Г. Распутина из пехоты в санитары [1, с. 80, 81]. При Н.А. Добровольском, назначенном 20 декабря 1916 г. министром юстиции и старавшемся избавиться от репутации правого, не были прекращены дела против В.А. Сухомлинова и И.Ф. Манасевича-Мануйлова, хотя в бюрократических и общественных кругах от него этого ожидали [1, с. 82, 83].

Согласно выводам исследователя, в составе Совета министров в этот период преобладали «хорошо образованные чиновники-технократы, близко знакомые с ведомствами и той сферой деятельности, которой им предстояло управлять». Исключение составляли лишь сам князь Голицын и Протопопов. Гайда также выделяет внутри правительства «группу Щегловитова», отличавшуюся более консервативными взглядами, и «группу Трепова», у которой «была сильнее развита инициативность». Главной проблемой последнего царского правительства оказалось «отсутствие лидера», и Голицын таковым не являлся и не мог стать [1, с. 83, 84]. В целом политику кабинета князя Голицына нельзя назвать консервативной. В частности, тормозились мероприятия, связанные с введением прогрессивного налога. Продолжали получать казенные средства оппозиционно настроенные общественные организации. По отношению к представителям оппозиционной общественности правительство старалось действовать весьма осторожно и мягко. Для улучшения взаимодействия с Государственной думой Голи-

цын безуспешно добивался отставки Протопопова, а также планировал сменить ряд министров [1, с. 85, 88].

По мнению Гайды, в самый решающий период, предшествовавший Февральской революции, правительство осталось без лидера, «способного организовать сопротивление нарастающей анархии». Князь Голицын оказался не способен к реализации своих властных полномочий. Он фактически изначально воспринимал себя и своих коллег по кабинету как людей, которым необходимо «лишь дожидаться того, как император победившей страны определит долгосрочную программу действий и подберет людей для ее реализации». В итоге это правительство уже по своей сути было «временным» [1, с. 90].

В статье А.В. Евдокимова (Приволжский исследовательский медицинский университет) и Е.В. Бея (Научно-исследовательский институт Военной академии Генерального штаба ВС РФ) [2] рассматривается деятельность последних военных министров Российской империи – генералов В.А. Сухомлинова (1909–1915), А.А. Поливанова (1915–1916), Д.С. Шуваева (с 15 марта 1916 г.) и М.А. Беляева (с 3 января 1917 г.), а также анализируются те кризисные тенденции, которые привели к падению самодержавия.

В.А. Сухомлинов пользовался особым расположением Николая II, поскольку ему удавалось тонко разбираться в особенностях характера самодержца. По мнению авторов, в этот период степень влияния того или иного сановника или министра «напрямую зависела от возможности определять ту картину мира, которая существовала в сознании монарха» [2, с. 48]. Сухомлинов и Николай II также сближало негативное отношение к представительным учреждениям. Идея навстречу желаниям императора, убежденного в том, что развитие вооруженных сил, разработка и реализация военных программ являются прерогативой исключительно «верховного вождя», военный министр выказывал свое пренебрежение к деятельности Государственной думы, в частности, демонстративно отказываясь посещать ее заседания. У него сложились особенно напряженные отношения с А.И. Гучковым, лидером партии «Союз 17 октября». Одновременно Сухомлинов всегда был в натянутых отношениях с верховным главнокомандующим – великим князем Николаем Николаевичем. Как отмечал известный русский военный историк А.А. Керсновский, в итоге предвоенное развитие

русской армии проходило на фоне противостояния двух течений – «поверхностно-новаторского великокняжеского» и «ретроградно-бюрократического сухомлиновского» [цит. по: 2, с. 48]. Под руководством Сухомлинова был проведен второй этап военных реформ 1905–1912 гг., затронувших почти все стороны развития армии. Благодаря этим реформам произошли важные изменения в системе дислокации комплектования, боевой подготовке, техническом оснащении войск, зародились боевая авиация, автомобильные части и военная контрразведка. С началом Первой мировой войны русской армии удалось провести слаженную мобилизацию. Однако к 1915 г. явственно проявились и слабости в подготовке вооруженных сил к войне, прежде всего в вопросе об определении боеприпасов для артиллерии.

А.А. Поливанов, преемник Сухомлинова на посту главы военного ведомства, более подходил на роль парламентарного министра, чем на роль министра-интенданта и администратора. Он стремился «угодить» общественным деятелям и пользовался популярностью в представительской среде, особенно сблизившись с членами думской Комиссии по обороне. Также он покровительствовал «детищу» Гучкова – военно-промышленным комитетам. Однако в придворных кругах министр пользовался репутацией «левого», что и стало одной из причин его отставки. Но главной причиной послужил скандал, раздутый при участии Поливанова вокруг «шпионского дела» жандармского подполковника С.Н. Мясоедова, который принадлежал к окружению Сухомлинова. Главной задачей возбуждения этого скандала были, с одной стороны, пропаганда «заслуг» октябристов в деле государственной обороны, а с другой – дискредитация и отставка Сухомлинова. Авторы подчеркивают определенную ответственность Поливанова как председателя специальной комиссии при Главном управлении Генерального штаба, занимавшейся накануне войны определением запасов для войск, за поражения русской армии вследствие плохой обеспеченности артиллерии. Ошибочные расчеты этой комиссии строились на представлениях о скоротечности будущей войны – не более одного года – и быстрой победе Антанты [2, с. 49].

После отставки Поливанова выбор императора пал на Д.С. Шуваева, поскольку генерал представлялся ему человеком, хорошо знавшим военное дело и нужды армии и одновременно

политически нейтральным, т.е. не связанным с теми или иными придворными кругами. Вследствие его «солдатской прямолинейности» Шуваеву не удалось наладить сотрудничество с руководителями кадетов и октябристов, но также вскоре им были разочарованы и при дворе. Его сменил, как казалось, более верный монарху и самодержавной политике М.А. Беляев, которого на этот пост прочила сама императрица Александра Федоровна. Профессиональный генштабист, направлявший всю свою энергию в «бумажное русло», Беляев возглавил военное ведомство благодаря случайным обстоятельствам. Он не пользовался популярностью в армии, за ним даже закрепилась кличка Мертвая голова. В дни Февральской революции Беляев проявил растерянность и для борьбы с восставшими смог предложить лишь «бесполезные и запоздалые меры» [2, с. 52].

Публикация двух монографий [3; 5], сборника документов [6] и ряда статей [см., например: 2; 4] является результатом многолетних исследований нижегородских историков Ф.А. Селезнева (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского) и А.В. Евдокимова в области политической истории России в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. и Февральской революции 1917 г. Данные работы опираются на положения теории элит [подробнее см.: 3, с. 6–12]. Одной из центральных тем этих исследований является изучение влияния внешних сил на действия российской «контрэлиты» в период Первой мировой войны. Под термином «контрэлита» авторы подразумевают «политически активную группу лиц (общественные партии и движения, средства массовой информации и т.д.), которые стремились влиять на состояние силовых структур, вовлекать их в процессы принятия и исполнения политических решений в интересах определенных сил общества» [2, с. 47]. К российской «контрэлите» периода Первой мировой войны исследователи относят оппозиционно настроенных депутатов Государственной думы (прежде всего кадетов и октябристов), в 1915 г. объединившихся в Прогрессивный блок, а также некоторых представителей промышленно-финансовых кругов. «Контрэлита» не имела общепризнанного лидера и не отличалась внутренним единством. В связи с этим особую роль исследователи отводят кадетам, они, «представляя собой умеренную часть контрэлиты», одновре-

менно были «тем мостом, который соединил ее с фрондерами из элиты» [3, с. 10].

Согласно выводам авторов, Февральская революция стала результатом раскола внутри политической и военной элиты Российской империи, при этом часть правящего класса вступила в соглашение с «контрэлитой» ради предотвращения любой ценой действительной или мнимой угрозы заключения Николаем II сепаратного мира с Германией. Возможность взаимодействия между ними была обусловлена общими внешнеполитическими симпатиями – желанием прочно встроить Россию в Антанту. С целью не допустить заключения российско-германского сепаратного мира «антантофилы» в правительстве и оппозиционные либералы стремились как политически изолировать Николая II, так и провести информационную, «пропагандистскую» кампанию против членов кабинета, лично преданных императору (В.А. Сухомлинов, Н.А. Маклаков, И.Г. Щегловитов и др.).

В монографии Ф.А. Селезнева [3], написанной на стыке истории внутренней политики и дипломатии и включающей пять глав, рассмотрены такие вопросы, как внешнеполитическая ориентация на Великобританию русской либеральной оппозиции накануне и во время войны, противоборство внутри оппозиции в контексте вопроса о сепаратном мире с Германией, «дело» военного министра В.А. Сухомлинова и связанный с этим конфликт в правительственных и общественных кругах, а также дипломатическая деятельность большевистского правительства в первые месяцы его существования и заключение Брестского мира 1918 г.

С возможностью заключения сепаратного мира с Германией Селезнев связывает «дело» военного министра В.А. Сухомлинова. При этом автор не уточняет, была ли вероятность такого мира реальной или только мнимой [3, с. 175]. В отличие от большинства современных исследователей Селезнев не считает сведения о подготовке сепаратного мира при Николае II мифом, использовавшимся для дискредитации императора и его окружения. Как предполагает Селезнев, уже с конца 1914 г. Германия проводила зондаж подобной возможности. Роль Сухомлинова заключалась лишь в том, чтобы создать соответствующий канал «связи» между Россией и Германией, для чего в марте 1915 г. в Стокгольм был отправлен В.Д. Думбадзе. Селезнев также высказывает предполо-

жение, что дискредитация Сухомлинова могла быть результатом «операции спецслужб» Великобритании, которая совпала по времени с попыткой со стороны Германии выйти через российского военного министра на Николая II [3, с. 73–76, 80–81].

Историко-биографическая книга Селезнева и Евдокимова [5], продолжая современные отечественные исследования о бюрократической элите накануне краха Российской империи, прежде всего посвящена личности военного министра Сухомлинова, истории его «взлета и падения» и несчастной любви к Екатерине Бутович. В отличие от Е.В. Бея, автора другой монографии, также посвященной Сухомлинову (2016 г.)¹, Селезнев и Евдокимов не сосредоточили свое внимание на этапах его биографии как военного теоретика и администратора, а стремились вписать деятельность военного министра в широкий контекст «противоборства в окружении Николая II» и попытались разобраться в хитросплетениях этой борьбы [5, с. 7, 8].

Особое внимание Селезнев и Евдокимов уделяют отношениям между Сухомлиновым и князем М.М. Андрониковым, которые одно время были весьма доверительными. Князь, будучи чиновником особых поручений при министре внутренних дел (1897–1914 гг.), а затем при обер-прокуроре Св. Синода (1914–1915 гг.), был политическим авантюристом и в течение ряда лет собирал различные сведения о высокопоставленных лицах, которые затем использовал для дискредитации одних или продвижения карьеры других. Также он содержал при себе штат сотрудников, с их помощью фабриковались анонимные доносы на различных должностных лиц, навлекших на себя «неудовольствие» князя. Андроников стремился поддерживать репутацию человека, вхожего в любой министерский кабинет. Ему первоначально удалось войти в доверие Сухомлинова благодаря содействию в бракоразводном деле возлюбленной генерала. Наиболее тесными связи между Сухомлиновым и Андрониковым были в 1910–1911 гг., когда они вели оживленную переписку или, к примеру, совместно посещали театр. Однако 1912 г. стал переломным в их отношениях, а примерно в 1914 г. между военным министром и князем произошел оконча-

¹ Бей Е.В. Военный министр генерал В.А. Сухомлинов : жизнь и деятельность. – Москва : Квадрига, 2016. – 299 с.

тельный разрыв. Во время войны Андроникова заподозрили в шпионаже в пользу Германии, и по поручению Сухомлинова за ним было установлено наблюдение. Однако результаты слежки за князем скорее свидетельствуют о его сотрудничестве со спецслужбами стран Антанты [3, с. 76–78; 4, с. 58–60].

Несмотря на увольнение Сухомлинова с поста военного министра, он не утратил расположения императора Николая II, и его политическая карьера не была завершена. Как предполагают нижегородские исследователи, противники и недруги Сухомлинова боялись его возвращения к активной государственной деятельности и возможных разоблачений с его стороны (и, видимо, он собирался это сделать), поэтому они постарались опорочить генерала [5, с. 162–165].

Вскоре после Февральской революции, 5 марта 1917 г., была учреждена Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства, задачей ее было расследование предполагаемых «преступлений» представителей «старого режима» – членов царского правительства, высших полицейских чинов и приближенных императора Николая II, которые были арестованы новой властью и заключены в Петропавловскую крепость. В числе привлеченных к суду, в частности, был и последний военный министр М.А. Беляев, психически надломленный и плакавший на допросах [2, с. 52]. Состав Чрезвычайной следственной комиссии оказался неоднородным. С одной стороны, в комиссию вошли непримиримые идеологические противники самодержавия, и в их числе – ее председатель адвокат Н.К. Муравьев, до 1917 г. неоднократно защищавший революционеров и считавший себя «беспартийным социалистом», а также большевик Л.М. Карахан, историк и редактор журнала «Былое» П.Е. Щеголев и др. С другой – значительную часть членов комиссии составили судебные деятели более умеренных взглядов (сенатор С.В. Завадский, Б.Н. Смиттен, Р.Р. Раупах и др.), чья позиция в конечном итоге нашла поддержку у Временного правительства, стремившегося представить себя в качестве защитника правопорядка и законности. Они хотя и поддержали Февральскую революцию, но настаивали на том, что представителей свергнутой власти следовало привлекать к судебной ответственности не за их службу прежнему режиму, а лишь за нарушения прежних царских законов [6, с. 3–4].

Как показали первые допросы арестованных царских сановников, Чрезвычайной следственной комиссии было весьма сложно собрать материалы для обвинительных заключений, которые строились бы на расследованиях служебных преступлений, совершенных еще при самодержавии. В этом отношении единственным подходящим «делом» оказалось расследование деятельности Сухомлинова, серьезные обвинения против коего были выдвинуты еще до февраля 1917 г. (его обвиняли в бездействии власти и измене). Уже 7 марта 1917 г. на одном из первых заседаний Временного правительства было решено поручить министру юстиции А.Ф. Керенскому (возможно, по его собственной инициативе) принять меры к тому, чтобы ускорить судебное производство по обвинению бывшего военного министра в государственной измене. Процесс над Сухомлиновым призван был стать репетицией судов над остальными бывшими царскими министрами и сановниками [6, с. 4]. Однако в отличие от суда над военным министром эти предполагаемые процессы, готовившиеся Временным правительством, не состоялись вследствие Октябрьской революции 1917 г. Показательный процесс над Сухомлиновым проходил с 10 августа по 12 сентября 1917 г. и завершился обвинительным заключением. Бывший министр был приговорен к бессрочной каторге, но ему разрешили отбывать наказание в Петропавловской крепости в Петрограде «во избежание самосуда». 1 мая 1918 г. Сухомлинов был освобожден большевиками по «возрастной» амнистии (как достигший 70-летия), затем эмигрировал в Германию и оставил воспоминания [5, с. 224, 229, 230].

Список литературы

1. Гайда Ф.А. «Кабинет» князя Н.Д. Голицына и поиски политического курса зимой 1916–1917 гг. // Российская история. – 2020. – № 1. – С. 75–90.
2. Евдокимов А.В., Бей Е.В. Министерская чехарда : последние военные министры Российской империи // Военно-исторический журнал. – 2020. – № 3. – С. 46–53.
3. Селезнев Ф.А. Революция 1917 года и борьба элит вокруг вопроса о сепаратном мире с Германией (1914–1918 гг.). – Санкт-Петербург : Алетей, 2017. – 178 с.
4. Селезнев Ф.А., Евдокимов А.В. Князь М.М. Андроников и военный министр В.А. Сухомлинов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2019. – № 6. – С. 57–62.

5. Селезнев Ф.А., Евдокимов А.В. Роковая женщина военного министра : генерал Сухомлинов и Екатерина Бутович. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2020. – 254 с.
6. Селезнев Ф.А., Евдокимов А.В. Суд над генералом В.А. Сухомлиновым : документы и материалы (1912–1917 гг.). – Нижний Новгород : ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2021. – 393 с.

УДК 303.929

УВАРОВА Т.Б.* НОВЫЕ ФОРМЫ КЛАССИЧЕСКОГО ЖАНРА
БИОГРАФИИ УЧЕНОГО : К 80-ЛЕТИЮ АКАДЕМИКА В.А. ТИШ-
КОВА. DOI: 10.31249/rhist/2022.02.08

Аннотация. В обзоре рассматриваются публикации, представляющие собой классические и новые формы научной биографии ученого, подготовленные в связи с 80-летием академика РАН В.А. Тишкова. Особое внимание уделяется анализу библиометрических данных персональной библиографии исследователя и современной наукометрической политике в оценке эффективности научной деятельности исследовательских коллективов и научных школ.

Ключевые слова: научная биография; библиометрические исследования; социально-культурная антропология; наукометрическая политика; академик РАН В.А. Тишков.

UVAROVA T.B. New Forms for classical biography of scientist: 80-jubilee of Academic V.A. Tishkov.

Abstract. In this review classical and new forms of scientific biography are represented. The special attention is given to the publications, devoted to 80-jubilee of Academic V.A. Tishkov. The personal bibliographic data (more 900 publications) are analyzed in context of modern policy for evaluation the research results of scientific collectives and schools.

Keywords: scientific biography; bibliometric studies; socio-cultural anthropology; scientometric policy; RAS Academician V.A. Tishkov.

* Уварова Татьяна Борисовна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), профессор Центра социальной антропологии РГГУ. E-mail: ethn.uvarova.tb@inbox.ru

Для цитирования: Уварова Т.Б. Новые формы классического жанра биографии ученого : к 80-летию академика В.А. Тишкова (обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер.5 : История. – Москва : ИНИОН РАН, 2022. – № 2. – С. 136–145. DOI: 10.31249/rhst/2022.02.08

Биографии выдающихся ученых являются одной из важных форм исследований истории науки. Серия изданий такого рода – «Материалы к биобиблиографии ученых» – выпускается в Академии наук СССР / РАН более 80 лет, с 1940 г. Со времени образования в 1969 г. академического Института научной информации по общественным наукам подготовка серии осуществляется его специализированным подразделением. За это время серия стала брендовым изданием ИНИОН РАН. В одном из последних выпусков представлена биобиблиография академика В.А. Тишкова, подготовленная в связи с 80-летием ученого [2]. Помимо статей об исследовательской и научно-организационной деятельности издание включает библиографический список, насчитывающий свыше девятисот работ, которые составляют в совокупности репрезентативную базу данных для наукометрического исследования, также включенного в данный выпуск в виде специальной статьи.

К юбилейной дате был подготовлен сборник статей ведущих отечественных и зарубежных специалистов в области социально-культурной антропологии, этнологии, социологии истории и политических исследований [1]. В фундаментальный том вошли статьи на актуальные для российской науки и общества темы формирования российской идентичности, развития российского федерализма, строительства наций и национализма, гражданства и национальной политики, социальной памяти, праздничной и повседневной культуры, а также итоги полевой работы в период пандемии COVID-19, включая анализ поведенческих стратегий человека и его биосоциальную адаптацию к стрессу. В какой-то мере эта подборка передает многообразие современной российской и мировой антропологии, обозначает их тематические и методологические приоритеты, как считает один из редакторов книги, член-корр. РАН, директор Кунсткамеры им. Петра Великого А.В. Головин [1, с. 3].

В первом, собственно биографическом разделе книги с нарочито конструктивистским названием «Конструируя Тишкова»

раскрывается опыт общения и сотрудничества с В.А. Тишковым – опыт его аспиранта, докторанта, коллеги по институту или академии, сотрудника по совместному проекту, соучастника симпозиумов или конференций в Москве, Осло, Вашингтоне. «Каждый из авторов характеризует, с одной стороны, творческий путь юбиляра, с другой – эпоху в науке, с которой этот путь неразрывно связан» [1, с. 4].

Раздел открывается статьей А.В. Головнёва «Антропология и этнология академика В.А. Тишкова» [3]. Эпоха российской истории последних десятилетий стала временем «калейдоскопической череды преобразований, включая, будто по заказу антрополога, все мыслимые сценарии социального действия: разрушение и становление власти, разгул насилия и рождения элит, крах идеологии и реванш богов, расцвет мистики и мифологии, размножение кооперативов, партий, сект, пирамид, академий. В XXI в. мир, тешивший себя доктриной “устойчивого развития”, столкнулся с изменчивостью, побуждающей разрабатывать стратегии не стабильности, а мобильности» [3, с. 6]. В этих условиях В.А. Тишков стал одним из сценаристов истории страны – в амплуа теоретика российской нации, как выдающийся ученый, академик, самый цитируемый в стране этнолог и антрополог, руководитель Отделения историко-филологических наук РАН, яркий общественный деятель (член Общественной палаты в 2006–2010 гг.) и политик (федеральный министр, председатель Государственного комитета по делам национальностей в 1992 г.). В результате его «хождения во власть», как считает А.В. Головнёв, «у науки этнологии появилось новое практическое измерение: прежде ее прикладная значимость нередко ограничивалась музейно-развлекательной экзотикой, ныне ее экспертиза востребована в стратегиях национального и глобального уровней» [3, с. 15].

Адекватный диагноз проблемы в любой научной работе требует хорошей теоретической базы, на которой строится стратегия действия, а теория стратегий действия и образует конструктивизм как методологию. Активная антропология или наука действия, включающая как извлечение знания из реальности, так и возвращения обработанного знания в реальность, представлена в книге

«Российский народ»¹. Российская нация, полагает Тишков, складывалась с петровских времен, когда слова «Россия и «россияне» вошли в политический и гражданский лексикон. Сегодня исследователю представляется привлекательной и формула «Россия – нация наций» или «российский народ это нация наций». Стратегически и политически этой формуле гражданского национализма противостоит деструктивный этнический национализм. Баланс политичности и этничности во многом обеспечивается соотношением русского и российского, способностью русскости принимать формат российскости во взаимодействии с другими народами.

Как лидер академического сообщества гуманитариев, Тишков не только сам использует, но и всемерно поддерживает мультиметодологичность, пришедшую на смену «единственно верного учения», отмечает А.В. Головнёв. В сфере организационных решений отечественные проблемы и зарубежные аналоги подтолкнули В.А. Тишкова к созданию в 1995 г. Ассоциации этнографов и антропологов России. С тех пор конгрессы ассоциации – их проведено уже 14 – проходят раз в два года в разных городах страны. Смена резиденций конгресса (с соответствующей ротацией президента) – не только тяга этнографов к путешествиям, но и поддержка местных исследовательских групп, вовлечение их в российское профессиональное сообщество. Интегрирующую роль для постсоветской этнографии сыграл целый ряд возглавляемых Тишковым публикационных проектов, прежде всего запущенная в 1992 г. серия «Народы и культуры» (опубликовано около 40 томов), в работе над которыми участвовали авторы из региональных научных центров и стран ближнего зарубежья.

В 2000 г. в РГГУ под началом В.А. Тишкова был открыт учебно-научный центр социальной антропологии (с 2005 г. – ассоциированная образовательная структура Института этнологии и антропологии РАН и РГГУ), который и стал штаб-квартирой, где разрабатываются общероссийские образовательные стандарты. Школа В.А. Тишкова «Разработка новых методов и подходов в области социально-культурной антропологии», действующая с 2004 г. и включенная в число ведущих научных школ Российской

¹ Тишков В.А. Российский народ. Кн. для учителя. – Москва : Просвещение, 2010. – 191 с.

Федерации, объединяет последователей его теоретических подходов. «Кроме того, ученый, пожалуй, самое “медийное” лицо среди антропологов и этнологов. Сегодня он приобрел еще один выразительный имидж – “кибер-академика”: он ведет свой сайт и страницу в Фейсбуке, где стекаются и обсуждаются новости научного мира» [3, с. 23].

В мессенджере Фейсбука 20 февраля 2021 г. интервью с академиком В.А. Тишковым провела его докторант Э.-Б.М. Гучинова. Транскрибированный текст был дополнен и стал основой статьи «Воображаемое – не значит выдуманное», в которой в ответ на многие вопросы звучит речь от первого лица, в авторских формулировках ученого [4].

М.Ю. Мартынова, одна из ведущих специалистов Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, анализирует основные направления деятельности Института в годы, когда В.А. Тишков был его директором. За четверть века работы ИЭА под руководством В.А. Тишкова институтом было издано более полутора тысяч книг. Существенно обновилась тематика исследований самого института. Со второй половины 1980-х годов усилилось внимание к исследованию так называемых этнонациональных процессов, в связи с чем в Институте был сделан акцент на изучение современных проблем общественной и политической жизни России и стран СНГ. Кроме проведенных исследований в ИЭА РАН была выполнена большая работа по созданию документального и визуального банков данных для последующего источниковедческого анализа. «Бесценной для последующих поколений исследователей можно считать серию “Национальные движения в СССР и на постсоветском пространстве”, в 110 томах которой под руководством ее автора и ответственного редактора М.Н. Губогло печатались документы, собиравшиеся в различных регионах страны. М.Н. Губогло также автор многочисленных трудов по межнациональным отношениям» [5, с. 52]. Серьезным достижением стало создание электронного фотоархива института с обеспечением внешнего доступа через Интернет к богатым собраниям фотографий, накопленных за столетие экспедиционной деятельности отечественных ученых. Наиболее уникальные среди них – фотографии русских экспедиций на Памир в конце XIX в., материалы

экспедиций в Арктику, акварели и рисунки художников, сделанные в 1950-е годы в экспедициях.

Х.В. Туркаев в статье «Гражданская и национально-государственная проблематика в трудах академика В.А. Тишкова» [8] высоко оценивает гражданскую позицию ученого в условиях кризиса в Чеченской Республике, получившую отражение в ряде его работ на рубеже XX–XXI вв.: «Пути мира на Северном Кавказе» (1999), «Общество в военном конфликте. Этнография чеченской войны» (2001). Фундаментальный труд о чеченском народе, коллективная монография «Чеченцы» (2012), подготовленный в ИЭА РАН в серии «Народы и культуры» стал первым трудом, где коллективными усилиями специалистов разных дисциплин максимально полно отражены основные этапы этнической истории чеченского народа. О комплексном подходе академика к постконфликтному возрождению Чечни, восстановлению положительного имиджа чеченского народа свидетельствует издание новых работ, посвященных истории, религии и философии чеченского народа, заключает Х.В. Туркаев.

Статья А.А. Плеханова «Антрополог в наукометрии и наукометрия антрополога: Валерий Александрович Тишков в отражении РИНЦ» [6] рассматривает не только персональные наукометрические данные одного из самых продуктивных авторов отечественного обществоведения, но и ключевые вопросы полемики о необходимости их использования. Важнейшими аргументами в их пользу автор считает «необходимость, во-первых, включения отечественной науки в мировые процессы и, во-вторых, создание объективной системы оценки качества науки и образования. В начале 2010-х годов логика наукометрии победила, и формулирующим язык разговора о количественных показателях в оценке качества развития отечественной науки стал Указ Президента РФ от 7 мая 2012 № 529 «О мерах реализации государственной политики в области образования и науки» и Распоряжение Правительства РФ от 30 апреля 2014 № 722-р «О плане мероприятий (“дорожной карты”) “Изменения в областях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки”» [6, с. 74]. Эти документы определили ключевую функцию наукометрии в качестве инструмента оценки как естественно-научных дисциплин, так и отечественного социогуманитарного

направления науки. Поддержанные менеджериальной логикой государственной бюрократии Министерства высшего образования и науки, рассчитываемые в индексах цитирования показатели научной деятельности становятся общепринятой практикой.

Академик В.А. Тишков занимает первое место из 22 201 зарегистрированного на 1 июля 2021 г. пользователя, учтенного Российским индексом научного цитирования (далее РИНЦ), имеющего публикации, основное содержание которых соответствует тематическому направлению «История», по числу цитирований по индексу Хирша (общее количество цитирований на 1 июля 2021 г. – 24 413, индекс Хирша на 1 июля 2021 г. – 57) [6, с. 75]. Так называемая нулевая гипотеза базируется на том, что РИНЦ в целом более или менее адекватно отражает сложившееся положение данных о количестве публикаций В.А. Тишкова и их цитирований. Для проверки автор проводит сравнительный анализ данных о публикационной активности профиля В.А. Тишкова на сайте eLIBRARY с его фактически существующими публикациями. Первым источником стали данные РИНЦ, представляющего собой российскую информационно-аналитическую систему, аккумулирующую более 11 млн публикаций российских авторов. Второй источник – специализированная серия ИНИОН РАН «Валерий Александрович Тишков : материалы к биобиблиографии ученых». (История, 41 выпуск), в которой каталогизировано подавляющее большинство работ В.А. Тишкова с 1967 по 2016 гг. и поэтому она представляет собой наиболее полную биобиблиографию исследователя за данный период.

Сравнение данных обоих источников свидетельствует скорее в пользу нулевой гипотезы, т.е. РИНЦ отражает картину публикационной активности исследуемого автора. Но вместе с тем выявляются недопредставленность некоторых категорий работ, связанная с отсутствием оцифрованных архивов ряда научных журналов, ежегодников и коллективных монографий, являющихся важными формами представления знания в гуманитарных науках. Для оптимизации ситуации ученых призывают предпринимать самостоятельные усилия для пополнения своих наукометрических показателей, восстанавливая данные о публикациях, вышедших в советский период, т.е. до времени обязательной фиксации в электронных наукометрических базах данных. Подобного рода задача

восстановления и переосмысления научных традиций советского прошлого в целом может быть решена только крупными академическими институтами. Такого рода задача, по мнению автора, может быть поставлена «перед возрожденным из пепла» Институтом научной информации по общественным наукам (ИНИОН РАН), который при определенных условиях мог бы содействовать оцифровке и реактуализации уже опубликованных материалов. «Исследование феномена репрезентации публикационной активности академика РАН В.А. Тишкова подтверждает насущное требование обращения самих авторов и редакций журналов к наукометрии. В ситуации, когда наука во многом полностью строится на оцифрованных базах данных – дополнение и работа с собственными профилями в соответствующих сервисах, поиск и исправление неправильных ссылок в разных наукометрических базах оказывается своего рода этической задачей, решение которой необходимо не только в интересах конкретного ученого, но всего научного сообщества Российской Федерации» [6, с. 82].

Подробно изучив репрезентацию публикационной активности В.А. Тишкова в отечественных наукометрических базах данных, в следующей своей публикации А.А. Плеханов сравнивает их с мировыми аналогами [7]. Наивысший индекс Хирша (68 пунктов) и наибольшее число цитирований (30 821 шт.) фиксируется по данным всех публикаций на eLIBRARY.RU. Причина такого положения достаточно проста, в научную электронную библиотеку eLIBRARY.RU входит более широкий, чем в РИНЦ, охват текстов, авторы которых активно ссылаются на тексты В.А. Тишкова, при этом сами тексты, не входящие в РИНЦ, но индексируемые в eLIBRARY.RU, могут не являться научными публикациями как таковыми.

Если говорить о показателях по международным базам данных, то наивысших значений они достигают в системе «Google Scholar». Индекс Хирша составляет 60 пунктов, а число цитирований – 23 562. Причина такого положения дел, видимо, в более совершенном механизме агрегации Google Scholar существующих наукометрических баз данных, в число которых помимо РИНЦ входят: WoS, Scopus, AGRIS, Chemical Abstracts Service, PubMed, MathSciNet и др. При этом Google Scholar не является наукометри-

ческой базой данных как таковой, а скорее наиболее продвинутым агрегатором научных баз данных [7, с. 93].

В базах данных Web of Science и Scopus, включающих в себя по большей части англоязычные материалы, результаты публикационной активности В.А. Тишкова представлены более скромно. Согласно данным Web of Science, учитывается лишь 79 авторских публикаций с общим числом цитирований 195. В Scopus и того меньше – 39 публикаций, но с несколько большим количеством цитирований – 207 шт. При этом индекс Хирша составляет 6 и 7 пунктов соответственно [7, с. 94].

Подводя итоги, А.А. Плеханов приходит к нескольким заключениям. Ключевые публикации В.А. Тишкова по большей части включены в наукометрические базы данных, в то же время значительная часть неучтенных публикаций В.А. Тишкова демонстрирует нам, что большое число публикаций по разным причинам оказалось непроиндексированы в этих базах данных научного наследия. Таким образом, перед российским научным сообществом стоит задача оцифровки архивов и индексации хотя бы ключевых дисциплинарных журналов, как минимум, за советский период.

Наукометрические данные публикационной активности В.А. Тишкова во многом подтверждают выводы, сделанные С.В. Соколовским о развитии отечественной антропологической науки. Он отмечает «рост числа теоретических публикаций», и действительно, топ наиболее цитируемых журнальных статей В.А. Тишкова возглавляют статьи именно такого характера. Следующим его выводом было обозначение тенденции на преобладание «обществоведческих» исследований над «культуроведческими». Здесь также наукометрические данные В.А. Тишкова идут в русле общей тенденции, большая часть работ В.А. Тишкова посвящена обществам, а не сообществам или культурам. «Наконец Соколовский отмечает значительный вклад пограничных дисциплин, практически равный совокупному продукту собственно этнографических исследований. Большинство работ В.А. Тишкова так или иначе находятся на стыке антропологии, истории, политической науки и социологии. Также публикации демонстрируют то, что представители антропологического знания не смогли, в отличие, например, от социологов, значимо усилить свою агентность и сепарировать от исторической науки, таким образом, они подспе-

чивают продолжающуюся институциональную экспансию исторической науки в отношении отечественной антропологии», – заключает А.А. Плеханов [7, с. 96–97].

Список литературы

1. Антропология и этнология : современный взгляд / отв. ред. А.В. Головнёв, Э.-Б.М. Гучинова. – Москва : Политическая энциклопедия, 2021. – 559 с.
2. Валерий Александрович Тишков. – Изд. 3-е, испр. и доп. – Москва : ИНИОН РАН, 2021. – 345 с. – (Материалы к биобиблиографии ученых. История ; вып. 45).
3. Головнёв А.В. Антропология и этнология академика В.А. Тишкова // Антропология и этнология: современный взгляд / отв.ред. А.В. Головнёв, Э.-Б.М. Гучинова. – Москва : Политическая энциклопедия, 2021. – С. 6–25.
4. Гучинова Э.-Б.М. «Воображаемое – не значит выдуманное» // Антропология и этнология : современный взгляд / отв. ред. А.В. Головнёв, Э.-Б.М. Гучинова. – Москва : Политическая энциклопедия, 2021. – С. 26–43.
5. Мартынова М.Ю. Российская наука и Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН в 1990–2015 гг. // Антропология и этнология : современный взгляд / отв.ред. А.В. Головнёв, Э.-Б.М. Гучинова. – Москва : Политическая энциклопедия, 2021. – С. 44–62.
6. Плеханова А.А. Антрополог в наукометрии и наукометрия антрополога : Валерий Александрович Тишков в отражении РИНЦ // Антропология и этнология : современный взгляд / отв.ред. А.В. Головнёв, Э.-Б.М. Гучинова. – Москва : Политическая энциклопедия, 2021. – С. 74–82.
7. Плеханов А.А. Наброски к наукометрическому портрету в контексте анализа библиографии В.А. Тишкова // Валерий Александрович Тишков. – Изд. 3-е, испр. и доп. – Москва : ИНИОН РАН, 2021. – С. 65–98. – (Материалы к биобиблиографии ученых. История ; вып. 45).
8. Туркаев Х.В. Гражданская и национально-государственная проблематика в трудах академика В.А. Тишкова // Антропология и этнология : современный взгляд / отв.ред. А.В. Головнёв, Э.-Б.М. Гучинова. – Москва : Политическая энциклопедия, 2021. – С. 63–73.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 711-1; 711.01/.09; 94(47).066–083; 94(47–12/13)

БАБЕНКО О.В.* Рец. на книгу : ВІД МУРІВ ДО БУЛЬВАРІВ : ТВОРЕННЯ МОДЕРНОГО МІСТА В УКРАЇНІ (КІНЕЦЬ ХVІІІ – ПОЧАТОК ХХ ст.) / Гол. редкол. В.А. Смолій ; кер. авт. кол. О.П. Реєнт. – Київ : Ін-т історії України НАН України, 2019. – 608 с. DOI: 10.31249/rhist/2022.02.09

Ключевые слова: градостроительство на Украине, конец ХVІІІ – начало ХХ в.; историческая урбанистика; украинский город.

Keywords: urban planning in Ukraine, late 18th – early 20th century; historical urbanism; the Ukrainian city.

Для цитування: Бабенко О.В. [Рец.] // Соціальні та гуманітарні науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5 : История. – Москва : ИНИОН РАН, 2022. – № 2. – С. 146–155. Рец. на книгу : Від мурів до бульварів : Творення модерного міста в Україні (кінець ХVІІІ – початок ХХ ст.) [От стен до бульваров : создание современного города на Украине (конец ХVІІІ – начало ХХ столетия)] / Гол. редкол. В.А. Смолій ; кер. авт. кол. О.П. Реєнт. – Київ : Ін-т історії України НАН України, 2019. – 608 с. DOI: 10.31249/rhist/2022.02.09

Рецензируемая коллективная монография, вышедшая в издательстве Института истории Украины НАН Украины, предназначена прежде всего для специалистов по истории городов нового времени. Она рекомендована в первую очередь тем, кто исследует градостроительство Украины, Польши, Литвы и Беларуси. Впе-

* Бабенко Оксана Васильевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: o.v.babenko@mail.ru

чатляет авторский коллектив издания: в создании книги приняли участие 16 известных ученых из Института истории Украины и различных украинских университетов. Высокая квалификация авторов позволила им создать первый фундаментальный и системный научный труд по градостроительству на Украине конца XVIII – начала XX в. Ранее выходили лишь исследования на достаточно узкие или специфические темы, связанные с развитием украинских городов¹.

Создание современных городов в украинских губерниях Российской империи связано с индустриализацией, быстрым экономическим развитием крупных населенных пунктов и появлением новых социальных слоев. Эта связь нашла отражение в 17 тематических главах монографии. Помимо отдельных аспектов рассматриваемой проблематики в них представлена современная историография истории украинского города конца XVIII – начала XX в. В целом же авторы сконцентрированы на основных составляющих вышеуказанной темы. Процесс создания каждого украинского города рассматривается в европейском либо мировом контексте, что очень важно для понимания региональных особенностей градостроительства.

Предисловие и послесловие монографии написаны ее ответственным редактором чл.-корр. НАН Украины А.П. Реентом (Институт истории Украины НАН Украины). Нельзя не согласиться с ним в том, что города Украины – это «весьма сложные объекты для познания и изучения», и авторам книги было довольно трудно найти общую методику их исследования (с. 5). Действительно, украинская урбанистика еще находится на стадии своего становления и содержит больше вопросов, чем ответов. Тем не менее А.П. Реент выражает надежду на то, что в развитии всех украинских городов можно найти общие черты. Это, с его точки зрения, и призвана доказать рецензируемая монография (с. 6).

¹ См.: Горбачев В.П. Городская реформа 1870 года в Украине. – Донецк : Донецкий юрид. институт ЛГУВД. Межд. ассоциация историков права, 2008. – 320 с.; Прищеп О. «Місця зустрічі»: культурне доквілля міст Правобережної України (кінець XVIII – початок XX ст.). – Рівне : М. Дятлик, 2019. – 688 с.; Шандра В.С. Міщанські органи станового самоврядування в Україні (кінець XVIII – початок XX ст.). – Київ : Інститут історії України НАН України, 2016. – 344 с. і др.

Главы книги объединены в шесть частей. В первой рассматривается современная украинская историография истории украинского города XIX в. (автор – В. Шандра). Следует отметить, что данная часть отличается комплексным подходом к проблеме современной историографии: автор пишет об учреждениях, исследующих историю украинского города, о профильных научных изданиях, а затем о наиболее значимых историках-урбанистах. Отмечается, что в последние годы проводились конференции по истории украинского города. Так, например, Центр исследования истории Подолья организовывал конференции в г. Хмельницком, а научно-краеведческое общество «Великая Волянь» – в г. Житомире. Однако В. Шандра по непонятным причинам не пишет о том, что до 2019 г. (года выхода рецензируемой книги) в Днепровском национальном университете им. О. Гончара по крайней мере трижды проводились всеукраинские конференции на тему: «Урбанистические студии: современное состояние и перспективы развития»¹.

Автор отслеживает появление новых профильных учреждений и подразделений на Украине. Так, в Бердянском государственном педагогическом университете в 2012 г. появился Научно-исследовательский институт исторической урбанистики, издающий собственный историко-культурный альманах «Фронтиры города». В 2015 г. начал свою деятельность Центр урбанистических студий при Национальном университете «Киево-Могилянская академия». Тем не менее В. Шандра обходит вниманием образовательную программу «Урбанистические студии», представленную в Харьковском национальном университете им. В.Н. Каразина 26 июня 2018 г.²

По мнению В. Шандры, интересные статьи по истории украинского города XIX в. встречаются на страницах электронного журнала «Город: история, культура, общество» (с. 11). Трудно не согласиться с перечнем современных историков украинского города, который присутствует в этой части книги. В. Константинова, Д. Черный, С. Есюнин, О. Прищепа, Т. Портнова, В. Кравченко,

¹ См.: https://www.dnu.dp.ua/ru/kafedra_sociologii (дата обращения: 10.12.2021)

² См.: https://univer.kharkov.ua/ru/general/univer_today/news (дата обращения: 10.12.2021)

В. Маслийчук и некоторые другие авторы действительно внесли заметный вклад в украинскую историческую урбанистику. Однако их труды не позволяют дать ответы на целый ряд вопросов. Какова была роль города в промышленной модернизации общества? Какое влияние оказывал большой город на социальные и экономические изменения на селе и в маленьких городах? Каковы были особенности взаимодействия города и деревни в конце XVIII – начале XX в.? И это далеко не все вопросы, которые пока еще не получили надлежащего освещения в украинской научной литературе. Тем не менее, как справедливо отмечает В. Шандра, «в последние годы существенно вырос интерес историков к городу, идет активный процесс накопления знаний, фактографических данных, фиксирования событий и явлений, выяснения общих и региональных особенностей городов на Украине, однако концептуальное обобщение собранных данных заметно от него отстают» (с. 26).

Вторая часть книги посвящена политике управления городами (авторы: Ю. Глизь, В. Шандра). Следует признать необходимым и удачным выделение таких вопросов, как ликвидация в украинских городах остатков магдебургского права и введение самоуправления по российскому образцу, а также формирование городского самоуправления на Украине в 1870–1914 гг. Анализ вышеуказанных проблем начинается с городской реформы Екатерины II, что позволяет проследить становление современного украинского города от его истоков. Именно в екатерининское время были заложены основы современного градостроительства. Как отмечает канд. ист. наук А.В. Белов (ИРИ РАН), «формируя новую городскую сеть страны, императрица... стремилась создать город, соответствующий реалиям Нового времени, отказаться от пережитков прошлого не только в сословной структуре... но и добиться перестройки в сфере исполнения городом приписанных ему функций»¹. Украинские исследователи разделяют мнение российского историка. И это не случайно: ведь только в ходе реформы Екатерины Великой города Российской империи впервые получили систему благоустройства, заработала полиция и пожарные службы.

¹ Белов А.В. Реформа города Екатерины II: замысел, процесс реализации и результаты (по материалам губерний Центральной России) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2018. – Т. 20, № 1/3(83). – С. 42.

К достоинствам данной части книги следует отнести подробное рассмотрение причин реформы города Екатерины II и ее сути. Не вызывает сомнений и выделение в отдельную проблему реформирования городов Слободской Украины в связи с учреждением в 1780 г. Харьковского наместничества. Отмечены также вопросы о создании новых городских органов власти в малороссийских городах, об организации управления городами Юго-Западного края, о городских властях юга и юго-востока Украины.

Некоторые недостатки видны лишь в главе о формировании городского самоуправления на Украине в 1870–1914 гг. Действительно ли представительство в муниципальных органах власти осуществлялось по аналогии с городскими законами европейских стран, о чем писала российская исследовательница В.А. Нардова?¹ В. Шандра и Ю. Глизь касаются этого вопроса, но четкого ответа на него не дают. В целом же в данной главе весьма подробно освещается процесс формирования городского самоуправления на солидной источниковой базе (архивные материалы Гос. архива Киевской области, ЦГИАК Украины и др.). Внимание читателей обращается даже на второстепенные факты. Так, например, мы узнаем, что первым городом Волыни, получившим право на собственную Городскую думу, стал Житомир (с. 89). В связи с этим возникает вопрос: какие города в каждой исторической области Украины стали первыми в этой сфере? Но авторы не рассматривают города каждой исторической области в отдельности. Тем не менее они квалифицированно освещают особенности выборов городских властей и выстраивают связь между выборами и деятельностью городских руководителей.

В третьей части город рассматривается как экономический центр (авторы: И. Довжук, А. Реент). Здесь делается упор на следующие проблемы: региональные особенности промышленного развития городов и городков Подолья, индустриальная и урбанизационная картина в городах Донбасса, город как центр развития торговли. А. Реент приводит немало значимых фактов, подкрепляя их малоизвестной либо впервые публикуемой информацией.

¹ См.: Нардова В.А. Городское самоуправление в России после реформы 1870 г. // Великие реформы в России. 1856–1874 : сборник / под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1992. – С. 222.

Так, например, в Подольской губернии экономика базировалась прежде всего на сельскохозяйственном производстве, но большое значение имели и городские предприятия, которые занимались переработкой сырья (с. 126). До 1860-х годов на первом месте по продуктивности находилось винокурение. Позднее его опередила сахарная промышленность. Реент пишет также о значении купеческих фабрик в развитии украинской дореформенной промышленности, но точно указывает, что первым на финансовую базу промышленности в виде купеческих капиталов обратил внимание исследователь М.Е. Слабченко¹ (с. 127). Большой интерес представляют архивные данные о количестве предприятий Подолья, численности заводских и фабричных рабочих, об увеличении количества сахарных заводов в 1870-е годы (с. 135). Специалистам будет интересна также ранее неизвестная информация о количестве винокурен, взятых в аренду в эти годы горожанами еврейской национальности (с. 137).

История городов Донбасса связана с развитием тяжелой промышленности, о чем пишет И. Довжук (с. 143). Еще в конце XVIII в. в Донецком бассейне начал формироваться угольно-металлургический комплекс. В 1860–1870-х годах в регионе увеличилась концентрация промышленных рабочих в городах. А на рубеже XIX – начала XX в. здесь образовалась самая разветвленная на Украине сеть промышленных городов и рабочих поселков. В этой главе приводятся новые архивные данные о количестве работников Луганского литейного завода в 1799 г. (с. 152). Кроме того, автор опубликовал заслуживающие внимания сведения о создании в конце XIX в. комиссий для выяснения причин несчастных случаев и пересмотра правил проведения горных работ на каменноугольных рудниках (с. 157).

Если вернуться к основным функциям городов, то они были также, по меткому выражению А.П. Реента, «сердцем» украинской торговли (с. 167). Впрочем, такое же назначение они выполняли и в других странах Европы. Торговля оказывала влияние на экономическую и общественную жизнь городов. Большое количество торговых путей было сосредоточено на Левобережной Украине.

¹ См.: Слабченко М.Е. Матеріали до соціально-економічної історії України XIX століття. – Одеса : Держ. вид-во України, 1925. – Т. I. – С. 205.

Они проходили через Чернигов, Глухов, Новгород-Северский, Киев, Стародуб и Козелец. Экспорт левобережных товаров проходил северным, западным и южным сухопутными путями. Одним из достоинств данной главы являются почерпнутые Реентом в архиве новые сведения о том, что главные «чумацкие шляхи» пересекали Балту, Кривое озеро, Богополь и Вознесенск. Они пролегали через все черноморские и азовские порты, включая Одессу (с. 168).

Четвертая часть монографии посвящена этносоциальному составу городского населения украинских губерний Российской империи, профессиональной структуре населения городов, городскому предпринимательству и уровню жизни горожан (авторы: Н. Бацак, Т. Водотыка, В. Любченко, В. Молчанов). Как следует из книги, в первой половине XIX в. главным критерием для определения этнической структуры населения городов было вероисповедание, а во второй половине века – родной язык (с. 188). При этом украинский и белорусский языки считались наречиями русского языка. Здесь публикуются также важные сведения о том, сколько процентов от общего числа населения составляли горожане конкретных украинских земель (с. 197, 202, 204, 210 и др.), данные о национальном составе отдельных городов (с. 197–198 и др.), анализируется информация о миграционных потоках внутри Украины (с. 198–199 и др.).

Социальная структура городов также представлена по конкретным историческим землям или губерниям. Так, например, в Подольской губернии городское население, по данным на 1897 г., состояло в основном из мещан (74,18%). Далее с небольшими процентными показателями идут селяне, дворяне, купцы, духовенство и др. (с. 221). Информация о профессиональной структуре городского населения Украины дается таким же образом и вопросов не вызывает. Обстоятельно освещаются и такие проблемы, как истоки городского предпринимательства, его развитие во второй половине XIX – начале XX в., уровень жизни горожан в связи с социально-экономическими условиями проживания в городах.

В пятой части книги рассматривается внедрение новых транспортных средств и общественных услуг в украинских городах (авторы: А. Доник, В. Шевченко, А. Шляхов). К атрибутам современного города А. Доник справедливо относит водоснабжение, канализацию и электротранспорт. Соответственно, распростра-

ненными профессиями были водовоз и водитель. Со второй половины XIX в. в украинских городах стало появляться централизованное водоснабжение (с. 339). А в фондах Гос. архива Киева сохранились материалы о протяженности киевской канализации – 75,3 км, по данным на 21 декабря 1894 г. (с. 348).

Большой интерес представляет глава В. Шевченко о благоустройстве украинских городов, под которым понималось прежде всего замощение и электрификация улиц и площадей. В Киеве, например, как отмечает украинский историк А.Н. Макаров, изначально мостили улицы древесиной, но она уничтожалась во время пожаров, и в 1811 г. был введен запрет на ее использование¹. В. Шевченко сравнивает Киев с Москвой и Петербургом, где улицы начали мостить камнем еще в XVIII в.

Шестая часть посвящена просвещению, культурным достижениям и быту украинских горожан (авторы: О. Вильшанская, И. Коляда, О. Крыжановская, А. Лысенко, В. Милько). Большое внимание уделяется формированию сети общеобразовательных средних школ, в связи с чем рассматриваются реформы в сфере образования. Однако было бы правильнее уравновесить информацию о среднем образовании со сведениями о системе высшего образования. Справедливым представляется выделение в качестве отдельных проблем жестких мер эпохи Николая I, либерализации образования во второй половине 1850-х – 1860-е годы, контрреформ последней трети XIX в. и состояния городского образования в конце XIX – начале XX в. Следует отметить, что новизна содержания этой главы заключается в широком использовании украинских материалов, в том числе ЦГИАК Украины. Архивные документы позволили, в частности, установить в какое время и в каких городах появились первые народные училища Украины (с. 439).

В отдельной главе рассматривается деятельность культурно-просветительских обществ в крупных городах Украины (Киеве, Одессе, Екатеринославе, Чернигове, Житомире и др.) и в небольших населенных пунктах. Особо выделяется екатеринославское общество «Просвещение», основанное в 1905 г. По мнению А. Лысенко и И. Коляды, оно достигло в своей сфере деятельности

¹ См.: Макаров А.Н. Малая энциклопедия киевской старины. – 2-е изд. – Киев : Довіра, 2005. – С. 368–369.

«наибольших успехов» (с. 470). К научным удачам авторов можно, безусловно, отнести обнаружение архивных материалов, позволяющих установить точный состав правления общества «Просвещение» (с. 477).

Совершенно справедливым представляется нам включение в книгу главы о театральной жизни в украинских городах. Как верно замечает ее автор, О. Крыжановская, театральному искусству принадлежала особая роль в городе, так как театр «был зеркалом, отражавшим культурный уровень общества» и выполнял «важную коммуникативную функцию» (с. 488). Она выделяет разные этапы развития театра – от любительского и частной антрепризы до профессионального. При этом Крыжановская делает важную оговорку: до 1880-х годов украинский театр не был самостоятельным, а являлся частью русского и польского театров (там же). Она видит на театральной сцене того времени борьбу трех национальных проектов – польского, русского и украинского. Роль театра в городе рассматривается в самом широком контексте, вплоть до политического, приводится социальный состав публики, учитываются все аспекты, которые необходимо проанализировать в подобном исследовании.

Не менее интересной является глава о семье и браке в украинских городах рубежа XIX–XX вв. В то время представления городских жителей о семье претерпели существенные изменения. Как справедливо отмечает О. Вильшанская, горожане сознательно стремились к созданию семьи и рождению детей, браки заключались между ровесниками, в семьях не было социальных и национальных предрассудков, труд женщины и ее стремление обеспечивать себя самостоятельно воспринимались как нормальные явления (с. 519). Семьи стали более мобильными и нередко переезжали не только из провинции в центр, но и в обратном направлении. Кроме того, 3–4 месяца в году городская семья проводила на дачах или в загородных имениях. Некоторые семьи выезжали на лето на курорты Крыма, Кавказа или за границу. Город же воспринимался в теплое время «как ячейка нездоровья» (с. 520). Заслуживает внимание вывод автора: на рубеже XIX–XX вв. семья украинского горожанина из замкнутой структуры превратилась в ячейку общества (с. 521).

В послесловии А.П. Реент делает закономерный вывод о том, что уникальность и неповторимость украинских городов связана с их пребыванием в составе разных государств, со спецификой политического строя последних, с особенностями географического положения городов, временем их возникновения и функциональным назначением. Это влияет на выбор подходов к изучению конкретного города и на достижение цели создания целостной картины прошлого украинских городов (с. 556). И данная цель действительно была в значительной степени достигнута коллективом авторов анализируемой книги.

Таким образом, рецензируемая монография отличается научной новизной и обстоятельностью. Она является существенным вкладом в историческую урбанистику. В научный оборот было введено немало новых архивных документов. Тем не менее авторы игнорируют такие вопросы, как роль города в промышленной модернизации общества, влияние городов на социальные и экономические изменения в сельской местности, особенности взаимодействия между городом и деревней. На сегодняшний день эти проблемы практически не освещаются в украинской литературе и ждут своего исследователя. Более того, изучение развития собственно украинского города требует открытия на Украине новых профильных учреждений и подразделений, а также налаживания сотрудничества украинских исследователей с учеными из России, Польши, Беларуси и других стран. Совершенно очевидно, что усилий таких учреждений, как, например, Центр исследования истории Подолья, научно-краеведческое общество «Великая Волынь» и Научно-исследовательский институт исторической урбанистики в г. Бердянске недостаточно для проведения фундаментальных и всесторонних исследований.

УДК 303.929; 323.3; 94(47).072–082

ДУНАЕВА Ю.В.* Рец. на книгу: УЛЬЯНОВА Г. КУПЧИХИ, ДВО-
РЯНКИ, МАГНАТКИ. ЖЕНЩИНЫ-ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬНИ-
ЦЫ В РОССИИ XIX в. – МОСКВА : НЛО, 2021. – 352 с. – (Что
такое Россия). DOI: 10.31249/rhist/2022.02.10

Ключевые слова: экономическая история Российской импе-
рии XIX в.; предпринимательство; женская история; женщины-
предпринимательницы.

Keywords: economic history of the Russian empire 19th century;
business; women's history; women business.

Для цитирования: Дунаева Ю.В. [Рец.] // Социальные и гуманитар-
ные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. –
Москва : ИНИОН РАН, 2022. – № 2. – С. 156–162. Рец. на книгу :
Ульянова Г. Купчихи, дворянки, магнатки. Женщины-
предпринимательницы в России XIX века. – Москва : НЛО, 2021. –
352 с. – (Что такое Россия).
DOI: 10.31249/rhist/2022.02.10

В изучение женского предпринимательства значительный
вклад внесла д-р ист. наук Галина Николаевна Ульянова (ИРИ
РАН). Она – одна из ведущих исследовательниц истории благо-
творительности и предпринимательства в России, автор семи книг
и ряда статей.

Следует отметить, что в отечественной историографии от-
правной точкой истории женщин можно назвать книгу историка-
медиевиста, социального антрополога, д-ра ист. наук Н.Л. Пушка-
ревой (ИЭА РАН, президент РАИЖИ) «Женщины Древней Руси»

* Дунаева Юлия Вячеславовна – кандидат исторических наук, старший
научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общест-
венным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: dunaeva@inion.ru

(1989). Автор – основоположник отечественной гендерной и женской истории. А в англоязычной историографии, к примеру, тема женщин-предпринимательниц стала разрабатываться в рамках истории женщин в 1960-е годы. Её задачей было сделать женщин «видимыми», то есть изучить их вклад в мировую историю. Знаковым моментом в истории женщин стало исследование М. Маррезе «Бабье царство. Дворянки и владение имуществом в России (1700–1861)»¹. Исследовательница своей книге особо выделила в юридический парадокс, подчеркнув, что в России дворянки пользовались привилегией, неведомой европейским женщинам: начиная с середины XVIII в., замужние российские дворянки могли владеть и распоряжаться имуществом независимо от своих мужей. Однако в социальном плане женщина была полностью подчинена мужу или отцу, иными словами, социальный статус и имущественный не совпадали.

Книга Г.Н. Ульяновой посвящена женщинам, представительницам разных социальных слоёв, которых объединяло то, что они были предпринимательницами. Исследование состоит из двух глав: в первой главе рассматривается и анализируется женское предпринимательство, вторая глава – это краткие биографические очерки женщин-предпринимательниц от богатейшей владелицы текстильных фабрик Марии Фёдоровны Морозовой до купчихи из Тотьмы Надежды Матвеевны Шергиной, управлявшей писчебумажной фабрикой, унаследованной от отца.

В исследовании приводятся статистические и биографические данные, придающие тексту весомость. Особенно следует отметить удачное использование архивных и малоизученных материалов. Прекрасный научный язык сочетается с логичной структурой книги, тщательно и скрупулезно изучен и использован широкий круг источников и научной литературы.

Исследование посвящено анализу отношений женщин к богатству – унаследованному или заработанному; автор описывает специфические трудности, связанные с выбором женщинами стратегии собственного бизнеса, рассказывает про их удивительное

¹ Marrese M.L. A Woman's Kingdom: Noblewomen and the Control of Property (1700-1861). – Cornell : Cornell University Press. 2002. – 296 p. См.: Большакова О.В. История России в гендерном измерении : современная зарубежная историография / ИНИОН, РАН. – Москва, 2010. – С. 1, 2, 30.

умение сочетать женскую мягкость в семейных отношениях и твёрдость в бизнесе.

Историк сразу подчёркивает, что предпринимательством занимались не только дворянки, в том числе богатые представительницы высшего света, как, например, княгиня Наталья Петровна Голицына (1741 или 1744–1837), но и мещанки, казачки, жены и дочери священнослужителей, учителей и т.п. Примером женского предпринимательства первой половины XVIII в. для автора послужила Татьяна Коробейникова (жена купца 1-й гильдии Алексея Коробейникова). Она была владелицей лавки в Москве в шапочном женском ряду, пишет историк.

У женщины было несколько вариантов, как попасть в купеческий слой, отмечает Г.Н. Ульянова. Самым простым было наследование, например, от умершего мужа или от умершего отца. Сложнее было крестьянам, здесь приходилось выплачивать значительные деньги, чтобы освободиться от власти помещика и в течение нескольких лет платить наряду с купеческими и крестьянские налоги. Поэтому накопление необходимых средств длилось десятилетиями.

Что касается имущественного положения женщины, то законы Российской империи фиксировали зависимость женщины от мужчины: жены от мужа, дочери от отца. Но в то же время в законах провозглашалось право женщины вести предпринимательскую деятельность. Автор констатирует, что российские предпринимательницы были более свободными в этом плане, чем европейские женщины. В 1753 г. был издан закон, согласно которому жёны могли продавать собственное имение, не спрашивая разрешения мужа. Супруги могли вступать между собой в отношения купли–продажи, передачи имущества по дарственной, более того, каждый из них мог вести бизнес независимо друг от друга.

Автор особо отмечает важность закона 1857 г. «О дозволении выдавать купеческим женам свидетельства для производства отдельной от мужа их торговли», согласно которому подтверждалось право замужних женщин вести торговлю. При этом понятие торговли трактовалось очень широко – под торговлей понимались все виды предпринимательской деятельности, вплоть до владения фабриками и заводами.

О выполнении пунктов принятого законодательства свидетельствуют конкретные факты, приведенные автором. Так, в 1830-е годы купчиха 2-й гильдии Авдотья Шомова владела фабрикой хлопчатобумажных тканей и сама торговала продукцией. Её муж продавал ситцы производства других фабрик. Авдотья имела два дорогостоящих дома, где проживала с мужем, который, впрочем, не имел никаких прав на это имущество. Всё свое имущество купчиха завещала сыну от первого брака, а не мужу. Свобода женщины в бизнесе благоприятно сказалась и на российском предпринимательстве, и на положении женщины в обществе в целом, замечает автор.

Г.Н. Ульянова внимательно рассматривает вклад дворянок-предпринимательниц в развитие фабричного дела. Финансовые возможности представительниц этого социального слоя позволяли им раньше других сословий заняться бизнесом. Изучение их вклада в предпринимательство дало возможность автору опровергнуть два сложившихся стереотипа: первый – что бизнесом занимались только представительницы купеческого сословия, второй – что женщины получали или наследовали предприятия только от мужа. Г.Н. Ульянова приводит следующие данные: в первой половине XIX в. дворянки – владелицы фабрик составляли почти половину всех фабриканток. В 50% случаев они наследовали имущество от родителей и только в 20% случаев – от мужа. Отметим, что автор особо обратил внимание на то, что среди них были представительницы высших слоёв аристократии: Волконские, Вяземские, Голицыны и др.

В начале XIX в. вторую позицию после дворянок занимали купчихи-предпринимательницы. Чаще всего они наследовали предприятие от мужа, но были и основательницы фабрик из числа незамужних и семейных женщин. Что касается отраслей производства, то заметно преобладали хлопчатобумажные фабрики, большая часть их находилась в городах, но были и фабрики, располагавшиеся в фабричных посёлках, где работали вольнонаёмные рабочие. Фабрики различались по объёму производства и количеству работников. По данным на 1814 г., крупнейшая фабрика была в Вязниках, ей владела купчиха Катерина Шелапутина вместе с мужем. На фабрике работали 215 рабочих. А на платочной фабрике купчихи Аграфены Митюшкиной в Гжатске работали 26 человек.

Автор приводит краткую статистику Московской губернии, оценивая её как наиболее развитую в промышленном отношении. На территории губернии располагалось 15% всех промышленных предприятий страны. По данным на 1832 г., купчихам-предпринимательницам принадлежало 33 из 57 промышленных предприятий, которыми владели женщины. Из них 25 были текстильными (9 шелковых, 8 ситценабивных, 7 бумаготкацких, 1 суконное), 2 – колокольными, 2 – по производству сальных свечей, 1 – по производству воска, 1 – кожевенное, 1 – химическое, 1 – золотопрядильное, приводит сведения автор.

Исследовательница выделяет особую категорию тех, кто зачастую начинал предпринимательство или торговлю «с нуля»: солдаткам, вдовам, крестьянкам и т.п. Как показывают данные за 1814 г., из 165 владелиц фабрик 20 были из мещан, 4 крестьянки, солдатка и казачка. А по сведениям за 1832 г., из 484 владелиц фабрик было 48 мещанок (10%), 16 крестьянок и одна солдатка. В основном мещанки владели небольшими мастерскими, где трудились от одного до двадцати рабочих. Что касается более крупного производства, то это могли быть кожевенные предприятия, мыловарни и свечносальные мастерские. Мещанки, поясняет автор, происходили из низшей городской страты и платили в казну минимальные подати. По финансовым причинам им было сложно подняться выше по социальной лестнице, поскольку переход в купечество требовал значительных капиталовложений.

Автор показывает, как эпоха Великих Реформ отразилась на предпринимательстве. Во-первых, собственники проводили массовую механизацию крупных промышленных предприятий. Во-вторых, была создана система кредитных отношений между поставщиками сырья, производителями товара и потребителями. К этому следует добавить, что в стране шёл процесс урбанизации, люди массово переселялись в города, росло количество предприятий, обслуживающих городское население. Усложнилась и увеличилась система массового потребления товаров, то, что в деревне можно было изготовить дома (продукты питания, одежду и т.п.), теперь надо было покупать. Быстро росло количество заводов и фабрик, увеличивалась городская торговля. Конечно, в эти годы возросло число женщин, занятых в производстве. Историк приводит статистические данные: наиболее интенсивно количество

женщин-предпринимательниц росло в Московской и Санкт-Петербургской губерниях. По данным за 1863 г., из 15 ведущих российских фабриканток шесть вели дело в Москве и две в Петербурге. При этом оборот у предприятий был более 100 тыс. руб.

Не остались без внимания Г.Н. Ульяновой и женщины-служащие. В 1871 г. был принят закон «О допущении женщин на службу в общественные и правительственные учреждения». В этом законе прямо говорилось о важности женского труда в различных сферах, речь шла об акушерках, учительницах, телеграфистках, счетоводах и т.п. Хотя, отмечает автор, отдельные женщины-профессионалы трудились в этих областях с 1820-х годов. Теперь же речь шла о том, что эти профессии поддерживались государством и становились массовыми.

В сборнике законов «Женское право», который вышел в 1873 г., были собраны все законодательные акты, касающиеся женского труда. Согласно законодательству, женщины получали те же права, что и мужчины. Они могли брать купеческие свидетельства или служить приказчицами. Более того, для женщин предполагались налоговые послабления. Вдовы и дочери священнослужителей, незамужние женщины, вдовы солдат могли заниматься мелочной торговлей и не платить пошлину. Также минимальную сумму за билет на владение предприятием платили женщины – владелицы фотоателье и типографий, пишет автор.

Количественный рост женщин-предпринимательниц, в том числе вдов и незамужних, свидетельствует о разрушении патриархальной гендерно-ролевой модели. В течение десятилетий последовательно и методично в стране начало выстраиваться женское предпринимательство. Примером может служить семья Морозовых – крупнейших предпринимателей своего времени. На Никольской мануфактуре работало, по данным на конец XIX в., 17,3 тысячи человек. Мануфактура занимала второе место среди всех российских предприятий по объему производства. Мария Фёдоровна Морозова (супруга купца Тимофея Морозова и мать знаменитого Саввы Морозова) руководила фабрикой больше 20 лет.

Автор сознательно не стала рассматривать женский труд в торговле, поскольку это, по её словам, отдельная тема.

Вторая глава книги представляет собой, можно сказать, биографическое исследование, где собраны портреты женщин-

предпринимательниц. Особенно ярко написан портрет Натальи Петровны Голицыной, или как её звали «Усатая княгиня» (в старости она страдала гирсутизмом). Она была представительницей высшей аристократии, занимала пост статс-дамы при Александре I и Николае I. От деда и отца Наталья Голицына унаследовала значительную собственность, владела кожевенным заводом и заводом по производству стекла, а также фабрикой льняного полотна. Кроме того, по данным за 1860 г., она владела 3902 крепостными мужского и женского пола. Вплоть до самой смерти она руководила всем хозяйством. У княгини было два сына, один из них – Дмитрий Владимирович Голицын – занимал должность генерал-губернатора Москвы.

На другом социальном полюсе находилась Прасковья Васильевна Полякова, самостоятельно основавшая бизнес. Потеряв мужа, из мещанок она перешла в купчихи сначала третьей, а потом второй гильдии. П. Полякова была владелицей фабрики, выпускавшей парчу на шелке и церковные ризы. В 1830-е годы продукция была удостоена двух наград. По данным на 1853 г., фабрика, на которой трудились 255 рабочих, принесла прибыли 321 810 рублей серебром. Вдобавок к фабрикам Полякова владела несколькими лавками оптовой и розничной торговли тканями. В 1840-е годы она переехала жить в собственный двухэтажный каменный дом, стоимость которого оценивалась в 16 тыс. рублей.

Рассмотрев сложную и неоднородную картину женского предпринимательства в России XIX в., историк наглядно показывает, что бизнесом занимались представительницы самых разных слоёв населения.

В новаторском исследовании Г.Н. Ульяновой сочетается несколько подходов, это анализ женского бизнеса с массой разных статистических данных, полученных из первоисточников, которые мало изучены или впервые вводятся в научный оборот. Отдельного внимания заслуживает просопографическая глава с описанием судеб женщин-предпринимательниц. Книга, написанная ясно и образно, созданная на солидной документальной основе, представляет несомненный интерес для специалистов и открывает ещё одну страницу экономической истории и истории женщин в России.

РЕФЕРАТЫ

РЭМПТОН В. ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ИДЕИ В ЦАРСКОЙ РОССИИ ОТ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ ДО РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

RAMPTON V. Liberal ideas in tsarist Russia from Catherine the Great to the Russian revolution. – Cambridge : Cambridge University Press, 2020. – 229 p. – (Ideas in context).

Ключевые слова: либерализм в царской России; позитивизм в царской России; А.Н. Радищев; П.И. Новгородцев; М.М. Ковалевский.

Keywords: liberalism in tsarist Russia; positivism in tsarist Russia A.N. Radishchev; P.I. Novgorodtsev; M.M. Kovalevsky.

Для цитирования: Дунаева Ю.В. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5 : История. – Москва : ИНИОН РАН, 2022. – № 2. – С. 164–169. Реф. кн. : Rampton V. Liberal ideas in tsarist Russia from Catherine the Great to the Russian revolution. – Cambridge : Cambridge University Press, 2020. – 229 p. – (Ideas in context).

В книге научного сотрудника Макгиллского университета (Канада) Ванессы Рэмптон прослеживается развитие русской либеральной мысли. Исследование состоит из вступления, шести глав, заключения. Автор использует опубликованные работы русских мыслителей (например, работы либералов), научные работы российских и иностранных ученых.

Как отмечено во вступлении, книга охватывает «долгий XIX век», от времени правления Екатерины Великой (1762–1796) до Октябрьской революции 1917 г. В. Рэмптон пишет, что сложно провести чёткую грань между русской либеральной мыслью, консерватизмом и славянофильством. По ее словам, она размыта. Расцвет либерализма, по мнению учёного, приходится на 1900-е –

1914 г. Одним из признаков его В. Рэмптон считает образование Конституционно-демократической партии в 1905 г. В течение этого короткого, но показательного периода, пишет автор, группа учёных, политиков и общественных деятелей обратилась к концепции западного либерализма с тем, чтобы сформулировать русскую либеральную идею и повлиять на формирование политической системы страны. Исследовательница подчеркивает большое влияние европейской мысли на русский либерализм.

В первой главе она обращается к некоторым русским писателям и философам, которые под влиянием западной философии разрабатывали теории прав и свобод личности. Это, по мнению автора, заложило основу будущего либерализма. Истоки его она находит в творчестве А.Н. Радищева и Н.И. Новикова. «В написанном в сентиментальном духе “Путешествии”, – пишет она о книге А.Н. Радищева, – страстно осуждается деградация человеческих отношений, не сдерживаемая наличием общественного договора и верой в естественные и неприкосновенные свободы личности. Вдохновленный историей Англии и Америки, Радищев открыто поставил под сомнение легитимность самодержавия во имя неотъемлемых прав личности и гуманитарных ценностей» (с. 43).

Далее автор рассматривает, как решалась проблема индивидуальной свободы и социальных прав другими русскими мыслителями. Наиболее ярко, по её мнению, это отразилось в творчестве Б.Н. Чичерина (1828–1904). Его она называет «знаковой фигурой русской либеральной теории» (с. 50). «Чичерин способствовал возрождению идеалистической традиции в философии и, таким образом, выступил в качестве моста между гегельянством 1840-х годов и неоидализмом 1880–1890-х годов» (там же).

Вторая глава посвящена идее прогресса в позитивизме и неоидализме. Родоначальниками позитивизма были французский социолог и философ О. Конт (1798–1857) и английский философ и социолог Г. Спенсер (1820–1903). Позитивисты предлагали применять законы и методы естественных наук к изучению развития общества, культуры, истории. Значительное большинство позитивистов разных поколений разрабатывали теорию прогресса применительно к развитию общества. Суть ее в том, что государства медленно, но неуклонно движутся по пути развития к свободе

личности и общественному процветанию. Своих высот позитивизм и теория прогресса достигли в конце XIX в.

Автор обращает внимание на неоднородность в среде последователей позитивизма. С одной стороны, позитивисты выдвигали идею исторических законов, что, по мнению Рэмpton, не согласуется с представлениями о свободе личности. С другой стороны, были позитивисты, например, Дж. Милль, который в целом разделял идеи О. Конта о человеческом обществе и прогрессе, но больше внимания уделял психологии, самообразованию и важности культурных условий, в которых может быть достигнута свобода (с. 67).

В России наиболее яркими представителями либерального лагеря были университетские профессора, такие, как М.М. Ковалевский (1851–1916), Н.И. Кареев (1850–1931) и, конечно, П.Н. Миллюков (1859–1943). Они придерживались так называемого мягкого позитивизма и поддерживали либеральные идеи, в том числе и на практике. Например, П.Н. Миллюков был основателем и членом кадетской партии. Позитивистские взгляды были достаточно широко распространены в обществе, что позволило философу и публицисту П. Лукашевичу писать в начале XX в.: «Человечество движется к позитивизму – это линия развития, которая видна любому наблюдателю» (цит. по: с. 80).

Как отмечает автор, политические представления русских либеральных позитивистов были самыми разными, но их объединял оптимистический взгляд на историю и убежденность в том, что социальные, экономические и политические реформы неразрывно связаны. «В последовавшие годы революционных потрясений русские мыслители столкнулись с насущной необходимостью, как перевести теорию либерализма в конкретную политику. В то время как этот процесс обострил идеологические и философские разногласия между ними, это также дало российским политикам уникальное теоретическое и практическое понимание стоящих перед ними проблем либерализма» (с. 84).

В последующих главах Рэмpton рассматривает взгляды конкретных представителей либерализма. Например, позицию Павла Ивановича Новгородцева (1866–1924), которого она считает метафизическим идеалистом. Он был одним из выдающихся философов права своего времени, членом Российского психологического

общества, членом партии кадетов. Как глубоко верующий человек, на что особенно указывает автор, Новгородцев утверждал, что только религиозная вера, признание более высокой сверхчувственной реальности помогает человеку избежать утопических взглядов на личность и свободу. Именно индивидуальная связь с Богом как с «абсолютным принципом добра» показывает важность таких христианских заповедей, как любовь, гармония, человеческая солидарность, которые наполняют содержанием и направляют социальную жизнь и прогресс. Для Новгородцева «божественный (или трансцендентальный) элемент в каждом отдельном человеке обязательно реализуется в его или её земном призвании: люди из плоти и крови становятся личностями в полном смысле этого слова, стремясь приблизиться к Богу... Естественное право он рассматривал как мост между внутренней нравственной свободой и внешней свободой в социальной и политической сферах» (с. 148–149).

Наряду с теоретическими изысканиями П.И. Новгородцев занимался и политической практикой. Будучи депутатом I Государственной думы, он утверждал, что аграрный вопрос и проблема неприкосновенности личности являлись двумя наиболее важными среди тех, которые были поставлены перед депутатами. Его парламентская деятельность была прекращена после роспуска Думы и подписания им Выборгского манифеста¹. Однако он продолжил свою партийную работу.

Новгородцев отрицательно относился к переменам и ненавидел, по словам В. Рэмpton, саму идею насилия. Опыт революции 1905 г. глубоко повлиял на российскую либеральную политическую элиту, продолжает она. Если до революции ряд мыслителей временно принимали революционные методы общественной борьбы, то после революции они в них глубоко разочаровались, считает автор.

На примере творческого наследия М.М. Ковалевского В. Рэмpton рассматривает развитие теории прогресса в истории. Подход учёного к истории она характеризует как своеобразный

¹ «Выборгское воззвание» – обращение к народу, подписанное группой депутатов I Государственной думы после ее роспуска. Воззвание призывало к пассивному сопротивлению властям – не платить налоги, отказаться от военной службы и т.д. – *Прим. реф.*

симбиоз немецкой исторической мысли, позитивизма и английской социальной теории Г. Спенсера. М.М. Ковалевский также разделял представление о том, что некоторые методы естественных наук применимы для познания истории.

Отправной точкой размышлений историка и социолога Ковалевского было предположение о психологическом единстве человечества, что привело его к идее, что общества развиваются, подражая друг другу, то есть путем заимствования. Ковалевский подчеркивал, что социальные изменения происходят вследствие трансформации каждой личности. В основе всей социальной эволюции мы находим изменения в человеческой коллективной психологии, писал учёный.

Он также полагал, что различные концепции человеческих прав и свобод могут быть объяснены положением общества в универсальной схеме развития. При этом он отрицал идеи исторического прогресса, согласно которым Запад выступал как средоточие прогресса и свободы, а Российская империя как «неисторическая страна с коллективной душой» (с. 168).

Многие годы учёный провел за границей. Вернувшись в Россию и пережив революцию 1905 г., он в своих работах отмечал уникальный характер страны и её многонациональность и обширность территорий. Ковалевский был приверженцем федеративной республики и всеобщего избирательного права, а также выступал за улучшение жизни крестьян и рабочих. Однако он не поддерживал политические призывы немедленно заменить самодержавие парламентской республикой и распространить на всех избирательное право. Он писал о необходимости учитывать постоянное место жительства и образовательный ценз. Сам Ковалевский признавался в том, что «обязательно был монархистом в России, хотя и сохранял большое пристрастие к федеративной республике» (цит. по: с. 171).

После революции 1905 г. Ковалевский оставался приверженцем идеи «оптимистического рационализма», как это трактовал О. Конт, а также продолжал размышлять над идеей прогресса как объективной ценности, зависящей от роста солидарности как внутри национального государства, так и всего человечества.

Как пишет автор в заключение, либерализм в разных странах имеет много общих черт, хотя в самой либеральной среде не было

единого консолидированного мнения о фундаментальных понятиях свободы, форм власти и даже революции. Опыт русского либерализма начала XX в. показывает важность сочетания мысли и политической практики.

Ю.В. Дунаева^{*}

^{*} Дунаева Юлия Вячеславовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: dunaeva@inion.ru

ФЕНОМЕН РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в. : МОНОГРАФИЯ / В.В. Рябов, Е.А. Токарева, Ю.Н. Гусева [и др.] ; науч. ред. В.В. Кириллов. – Москва : ОнтоПринт, 2020. – 204 с.

Ключевые слова: Российская империя, конец XIX – начало XX в.; российская интеллигенция; религиозно-философские диспуты; коммунистический анархизм П.А. Кропоткина.

Keywords: Russian Empire, late 19th – early 20th centuries; Russian intelligentsia; religious and philosophical disputes; the communist anarchism of P.A. Kropotkin.

Для цитирования: Дунаева Ю.В. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2022. – № 2. – С. 169–173. Реф. кн. : Феномен российской интеллигенции конца XIX – начала XX в. : монография / В.В. Рябов, Е.А. Токарева, Ю.Н. Гусева [и др.] ; науч. ред. В.В. Кириллов. – Москва : ОнтоПринт, 2020. – 204 с.

Коллективная монография посвящена изучению отечественной интеллигенции XIX в. – начала XX в. В отличие от традиционного подхода, когда под этим словом понимают социальную прослойку, состоящую из работников умственного труда, обладающих образованием и специальными знаниями в различных областях науки, техники и культуры, авторы сосредоточились на тех ее представителях, которых принято называть мыслящей элитой. В монографии рассматривается деятельность интеллигентов – промышленников, государственных управленцев, представителей политических движений и церковных сфер. А критерием отбора для изучения, как показывает текст монографии, стала их просветительская и благотворительная работа, направленная на развитие образования, культуры, искусства и религии.

Авторы указывают, что сложно дать определение «интеллигенции», их существует около 300. Поэтому вопрос: стоит ли стремиться к единому универсальному определению, остается открытым. Находятся разные мнения и об определении автора этого термина. Одни исследователи называют российского писателя П.Д. Боборыкина, другие – античных авторов, например, Цицерона или Теренция. В XIX в. к интеллигентам причисляют Н.М. Карамзина, деятелей пушкинского круга, А.И. Герцена, Н.П. Огарёва, Н.Г. Чернышевского. Историки утверждают, что «научное рассмотрение феномена интеллигенции началось в 60-е годы XIX в., в частности, с работы Д.И. Писарева “Мыслящий пролетариат”» (с. 28).

Несмотря на разнообразие определений термина «интеллигенция», авторы выделяют сущность этого понятия, а именно «способность выявлять внутренние противоречия во внешней реальности, в том числе в обществе, и в самой себе. Способность к саморефлексии, самосознанию и самореализации в деятельности... позволяет отнести эту социальную группу к элите в широком смысле этого слова» (с. 47).

Во второй половине XVIII в. в Российской империи стали появляться представители просвещенной бюрократии. Они также выступали распространителями идей Просвещения в стране, влияли на общественную жизнь как в столице, так и на окраинах империи. К ним авторы относят Н.Н. Новосильцева, П.А. Вяземского, А.А. Чарторыжского и других.

Далее исследователи обращаются к представителям буржуазии, которых они относят к интеллигенции. Речь идёт о промышленниках и купцах, занимавшихся благотворительностью и меценатством. Их деятельность была связана как со светской, так и с духовной сторонами жизни общества. Некоторые промышленники организовывали детские и сиротские дома и приюты, жертвовали на храмы, строили школы для детей и взрослых.

В качестве одного из примеров подобной благотворительности авторы приводят промышленника Тимофея Саввича Морозова (1823–1889). Он открыл три учебных заведения при своих фабриках. Это были народные училища, обучение в которых длилось четыре года. В них принимали детей с 8-летнего возраста. Также Морозов занимался и дальнейшим профильным образованием, при

фабриках были открыты специальные классы, в которых подростков обучали тому или иному ремеслу: от столярного и токарного дела до профессиональной подготовки кузнецов и слесарей. Не остались без внимания и другие группы рабочих: их обучали грамоте и чтению, географии, истории страны, литературе, знакомили с Законом Божиим.

Отдельная глава посвящена представителям интеллигенции из революционных и анархистских кругов. Авторы выделяют три направления в анархизме: анархо-коммунизм, анархо-синдикализм и анархо-индивидуализм. Самыми видными представителями анархизма были князь П.А. Кропоткин (1842–1921) и М.А. Бакунин (1814–1876). В теоретических работах этих мыслителей значительная роль отводилась народным массам как движущей силе истории, революции как способу преобразования общества. Так, например, М.А. Бакунин разрабатывал теорию, согласно которой возможен революционный переход к качественно иной форме государственного устройства – к «федеративному устройству самоуправляющихся общин» (с. 106). Оба анархиста разрабатывали теории революции и оба различали революцию социальную и политическую. Согласно Бакунину, политическая революция – это государственный переворот, а социальная революция – это глубинные изменения в структуре общества, итогом которых является уничтожение государства.

П.А. Кропоткин итогом политической революции называл смену режима власти, а общественные и экономические отношения должны были остаться без изменений. Он больше внимания уделял разработке теории социальной революции, потому что именно она способна уничтожить классовую структуру общества и старую власть.

Оба теоретика много писали о роли народных масс в истории. Оба не сомневались в решающей роли народа в революции, однако у них были разные представления о том, кто же входит в понятие «народ». Бакунин считал, что народ – это рабочие, крестьяне, деклассированные и криминальные элементы. Кропоткин же говорил о союзе пролетариата и крестьянства, при этом ведущую роль в революции он отводил последнему. Также они расходились в представлениях о причинах революции. Кропоткин считал революцию неизбежным элементом развития общества. По мысли Ба-

кунина, революция произойдет вследствие присущей русскому народу приверженности бунту, инстинкту свободы и ненависти к государству. Но кто будет руководить народом и вести его к революции? Бакунин писал о тайной организации и коллективной диктатуре. Кропоткин настаивал на лидирующей роли анархистской партии. «Партия при этом рассматривается не как политическая организация, нацеленная на захват власти, но, скорее, как объединение людей, способных грамотно с идейной точки зрения организовать пропаганду среди народа и подготовить революцию» (с. 109).

В среде российской интеллигенции не было единого отношения к Церкви, к религии, однако она активно интересовалась развитием духовно-религиозных учений, которые могли бы помочь в преобразовании общества. Диалог светской и духовной интеллигенции, по мнению историков, состоялся в форме хорошо известных Петербургских религиозно-философских собраний. Всего состоялось 22 собрания. В их работе принимали участие как представители Церкви, например духовник императора протопресвитер И.Л. Янышев, известный богослов, протоиерей С.А. Соллертинский, так и представители творческой интеллигенции – Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус и др. На собраниях рассматривались как узкоспециальные религиозно–духовные вопросы, так и проблемы взаимоотношений и взаимовлияний духовной и светской интеллигенции.

Авторы монографии подчёркивают, что на рубеже XIX–XX вв. среди интеллигенции, или, как они ещё называют её, мыслящей элиты, было чёткое осознание необходимости создания нового культурного пространства, трансформации мировоззрения российского общества. При этом светская интеллигенция обратилась к традиционной православной религии и предприняла попытки преодолеть разрыв между светской и религиозной элитой. Участники Петербургских собраний пытались наладить диалог между религиозной и светской интеллигенцией.

Историки также уделяют внимание реформам в сфере духовного образования, как православного, так и других конфессий, проблемам их взаимодействий. Они считают, что «диалог светской и духовной интеллигенции (духовной – в широком плане, имеем в виду представителей не только православной духовной интелли-

генции, но и мусульманской, буддийской и др.) на рубеже XIX–XX вв. успешно состоялся» (с. 172–173). На встречах проходили конструктивные диалоги, разрабатывались различные проекты, связанные с конфессиональной политикой.

Завершая книгу, исследователи признают, что их работа требует продолжения и дальнейшего научного анализа интеллигенции и ее роли на рубеже XIX–XX вв. При этом следует изучать интеллигенцию и как конкретное историческое явление, и как отдельную социальную группу.

*Ю.В. Дунаева**

* Дунаева Юлия Вячеславовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: dunaeva@inion.ru

СЕЛЕЗНЕВ Ф.А., ЕВДОКИМОВ А.В. СУД НАД ГЕНЕРАЛОМ В.А. СУХОМЛИНОВЫМ : ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ (1912–1917 гг.). – Нижний Новгород : ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2021. – 393 с.

Ключевые слова: военные реформы в Российской империи XIX в.; дело В.А. Сухомлинова.

Keywords: military reforms in the Russian empire XIX century; the case of V.A. Sukhomlinov.

Для цитирования: Дунаева Ю.В. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2022. – № 2. – С. 174–176. Реф. кн. : Селезнев Ф.А., Евдокимов А.В. Суд над генералом В.А. Сухомлиновым : документы и материалы (1912–1917 гг.). – Нижний Новгород : ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2021. – 393 с.

Жизнь генерала В.А. Сухомлинова относится к числу малоизвестных и малоизученных тем в истории. В советской и современной историографии за ним прочно закрепилась слава взяточника и изменника, за что он был осужден еще при царском режиме и Временном правительстве.

В разгар Первой мировой войны к 1915 г. стало остро недоставать снарядов и военного снаряжения, в этом был обвинен военный министр В.А. Сухомлинов. Он был отстранён от должности, и под давлением общественности над ним начался судебный процесс. В апреле 1916 г. он был арестован и помещен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. Известно, что император Николай II благосклонно относился к генералу и даже узнавал об условиях его содержания. 12 октября 1916 г. в соответствии с желанием императора Сухомлинов был переведён под домашний арест,

что, однако, вызвало критическую реакцию со стороны депутатов IV Государственной думы.

С приходом Временного правительства дело против генерала возобновили. Теперь его обвиняли не только в недостаточном снабжении армии, но и в государственной измене и шпионаже. Обвинение было косвенным и основывалось на том, что В.А. Сухомлинов общался с лицами, осужденными за шпионаж еще в 1915 г.

В марте 1917 г. его снова посадили под арест в Петропавловскую крепость. Состоялся новый суд и был вынесен суровый приговор: лишение всех чинов, званий, орденов и ссылка на бессрочную каторгу. Весной 1918 г. большевистское правительство освободило Сухомлинова, он попал под возрастную амнистию. Вскоре он эмигрировал в Германию, где и умер на улице в 1926 г.¹

Однако, как показывают новые исследования и публикации архивных материалов, все не так просто. Реферируемый сборник проясняет ситуацию с обвинениями и судом над Сухомлиновым. В нем приводятся источники из архивов: РГВИА, ГАРФ и РГИА, часть документов впервые вводится в научный оборот.

Как пишут авторы во вступлении, во время Февральской революции 1917 г. генерал Сухомлинов оказался в числе арестованных царских чиновников и лиц, приближенных ко двору. Для ведения дел Временным правительством была организована Чрезвычайная следственная комиссия (ЧСК). В ней ведущую роль играли противники царского режима, хотя были и те, кто пытался придерживаться законов, подчеркивают Ф.А. Селезнев и А.В. Евдокимов. Процесс над Сухомлиновым, считают историки, стал своего рода репетицией перед судами над остальными царскими чиновниками. В отличие от других процессов, которые были пре-

¹ См.: Бей Е.В. Военный министр генерал В.А. Сухомлинов : жизнь и деятельность. – Москва : Квадрига, 2016. – 299 с.; Бей Е.В. Генерал Сухомлинов. Военный министр эпохи Великой войны. – Москва : Центрполиграф, 2021. – 318 с. – (Новейшие исследования по истории России). См. также: Любин В.П. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5 : История. – Москва : ИНИОН, РАН, 2017. – № 4. – С. 90–98. – Реф. кн. : Бей Е.В. Военный министр генерал В.А. Сухомлинов : жизнь и деятельность. – Москва : Квадрига, 2016. – 299 с.

рваны Октябрьской революцией, суд над Сухомлиновым удалось довести до вынесения приговора и заключения его под стражу.

Материалы сборника поделены на две части. В первой части помещены документы, проливающие свет на пропагандистскую кампанию, предшествовавшую аресту и суду. К ним относятся, например, документы, посвященные взаимоотношениям генерала В.А. Сухомлинова и князя М.М. Андроникова, который многие годы тщательно и скрупулезно собирал информацию о высокопоставленных лицах и использовал ее, чтобы продвигать одних чиновников и смещать других.

Далее приводятся документы, подготовившие почву для дискредитации генерала и позволившие обвинить Сухомлинова в государственной измене и ряде других преступлений. По этому делу проходил ряд лиц, начиная от жены Сухомлинова и его родственников до его биографа В.Д. Думбадзе.

Третий раздел посвящен политической борьбе вокруг генерала и представляет собой переписку самого Сухомлинова с разными лицами, письма чиновников по его делу. Как показывают приведённые в книге документы, дело было сфабриковано. Арест генерала в 1916 г. не был вызван какими-то вновь открывшимися обстоятельствами дела. Это была чисто политическая акция, инициатором которой стал министр юстиции А.А. Хвостов, пишут авторы книги.

Материалы судебного процесса составляют вторую часть сборника. По мнению исследователей, наиболее информативны стенограммы судебных заседаний, обвинительный акт по «Делу Сухомлинова», показания свидетелей. Публикации документов, несомненно, проливают свет на жизнь и деятельность генерала В.А. Сухомлинова, а также на ситуацию в верхних эшелонах власти времён Первой мировой войны, Февральской революции.

*Ю.В. Дунаева**

* Дунаева Юлия Вячеславовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: dunaeva@inion.ru

ЦВЕТКОВА Ц. ФАКТОР СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ ДИАСПОРЫ В
СОВЕТСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЯХ (1919–1921 гг.)

TSVETKOVA Ts. Sovyet-Türkiye İlişkilerinde «Kuzey Kafkasya Diasporası Faktörü» (1919–1921) // Kafkasya Çalışmaları – Sosyal Bilimler Dergisi. – 2021. – Cilt 6, Sayı 12. – S. 259–294.

Ключевые слова: советско-турецкие отношения, 1919–1921 гг.; северокавказская диаспора в Турции; становление Турецкой республики.

Keywords: Soviet-Turkish relations, 1919–1921; the North Caucasian diaspora in Turkey; the formation of the Turkish Republic.

Для цитирования: Чедия А.Р. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2022. – № 2. – С. 177–183. Реф. ст. : Tsvetkova Ts. Sovyet-Türkiye İlişkilerinde «Kuzey Kafkasya Diasporası Faktörü» (1919–1921) // Kafkasya Çalışmaları – Sosyal Bilimler Dergisi. – 2021. – Cilt 6, Sayı 12. – S. 259–294.

В статье болгарского исследователя Ц. Цветковой рассматривается роль северокавказской диаспоры в советско-турецких отношениях в период 1919–1921 гг. В работе представлено описание деятельности представителей северокавказской диаспоры¹, занимавших высокие посты в Великом национальном собрании

¹ Северокавказская диаспора в Османской империи формировалась на протяжении большого периода со второй половины XV в. вплоть до второй половины XIX в. Регион долгое время входил в зону политического и культурного влияния Стамбула, а прибрежная его часть (Черноморское побережье Кавказа) в определенные периоды находилась под прямым османским управлением. Важным этапом в становлении северокавказской диаспоры в Турции следует считать массовое переселение кавказских горцев в пределы Османской империи после окончания Кавказской войны 1817–1864 гг. – *Прим. реф.*

(Меджлисе), в период национально-освободительной борьбы турецкого народа и становления Турецкой Республики.

Во введении к статье автор уделяет особое внимание структуре северокавказской диаспоры в Турции. К началу XX в. она состояла преимущественно из черкесов, которых автор называет «последним мятежным народом Российской империи», а также других этнических групп Северного и Западного Кавказа, таких, как осетины, чеченцы, дагестанцы и др. (с. 261). Кавказские иммигранты были расселены в разных частях Османской империи и постепенно интегрировались в османское общество. С течением времени высшее сословие черкесского и в целом кавказского происхождения начинает играть важную роль в османском правительстве, армии, местной и государственной администрации, а после распада империи – в турецком национальном движении и во вновь созданных политических структурах в Анкаре. Автор выделяет два основных направления, в которых северокавказские иммигрантские группы оказали заметное влияние на советско-турецкие отношения: во-первых, это дипломатическая деятельность (направление делегаций в Европейские страны, на Северный Кавказ, ведение переговоров с советским правительством), поддержка независимости созданной в 1918 г. Горской Республики на Северном Кавказе¹ и стремление к возвращению части населения диаспоры на историческую родину. Второе направление деятельности северокавказской диаспоры автор связывает с участием в социалистическом движении в Турции. Советская Россия ориентировалась на представителей диаспоры для достижения политических целей путем распространения в стране коммунистических идей (с. 262).

В первой части работы автор описывает дипломатическую деятельность северокавказской диаспоры. В Османской империи создаются органы, разрабатывавшие планы независимости Северного Кавказа от царской России. Для правительства Турции стремление кавказских горцев к созданию независимого образования на Кавказе могло дать возможность продвижения своей политики в регионе. Северокавказская диаспора поддерживала Гор-

¹ Горская республика — это самопровозглашенное государственное образование на территории Северного Кавказа и Абхазии, просуществовавшее с мая 1918 по май 1919 гг. – *Прим. реф.*

скую Республику и была посредником в ее официальном признании Турцией в июне 1918 г. По мнению автора, политическая ситуация, сложившаяся после фактической капитуляции Османской империи во второй половине 1918 г., завершившая её участие в Первой мировой войне, заставила элиту кавказской диаспоры обратиться с просьбой о поддержке Горской Республики к Великобритании (с. 264). Однако в новых послевоенных реалиях Великобритании скептически отнеслась к будущему северокавказского объединения. В конечном итоге Горская Республика была расформирована, на ее месте в восточной части Кавказа возникает Северо-Кавказский эмират, де-факто просуществовавший до марта 1920 г.

После Мудросского перемирия (30 октября 1918 г.) контакты между горцами и представителями Северокавказской республики были возобновлены. Высокопоставленные офицеры кавказского происхождения, входившие в турецкое правительство, пытались наладить неофициальные контакты с Советской Россией, что на определенном этапе могло противоречить интересам Анкары. Тем не менее правительство Мустафы Кемаля рассматривало Кавказский регион как жизненно важное связующее звено между Анкарой и Москвой, что послужило причиной направления на Северный Кавказ делегации известных представителей северокавказской общины Турции.

В начале 1920 г. специальная делегация представителей диаспоры направилась на историческую родину. В последующие три месяца делегаты организовали встречи с лидерами Чечни, Дагестана и Ингушетии. Основная цель поездки состояла в объединении горцев под турецким началом. Под непосредственным руководством делегатов из Анкары в мае 1920 г. было образовано «Национальное собрание» народов региона. Руководителем «Национального собрания» был назначен Мухаммед Камиль-паша – сын одного из видных деятелей Кавказской войны имама Шамиля, проживавшего в Османской империи. По мнению автора, это назначение носило знаковый характер, так как представители «Национального собрания» совместно с делегатами из Анкары стремились сохранить символическую связь между предводителем части горского населения в годы Кавказской войны и современными жителями Северного Кавказа (с. 268). «Национальное собрание» кав-

казских горцев было сформировано в ауле Ведено, ранее бывшей де-факто столице Северо-Кавказского эмирата. По мнению автора, представители северокавказской диаспоры использовали создание «Национального собрания» для оказания давления на советское руководство в вопросах урегулирования пограничных вопросов, оставшихся нерешенными после Первой мировой войны. Однако вскоре советской власти удалось подавить сопротивление горцев и расправиться с его лидерами. Автор отмечает, что политика Мустафы Кемалю в отношении борьбы кавказских народов за независимость с самого начала была нерешительной. С разработкой «стратегии выживания» и предоставлением Турции советской материальной поддержки у правительства Анкары не осталось другого выхода, кроме как признать свершившимся фактом подчинение горского объединения Советской России (с. 272).

Во второй части исследования автор уделяет особое внимание деятельности представителей северокавказской диаспоры в продвижении коммунистической идеологии в Турецкой республике. Советская Россия опиралась на представителей диаспоры, являвшихся депутатами парламента Турции и близкими соратниками премьер-министра Мустафы Кемалю. Советизация Турции была крайне выгодна Москве, поскольку могла бы стать хорошим примером для других исламских стран. Идеологию, распространяемую Москвой, автор называет «большевизмом», который использовался как инструмент для обеспечения внешнего и внутреннего контроля над Турцией. Между тем Мустафа Кемаль пытался найти баланс между необходимостью сотрудничать с РСФСР и недопущением распространения «большевизма» в стране.

В Анкаре с ведома Мустафы Кемалю создается «Общество зеленой армии» (далее ОЗА), которое должно было контролировать деятельность социалистических сил Турции. Данная организация состояла из активистов, выступавших с идеей объединения мусульман против империалистов под знаменем социализма. Термин «зеленая армия» мог быть связан как с одноименным движением в России в годы Гражданской войны (1917–1922), так и с исламской армией Кавказа, полками турецких командующих Энвер-паши и Казима Карабекира. В годы борьбы за независимость в Турции распространялись сведения, что представители ОЗА прибывают из России в Турцию для помощи турецкому народу.

Большое число представителей ОЗА были членами северокавказской диаспоры Турции. Автор считает, что появление подобного движения в Турции было связано с подготовкой почвы для советско-турецкого сотрудничества и могло содействовать совместной борьбе Советов с мусульманами против общего врага – Антанты. Некоторые высокопоставленные члены ОЗА, черкесы по происхождению, находились и в ближайшем окружении Мустафы Кемаля.

Однако политика Анкары в отношении РСФСР немного изменилась в период греко-турецкой и армяно-турецкой войн и позицией Москвы по приграничным вопросам. Осложнение отношений напрямую повлияло на аресты социалистов в Турции, в том числе представителей северокавказской диаспоры. Турецкое правительство упразднило движение ОЗА, а затем начало оказывать давление на созданную организацию «Турецкая коммунистическая партия» (далее ТКП), поддерживаемую Москвой. Представители новой партии ушли в подполье. Одновременно с этим под непосредственным руководством Мустафы Кемаля была учреждена Коммунистическая партия Турции (далее КПТ).

Несмотря на репрессивные меры, направленные против деятельности ТКП, Мустафа Кемаль стремился сохранить доверие и материальную поддержку со стороны Советов. В октябре 1920 г. в Анкару впервые прибывает дипломатическая миссия из Москвы, а затем открывается посольство РСФСР. Руководство ТКП подпольно проводило регулярные встречи в здании посольства Советской России. Более того, несмотря на возражения правительства Анкары, контакты советской миссии с членами ТКП продолжались. В ноябре 1920 г. по инициативе представителей ТКП и ОЗА была образована Народная коммунистическая партия Турции, существовавшая до февраля 1921 г., и ее упразднение стало составной частью окончательного поражения поддерживаемого Советским Союзом коммунистического движения в Анатолии.

Представители северокавказской диаспоры были активно задействованы во всех вышеуказанных процессах. Особое внимание автор уделяет активному участнику войны за независимость в Турции, военачальнику адыгского происхождения Этхему-черкесу. Авторитетом Этхема в Турции пытались воспользоваться в Москве. С другой стороны, Мустафа Кемаль также стремился взять под контроль Этхема и его сторонников. Фактически Советы намеревались

использовать конфликт между Этхемом и его сторонниками, с одной стороны, и Мустафой Кемалем – с другой, чтобы при необходимости вмешаться в это противостояние в случае, если Анкара склонится к Западу. Следует отметить, что Этхем определенно не был коммунистом, но однако считался активным сторонником ОЗА. По мнению автора, заявления, которые делал Этхем о том, что большевизм является «единственным лекарством для спасения, а большевистская система более полезна для будущего нации», связаны больше с конъюнктурой того времени (с. 282). Этхем неоднократно встречался с представителями ТКП для того, чтобы заручиться поддержкой этой организации. Влияние Этхема в армии могло стать опорой для распространения коммунистической идеологии, а с другой стороны – являлось реальной угрозой авторитету Мустафы Кемала, что в конечном итоге привело к требованию последнего направить Этхема в Москву. Неповиновение Этхема и его сторонников привело к началу военной операции, которая закончилась бегством последнего на греческую сторону в январе 1921 г. По мнению автора, Москва не могла рисковать эскалацией конфликта, которая ухудшила бы переговорный процесс и, возможно, поставила бы под угрозу сотрудничество с Мустафой Кемалем против держав Антанты, тем самым «толкнув его в объятия» врага.

В заключение автор указывает на то, что деятельность северокавказской диаспоры оказала значительное влияние на советско-турецкие отношения. Идеи возвращения на родину, а также живой интерес к политическим процессам на Северном Кавказе не могли позволить диаспоре оставаться в стороне от развития советско-турецкого сотрудничества. Нахождение некоторого числа представителей диаспоры в высших звеньях турецкой власти давало возможность последним лавировать между Анкарой и Москвой. Участие представителей диаспоры в создании коммунистических / левых формирований на самом деле могло сделать их инструментом давления на Анкару. Однако постепенное усиление власти в Турции националистических кругов во главе с Мустафой Кемалем привело в конечном итоге к ослаблению влияния северокавказской диаспоры в правительстве Турции. Особую роль в этом процессе мог играть отказ РСФСР от поддержки представителей северокав-

казской диаспоры в их борьбе с правительством Мустафы Кемаля для недопущения эскалации конфликта с Турецкой Республикой.

*А.Р. Чедия**

* Чедия Анри Р. – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). e-mail: chedia@inbox.ru

МОЗЕР У. ЧАХОТКА. ДРУГАЯ ИСТОРИЯ НЕМЕЦКОГО ОБЩЕСТВА / пер. с нем. А. Кулес. – Москва : НЛЮ, 2021. – 288 с. – (Культура повседневности).

Ключевые слова: история Германии, конец XIX в. – начало XX в.; история повседневности; чахотка как социальное явление.

Keywords: German history, late 19th century – early 20th century; history of everyday life; consumption as a social phenomenon.

Для цитирования: Дунаева Ю.В. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5 : История. – Москва : ИНИОН РАН, 2022. – № 2. – С. 184–189. Реф. кн. : Мозер У. Чахотка. Другая история немецкого общества / пер. с нем. А. Кулес. – Москва : НЛЮ, 2021. – 288 с. – (Культура повседневности).

Разразившаяся эпидемия COVID-19 привлекла интерес историков к темам, ранее находившимся «на периферии» исторической науки, – истории болезней и эпидемий. Книга историка Ульрики Мозер посвящена истории чахотки (туберкулеза) в Германии от начала XIX в. до 1940-х годов. Автор показывает, как менялось отношение к болезни, к больным людям на протяжении этого периода.

В введении автор пишет, что размышления о болезни – это способ самопознания человека и общества. То, как в обществе относятся к больным и болезни, показывает отношение к человеческой личности, общественным ценностям, мировоззрению. У болезни есть социальное, историческое и общественное значение, подчёркивает Мозер.

Болезни и эпидемии всегда сопровождали человеческое общество, можно сказать, что каждому времени соответствует та или иная болезнь, иногда переходящая в эпидемию. Соответственно в определенные периоды времени вырабатывается своя медицинская

лексика, по-новому формируются представление о жизни, смерти и физическом страдании. Болезни, продолжает автор, связаны с культурой, религиозно–духовной жизнью общества, идеологией и политикой. Для XIX – начала XX в. «основной» болезнью во многих странах стал туберкулез (чахотка). Автор приводит следующие цифры: «В середине XIX в. в Германии смертность от чахотки достигла пика: ежегодно из каждых 100 тыс. человек от нее умирали 270. В Вене четверть всех умерших были жертвами чахотки» (с. 10).

В эпоху романтизма чахотку идеализировали и эстетизировали – утомленный вид, бледность, присущая недугу, не маскировались, а, наоборот, подчеркивались. Тема чахотки фигурировала во многих произведениях классической литературы, персонажей, страдающих от этой болезни, можно найти в произведениях Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, М. Горького. У. Мозер даже называет чахотку самой литературной болезнью, отмечая, что многие писатели (например, Новалис, Ф. Кафка и др.) сами болели ею.

Болезнь нашла отражение в полотнах таких художников, как Э. Мунк и О. Кокошка; она заняла свое место даже в опере: героини опер Дж. Пуччини, Дж. Верди, Ж. Оффенбаха, «медленно и прекрасно погибающие юные и хрупкие девушки делают эти оперы такими волнующими» (с. 15).

В 1882 г. немецкий врач Роберт Кох, проводивший свои исследования в крошечной лаборатории при своем врачебном кабинете, открыл бациллу туберкулеза. Это было поистине эпохальное открытие, оно разделило историю чахотки и ее лечения на время до Коха и после Коха. Кстати, впоследствии Р. Кох идентифицировал возбудителей еще двух болезней – сибирской язвы и холеры. Исследования Коха, пишет У. Мозер, определили дальнейшее развитие бактериологии и задали международные научные стандарты в этой области. Вообще 1880–1890-е годы – время расцвета медицины, открытия возбудителей ряда смертельно опасных болезней, таких, как проказа, малярия, холера, дифтерия, столбняк, пневмония, чума, сифилис и коклюш (с. 21, 25). Однако впереди еще было создание лекарств от этих болезней.

Так же дело обстояло и с чахоткой, ее пытались лечить самыми разными, порой экстравагантными методами: больным рекомендовали быструю ходьбу, восхождения в горы, верховую ез-

ду. Из продуктов – молоко (включая материнское и молоко ослицы) и молочную сыворотку, вино, применяемое против чахотки ещё с античных времен. Больным рекомендовали сменить климат и отправиться в горные, степные районы, к южным морям (в Италию, на Средиземное море).

Примерно в это же время была открыта польза высокогорного воздуха для туберкулезников. Немецкий врач Герман Бремер исцелился от туберкулеза после поездки в Гималаи. В 1863 г. в Силезии в высокогорной деревеньке Гёрберсдорф, был построен первый легочный санаторий, в котором намеревались лечить болезнь, считавшуюся неизлечимой. В этом подходе заключалось отличие от открытых ранее европейских санаториев, где целью было не вылечить больного, а скорее облегчить переход в мир иной.

Г. Бремер разработал собственную методику лечения. Прежде всего, это свежий, высокогорный воздух: на высоте ниже атмосферное давление, а значит, ускоряются пульс и обмен веществ. Ведь причину заболевания врач видел в «увеличении легких» и «ненормальном уменьшении размеров сердца», которое перекачивает слишком мало крови, отчего тело и легкие не получают достаточного питания, и человек чахнет и умирает» (с. 78). Пациент должен много гулять на свежем воздухе, так как движение ускоряет кровоток и это повышает сопротивляемость организма болезни. Не менее важна и диета, врач рекомендовал жирную калорийную пищу, чтобы у пациента были силы бороться с болезнью. Еще одним средством лечения и создания хорошего настроения считалось употребление вина.

Со временем из маленькой сельской усадьбы санаторий «Гёрберсдорф» превратился в целый комплекс зданий. А с началом XX в. санаториями стали называть медицинские учреждения, занимавшиеся лечением других болезней. Санатории были доступны не только аристократии и буржуазии, то есть зажиточным слоям населения, но и другим, менее зажиточным слоям. Их лечение оплачивалось при помощи касс больничного страхования, страховых агентств, благотворительных обществ и т.п.

Однако не следует считать чахотку болезнью элиты и буржуазии, с ростом индустриализации толпы бедняков устремились в города. Они жили в стеснённых условиях, скудно питались и тя-

жело работали: 12-, а то и 14-часовой рабочий день был нормой даже для семилетних детей. Конечно, в таких условиях чахотка распространялась чрезвычайно быстро и была причиной высокой смертности. С середины XIX в. чахотка стала поистине народной болезнью. От нее смертность была гораздо выше, чем от других заболеваний, пишет У. Мозер.

К началу XX в. улучшение условий труда и жизни, сбалансированное питание привели к тому, что показатели смертности от чахотки снизились. Свою роль сыграло и улучшение гигиенической ситуации в городах, изменение отношения к чистоте тела и жилища. Произошли положительные социальные изменения. Канцлер О. фон Бисмарк в 1880-х годах ввел социальное законодательство, была создана система страхования, страховые компании оплачивали часть лечения для малоимущих, стало строиться больше лечебниц и санаториев, предназначенных для разных слоёв населения.

В это же время медики стали критиковать лечение в санаториях как неэффективное. В самом деле, там выздоравливали легкобольные, с ранней стадией заболевания. Тяжелых больных, если лечение не действовало, выписывали практически сразу. Таким образом, тяжелобольные и заразные пациенты не только не получали надлежащей медицинской помощи, но и распространяли инфекцию у себя дома, среди родных и близких.

Изменилось и отношение к болезни и больным, теперь вопрос обрел социальное значение. В 1883 г. английский исследователь, двоюродный брат Чарльза Дарвина, Фрэнсис Гальтон (Голтон) разработал учение – евгенику, науку, «которая изучает факторы, способные благотворно повлиять на врожденные качества расы и развить эти качества для наибольшего блага общества» (цит. по: с. 189–190). Если в теории Дарвина в животном мире проходил «естественный отбор», то в обществе, как считал Гальтон, должен производиться «искусственный отбор» среди людей. В 1885 г. немецкий врач Альфред Плётц сформулировал учение о «расовой гигиене». «Цель расовой гигиены – биологическая генетическая селекция, “выведение витальной расы”... В обществе, каким представлял его себе Плётц, не было места больным и слабым» (цит. по: с. 190). «Плётц не признавал медицинских страхо-

вок и пособий по безработице, гигиены и современной медицины, даже помощи при родах» (там же).

После Первой мировой войны теория расовой гигиены получила поддержку со стороны радикального национализма, пишет автор. Естественно, что в послевоенный период в разоренной Германии возросло количество больных чахоткой и умерших от неё. Однако теперь отношение к больным стало совсем другим. Некоторые врачи критиковали своих коллег за то, что те пытались лечить чахотку: по их мнению, этого не следовало делать, поскольку болезнь выкашивала тех, кто был носителем дурной наследственности.

В 1920-е годы были опубликованы работы, подводившие теоретическую базу под естественный отбор и принудительное уничтожение неполноценных, или дегенератов, как их еще тогда называли. Как пишет У. Мозер, «в конце 1920-х годов расовая гигиена и евгеника окончательно утвердились как общественная идеология. Их представители – биологи, медики, психиатры – занимались теперь политикой и управлением, влияли на общество и экономику. Расово-гигиеническое сознание стало идеологией Веймарской республики при поддержке евангелической церкви, социал-демократов и женского движения. Понятия расовой гигиены, “неполноценности” и “расового превосходства” вошли в повседневный обиход, политическую, общественную и церковную риторику» (с. 196).

В 1930-е годы, когда к власти пришёл Гитлер, расовая гигиена стала государственной политикой. В частности, был принят «Закон о стерилизации», обращенный против психически больных, алкоголиков и наследственных больных. Они должны были подвергаться принудительной стерилизации в целях сохранения чистоты нации. Верные режиму врачи предлагали стерилизовать также туберкулёзных больных и их родственников.

В годы войны отношение к чахоточным снова изменилось, теперь в зависимости от степени тяжести заболевания их снабжали продуктами, но принуждали работать. На захваченных территориях, где в военное время выросло число больных, их безжалостно уничтожали. В концлагерях врачи ставили опыты над здоровыми и больными, в том числе и над чахоточными.

В 1944 г. американским врачам З.А. Ваксману и А. Шатцу удалось получить антибиотик стрептомицин. С его помощью и с применением других лекарств удалось победить чахотку даже в запущенной форме. Врачи стали применять комплекс противотуберкулезных препаратов, и теперь туберкулез перестал быть смертельным приговором.

Однако, пишет У. Мозер, история туберкулеза не закончена. Он снова вернулся в 1980-е годы вместе со СПИДом. Автор приводит следующие данные: между 1985 и 1991 гг. заболеваемость туберкулезом в США увеличилась на 12%, в странах Европы – на 30%, в Африке – на 300%. Сегодня туберкулез по-прежнему считается самой частой причиной смерти во всем мире. В 2016 г. от этой болезни умерли 1,7 миллиона человек. Никакая другая бактериальная инфекция не убивает столько людей (с. 231–232). Больше всего заболевших живут в бедных странах Африки, Восточной Европы и Центральной Азии, пишет в заключение автор.

*Ю.В. Дунаева**

* Дунаева Юлия Вячеславовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: dunaeva@inion.ru

ШЕРСТЮКОВ С.А. НЕМЕЦКАЯ ПРОПАГАНДА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ (1914–1945). – Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2020. – 225 с.

Ключевые слова: Германия и Ближний Восток в Первой мировой войне; Османская империя во Второй мировой войне; немецкая пропаганда на Ближнем Востоке; М. фон Оппенгейм; Ш. Арслан.

Keywords: Germany and the Middle East in World War I; the Ottoman Empire in World War II; German propaganda in the Middle East; M. von Oppenheim; S. Arslan.

Для цитирования: Стрельцов А.Д. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5 : История. – Москва : ИНИОН РАН, 2022. – № 2. – С. 190–195. Реф. кн. : Шерстюков С.А. Немецкая пропаганда на Ближнем Востоке (1914–1945). – Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2020. – 225 с.

В реферируемой работе рассматривается формирование и эволюция германской пропаганды на Ближнем Востоке от времён Германской империи до Третьего рейха.

В предисловии канд. ист. наук С.А. Шерстюков (НИУ ВШЭ) отмечает все большее значение Ближнего Востока (и ряда других регионов) в немецком имперском дискурсе по мере того, как Германская империя осознавала себя державой с глобальными интересами. Исследователи отмечают, что Османская империя, Китай и Африка стали главными «пространствами», в которых разыгрывался эндшпиль мировой политики Германии. Багдадская железная дорога, первоначально планировавшаяся как конечное звено сухопутного маршрута из Берлина через территорию Османской империи к Персидскому заливу, сформировала важную особенность *Weltpolitik* (мировой политики) кайзера Вильгельма – его

стремление окончательно закрепить Германию на карте великих европейских империалистических держав.

После начала Первой мировой войны пропаганда приобретает невиданный прежде размах и формы, став важным элементом «тотальной» войны. Участники глобального конфликта, возникшего в эпоху массовых коммуникаций и массового производства, довольно быстро осознали, что для победы в нём необходима мобилизация всех имеющихся ресурсов и консолидация всего общества. Поскольку Первая мировая война была войной империй, победа в ней зависела от способности имперских центров мобилизовать колониальные ресурсы. В этих условиях пропаганда в колониях приобретала большое значение.

После начала Второй мировой войны Третий рейх запустит масштабную пропагандистскую кампанию на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Немецкая пропаганда будет обращаться к антиколониальной, националистической, а также антисемитской риторике (с. 3–4).

С начала XX в. в европейских державах возникает страх того, что однажды начнется не отдельное мусульманское восстание, а всеобщее «панисламистское» восстание, которое положит конец европейскому колониальному господству. В подходах европейских ориенталистов к Османской империи и к исламу причудливо переплетались признание наличия в мусульманском движении антиколониальной, освободительной составляющей и в то же время опасение столкнуться с обновлённым и, возможно, усилившимся исламом (с. 30–31).

Первая глава книги посвящена усилиям Германской империи по мобилизации мусульман в годы Первой мировой войны. Речь идет о формировании дискурса об исламе в европейской науке и политике. В формировании этих представлений участвовали не только учёные-ориенталисты, но и деятели, так или иначе соприкасавшиеся с восточными народами, – военные и чиновники, путешественники, литераторы, политики, дипломаты, миссионеры. Автор, например, анализирует деятельность немецкого археолога и дипломата барона Макса фон Оппенгейма, который в ходе поездки Вильгельма II по Ближнему Востоку передал ему записку, в ней он обращал внимание на возможность использования ислама в политических целях. В своём меморандуме Оппенгейм писал о

том, какие территории необходимо «революционизировать» в первую очередь для того, чтобы обеспечить победу Германии и союзных ей держав в войне. На первом месте в выстраиваемой им иерархии целей были Египет и Индия (с. 54–55).

Германская империя, её дипломаты, военные и предприниматели в течение нескольких десятилетий до Первой мировой войны, сделали многое для упрочения немецкого присутствия в Османской империи и внесли определенный вклад в ее модернизацию. Когда в августе 1914 г. началась война, по предложению уже упоминавшегося Оппенгейма в Берлине была создана так называемая Служба информации по Востоку («Бюро джихада»), которая должна была заниматься пропагандой ислама во французской Северной Африке, российской Центральной Азии и в британских колониальных владениях, прежде всего в Индии (с. 36–37).

14 ноября 1914 г. шейх-уль-ислам Османской империи Угрюплю Мустафа Хайри Эфенди выступил с пятью фетвами, в которых объявил Великий джихад России, Англии и Франции, а участие в нем – индивидуальной обязанностью «живущих по всей земле мусульман» (с. 39).

После вступления Османской империи в войну и объявления султаном-халифом Великого джихада странам Антанты Египет становится ключевой целью в османской и немецкой пропаганде джихада. Во многом благодаря усилиям немецких дипломатов к сентябрю 1914 г. возникает коалиция с участием османов, египетских националистов и бывшего хедива Абаса II Хильми, главной целью которой стала подготовка восстания в Египте.

Вторая глава посвящена мусульманской эмиграции в Германию в межвоенный период. Автор останавливается на описание деятельности Шакиба Арслана – крупного ливанского публициста, патриота Османской империи и убежденного панарабиста, который в свое время поддержал вступление империи в Первую мировую войну, а в период между двумя мировыми войнами представлял интересы арабов в Лиге Наций, и затем предпочел занятия публицистикой в нейтральной Швейцарии. Ш. Арслан надеялся, что Германия окажет помощь арабам в изгнании британцев и французов с их земель, поэтому неоднократно заявлял, что политика Германии в отношении мусульманских стран отличается от политики других европейских держав: Германия не поработала

людей и не разграбляла их богатства, не использовала в своих целях чувства мусульман и арабов, стремящихся к независимости, как это делала Великобритания (с. 92).

Энвер-паша, Джемаль-паша и Талаат-паша составляли triumvirat, который правил Турцией в годы Первой мировой войны. После поражения Турции в этой войне все трое вынуждены были эмигрировать в Германию. Однако и после этого они сохраняли надежды на возвращение к власти.

Автор обращается к контактам эмигрировавших младотурок с представителями Советской России, конкретно – с К. Радеком. Лидеры младотурок понимали, что единственной силой, способной оказать им серьезную поддержку в борьбе с Антантой, являлась Советская Россия. Радека интересовал характер их взаимоотношений с Кемалем. В ходе разговора с Радеком Энвер-паша и Талаат-паша подчеркивали, что Кемаль принуждён отмежеваться от павшего младотурецкого режима, но между ними и Кемалем нет никаких серьёзных разногласий по существу (с. 108-110).

В третьей главе автор рассматривает пропаганду Третьего рейха на Ближнем Востоке и в Северной Африке в годы Второй мировой войны. С началом Второй мировой войны в фокусе ближневосточной политики и пропаганды Третьего рейха оказался проект «Великой Сирии».

В разгар военных действий в 1941–1942 гг. Берлин стал рассматривать ислам в качестве политически значимого фактора. Нацистская Германия предприняла серьёзные усилия для продвижения союза с «мусульманским миром» против их предполагаемых общих врагов – Британской империи, Советского Союза, Америки и евреев. Значительную роль в организации попыток союза гитлеровской Германии и ислама сыграл иерусалимский муфтий Мухаммад Амин аль-Хусейни. (с. 147). Однако к осени 1942 г. (после поражений итало-немецких войск в сражениях под Эль-Аламейном) планы политического переформатирования Ближнего Востока стали менее актуальными.

Третий рейх вел пропаганду в отношении мусульманских солдат Великобритании и Франции. Германские пропагандисты рассказывали мусульманским солдатам, что европейцы их используют в качестве «пушечного мяса»: «пока французы остаются в тылу, чтобы пить, есть и стрелять в воздух, упражняясь в стрельбе,

туземцев отправляют на передовую или в Норвегию» (с. 177). Стремясь внушить магрибинцам идею о бессмысленности их участия в начавшейся войне, немецкая пропаганда апеллировала не только к антиколониализму, но и к антисемитской идее «еврейского заговора». Спикеры немецких радиостанций заявляли, что эта война, от которой сами французы отказались, была также еврейской войной, которая будет использована евреями, «чтобы изгнать арабов из Палестины и обосноваться на их месте» (там же).

Постоянно призывая к дезертирству, бегству, отказу от участия в войне, в ряде случаев немецкие радиостанции объявляли о произошедших мятежах и дезертирстве мусульманских солдат. Германия, как страна, «дружественная арабам», противопоставлялась осуществляющим колониальную политику Франции и Великобритании. «Ваши враги отправляют вас под огонь пушек на фронт, они отправляют вас на верную смерть в войне против Германии, хотя Германия не является вашим врагом и никогда не колонизировала и не преследовала арабские народы. Напротив, немцы желают всем арабам свободы и счастья» (с. 178).

В ноябре 1941 г. в Берлин прибыл великий муфтий Иерусалима Мухаммад Амин аль-Хусейни, мечтавший о создании арабской армии. Для него работа с мусульманскими солдатами, служившими в вермахте, а также пропаганда, направленная на мусульманских солдат союзников, станет одним из главных направлений его деятельности.

В заключение автор отмечает, что с появлением телеграфа и радио борьба за политическое доминирование приобрела дополнительные возможности и еще большую значимость (с. 195). Германская пропаганда в отношении мусульманских сообществ стала частью более широких усилий Германской империи, направленных на организацию восстаний и революций как в колониальных периферийных зонах, так и в имперских центрах ее противников. Однако ни активная пропаганда, ни отправка ряда специальных миссий в Персию, Афганистан и другие мусульманские страны не привели к тому результату, на который рассчитывал Берлин (с. 196).

К 1933 г., когда к власти в Германии пришли национал-социалисты, большая часть мусульманских эмигрантов покинула эту страну. После начала Второй мировой войны Германия снова

стала центром притяжения для антиколониальных националистов (в том числе из Ближнего Востока и Северной Африки), некоторые из них были готовы сотрудничать с Берлином не только по прагматическим, но и по идеологическим причинам (с. 198). Симпатии к Германии подпитывались также антиколониальными чувствами арабов.

Автор приходит к выводу, что во время Второй мировой войны немецкая пропаганда на Ближнем Востоке и в Северной Африке предпринимала немалые усилия для мобилизации протестных настроений в этих регионах через эксплуатацию антиколониальных и националистических чувств, распространение антисемитских и антиссионистских посланий и использование исламской риторики (с. 199).

*А.Д. Стрельцов**

* Стрельцов Алексей Дмитриевич – младший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: alstr189@mail.ru

СКАКОВ А.Ю. СУХУМСКИЙ РАЙОН РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИЯ : ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ. – Москва : ИВ РАН, 2021. – 312 с.

Ключевые слова: Республика Абхазия; локальная история; археология Абхазии.

Keywords: Republic of Abkhazia; local history; Abkhaz archaeology.

Для цитирования: Чедия А.Р. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5 : История. – Москва : ИНИОН РАН, 2022. – № 2. – С. 196–198. Реф. кн. : Скаков А.Ю. Сухумский район Республики Абхазия : история и современность. – Москва : ИВ РАН, 2021. – 312 с.

Работа отечественного кавказоведа А.Ю. Скакова посвящена истории и современности Сухумского района Республики Абхазия¹. Автор отмечает, что монография представляет собой опыт «локальной истории», когда прошлое и настоящее небольшого региона подробно рассматривается на фоне исторических процессов древности, Средневековья, Нового и Новейшего времени, а также современности. Важность исследуемого района состоит в его центральном положении на территории Абхазии. Представленный труд, по мнению самого автора, является не подробным историческим очерком, а попыткой описать историю региона с представлением анализа археологических памятников и письменных первоисточников. В качестве источников автор использует донесения чиновников на местах, дневники путешественников, путевые

¹ Сухумский район был образован в мае 1940 г. на основе Сухумского уезда, а до революции – Сухумского округа Кутаисского генерал-губернаторства. Административным центром района стал город Сухум (столица Абхазской АССР, не являвшаяся административной единицей указанного района). – *Прим. реф.*

очерки и множество других архивных материалов. Большое место в работе А.Ю. Скакова занимает подробное описание археологических памятников Сухумского района.

Основная часть исследования начинается с рассмотрения общей истории Сухумского района. Здесь автор придерживается хронологического принципа, начиная свое повествование с древнейшего периода и вплоть до наших дней. В разделе представлены материалы, связанные с историей, археологией, геологией, географией, демографией, экономикой региона, этнической, языковой и религиозной ситуацией. В работе представлена история отдельных сел Сухумского района, таких, как Эшера, Верхняя Эшера, Гумиста, Яштхуа, Гума, Баслата, Дзыгута, Кяласур, Акапа и Псху. В работе также даются краткие биографии известных жителей района или отдельно взятого села. Описание истории каждого из представленных населенных пунктов автор начинает с определения этимологии названия, а также с характеристики географического положения. Отдельный подраздел связан с демографической историей района, начиная с конца XIX в. вплоть до начала XXI в.

В труде представлено большинство археологических памятников района. Так, в разделе, посвящённом селу Эшера, в числе 34 известных археологических объектов автор наиболее подробно рассматривает могильник вторичного захоронения позднего бронзового – начала железного веков Эшерские кромлехи (с. 61); поселение предантичной эпохи Эшерское городище VI–I вв. до н.э. (с. 66). В селе Верхняя Эшера из 13 археологических объектов автор подробно описывает Эшерские дольмены (памятник бронзового века) (с. 81–84); крепость Уаз-абаа X–VIII вв. до н.э. При описании селения Гумиста автор дает обзор 13 археологических памятников, в том числе крепости XVI в. Старый Сухум. Из 13 археологических памятников села Яштхуа, среди которых – мегалитические сооружения бронзового века – дольмены, стоянки эпохи неолита и раннесредневековый храм, автор выделяет раннепалеолитическую (ашельскую) Яштхускую стоянку. Автор отмечает, что для древнейшей истории Кавказа селение Яштхуа стало одним из важных узловых пунктов (с. 105). В селении Гума представлено 35 археологических памятников, среди которых – Михайловская (Шромская) пещера, в которой были найдены вторичные погребения бронзового века. Из 8 археологических объектов селения Баслата

автор подробнее останавливается на позднеантичных римских ваннах и на одном из наиболее известных памятников средневековой архитектуры Абхазии – Беслетском мосту. Из исторических и архитектурных памятников селения Кяласур наиболее известен так называемый Келасурский монастырь эпохи Средневековья. В селении Акапа представлены два средневековых христианских храма. В селе Псху 13 исторических и архитектурных памятников, среди которых автор подробно останавливается на крепости Псху, предположительно VIII–X вв., а также ацангуарах – пастушеских сооружениях, датируемых эпохой раннего Средневековья

В заключение автор отмечает, что монография является первым опытом представления сложной и богатой истории, а также большого количества памятников древности Сухумского района Абхазии.

*А.Р. Чедия**

* Чедия Анри Р. – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). e-mail: chedia@inbox.ru

Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Информационно-аналитический журнал

Серия 5

ИСТОРИЯ
2022 № 2

Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-80873 от 21.04.2021

Художник обложки и художественный редактор М.Б. Шнайдерман

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор С.Е. Шелимова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999г.

Подписано к печати 11.04.2022

Формат 60×84/16

Печать офсетная

Усл. печ. 12,5

Тираж 300 экз. (1–100 экз. – 1-й завод)

Бум. офсетная № 1

Цена свободная

Уч.-изд. л. 10,0

Заказ № 10

Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН),

Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий

Тел. : (925) 517-36-91, (499) 134-03-96

e-mail: shop@inion.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН

ООО «Амирит»

410004, Саратовская обл., г. Саратов
ул. Чернышевского, д. 88, литера У

